

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 22

PEHOME

Санкт-Петербург
2023

Редколлегия:

- И. И. Елисеева*, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. И. Бояркина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. А. Галкин, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (зам. гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Н. В. Колесник, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. Маннила (Simo Mannila), PhD (Национальный институт
здоровья и благосостояния, Хельсинки, Финляндия);
М. В. Масловский, д-р соц. наук, проф. (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Е. В. Тыканова, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
И. Шубрт (Jiří Šubrt), д-р соц. наук, доцент
(Карлов университет, Прага, Чехия)

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

*Научное периодическое издание «Петербургская социология сегодня»
выходит с 2009 года.
Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).*

*Регистрационный номер СМИ:
ПИ № ФС 77-55387 от 17.09.2013 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

История социологии

<i>Тукумцев Б. Г.</i> История жизни Будимира Тукумцева, написанная им самим. Переезд в Алма-Ату. Завершение учебы в Ленинграде. На Омской железной дороге	5
---	---

Социально-политические исследования

<i>Сафронов В. В.</i> Медиаторы возрастных неравенств электорального участия: интерес к политике и партийная идентификация	49
--	----

Социальные исследования старения

<i>Меньшиков П. В., Арпентьева М. Р.</i> Мифологема «отложенного старения» в практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости	71
<i>Толстикова И. И.</i> Проблема «цифрового разрыва» и социология «третьего возраста». Ресурсный потенциал портала Университета третьего возраста для социологических исследований	99

Данные, методы, методология

<i>Каныгин Г. В.</i> Нарратив vs сетевой подход в контексте научной методологии	111
---	-----

Индивид, семья, общество

<i>Щёлкин А. Г.</i> Феномен «отцы и дети»: уточняя текущие представления	136
--	-----

CONTENTS

The History of Sociology

<i>Tukumtsev B. G.</i> The Life Story of Budimir Tukumtsev, Told by Himself. Move to Alma-Ata. Completion of Studies in Leningrad. On the Omsk Railway	5
--	---

Socio-Political Studies

<i>Safronov V. V.</i> Mediators of Age Inequalities in Electoral Participation: Interest in Politics and Party Identification	49
--	----

Social Research on Aging

<i>Menshikov P. V., Arpentieva M. R.</i> The Mythology of “Delayed Aging” in the Practice and Theory of Accompanying Human Development During Adulthood	71
<i>Tolstikova I. I.</i> The «Digital Divide» Problem and the Sociology of the «Third Age». Resource Potential of the University of the Third Age Portal for Sociological Research	99

Data, Methods, Methodology

<i>Kanygin G. V.</i> Narrative vs Social Network Theories in Context of Scientific Methodology	111
---	-----

Individual, Family, Society

<i>Schelkin A. G.</i> The «fathers and sons» phenomenon: clarifying current ideas	136
--	-----

Б. Г. ТУКУМЦЕВ

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ БУДИМИРА ТУКУМЦЕВА, НАПИСАННАЯ ИМ САМИМ¹

Переезд в Алма-Ату. Завершение учебы в Ленинграде

Переезд в Алма-Ату. Мы покидаем село Иртышское

В конце июля 1943 года мы попрощались с селом Иртышским, с хорошими людьми, которые оставались там жить, и отправились по реке Иртыш на пароходе в Семипалатинск, чтобы затем, проехав на поезде по Турксибу в южный Казахстан, попасть в Алма-Ату. На протяжении всего времени нашей жизни в Иртышском родители регулярно переписывались со своим приемным сыном — Олегом Ростиславовичем Назаревским. Будучи сотрудником Академии наук Казахстана, специалистом-географом, он жил вместе с женой Сарой в городе Алма-Ате, который в то время был столицей Казахстана.

Там же жили и его сестры, Муза и Лиля, — небольшой сохранившийся «островок» потомков рода Назаревских, наших родных по линии мамы, Евгении Васильевны. Правда, сестра Олега Лиля жила в некотором отдалении от Алма-Аты, на станции Матай. Вторая — старшая — сестра Муза, жила в Алма-Ате, в одной комнате с двумя сыновьями. В дальнейшем, когда выяснилось, что я остаюсь там для учебы на подготовительном отделении Ленинградского транспортного института, именно Муза взяла меня к себе «на квартиру». И мы два года жили вчетвером. Мужья обеих сестер в то время были на фронте.

Олег неоднократно предлагал нашим родителям покинуть это село и переехать в Алма-Ату. Родители же с большой осторожностью рассматривали эту перспективу. Им тогда было каким-то образом известно,

¹ Продолжение. Начало см. в ПСС 20 и ПСС 21.

что Алма-Ата переполнена эвакуированными, в основном москвичами. И родители опасались, что им трудно будет найти там и работу, и жилье. Их больше привлекал переезд в родной для мамы город Пензу, где жили мамы сестры. Тем более что еще в 20-е годы они вместе с отцом жили и работали несколько лет в этом городе, уехав из Петрограда из-за эпидемии «испанки» и голода, который царил там в 1917 году.

Но попасть в Пензу из Северного Казахстана в условиях военного времени ни в начале войны, ни на третий ее год было нереально. Зато из Алма-Аты это было возможно. Всего с одной пересадкой. Поэтому только тогда, когда они выяснили возможность трудоустройства отца в Пензенском педагогическом институте, было принято решение о переезде в Алма-Ату. С тем чтобы уже там думать, как поступить дальше.

Вопрос об официальном вызове отца в Алма-Ату, в Академию наук, Олегу удалось решить благодаря поддержке его шефа — академика Баранского. Вместе они сходили к президенту Академии наук Казахстана Сагпаеву. Тот поддержал их просьбу и дал указание оформить вызов. В Иртышск были отправлены все необходимые для переезда документы. В то военное время поездки «по собственному желанию» не допускались.

И в середине июля 1943 года у нас на руках был вызов, пропуск и билет на пароход до Семипалатинска. Далее следовало ехать по железной дороге. Были упакованы вещи, куплены необходимые продукты в дорогу. Не помню точно числа, но это были последние июльские дни, когда мы отправились по Иртышу вверх, против течения, на том же самом колесном двухпалубном дореволюционном пароходе, на котором приехали сюда. Правда, теперь мы ехали уже не в трюме, а в четырехместной каюте на второй палубе.

Для меня эта поездка была очень интересной и запомнилась на всю жизнь. Мне довелось облазать весь пароход, познакомиться с командой — пожилыми людьми, участвовать в погрузочно-разгрузочных работах. Таскал на лямках (на спине, как заправский грузчик) мешки с подсолнечными семечками (более тяжелого груза мне не давали).

Завязались у меня и дружеские беседы с пассажирами-сверстниками. В пылу этого общения я ненароком оказался жертвой военного врача-психиатра, который был среди пассажиров парохода и сидел неподалеку. Грешен, я в его присутствии позволил себе отозваться о гипнозе как о шарлатанстве. В наказание он тут же, не сходя с места (впервые и единственный раз в моей жизни) меня загипнотизировал. Это было малоприятное ощущение. Но с тех пор я больше не сомневаюсь в существовании потусторонних сил и колдовства.

Через три дня пароход прибыл в Семипалатинск. Мы приехали на частной подводке на железнодорожный вокзал. И, сложив на

привокзальной площади свои вещи, стали выяснять, как же нам уехать поездом в Алма-Ату. И тут стало ясно, что мы даже не предполагали, насколько это бесперспективно. Поездов не было. Точнее, о них ничего не было известно. Потянулись полные неясности часы ожидания возле железнодорожной кассы. А там стояла толпа ожидающих билета на поезд.

Во время этого ожидания нас намеревались обокрасть. Я почувствовал, что за нами кое-кто из местной шпаны очень внимательно следит, подошел к одной из тусовок, поговорил о жизни, угостил ребят семечками, которых у меня теперь было много. Те «оттаяли» и «слили мне информацию», кто и какой чемодан намерен у нас увести. Более того, они объяснили, как надо переложить вещи. Я все сделал по их совету и внимательно наблюдал, как постепенно исчезали «охотники» за нашим багажом.

Спасение из практически безнадежного положения пришло к нам в лице пожилого военного в полевой форме с капитанскими погонами, который предложил нам доехать до Алма-Аты в двухосном пассажирском вагоне. Он перегонял этот вагон куда-то на юг. Предложил, разумеется, за определенную мзду.

И мы поехали. И доехали, совершив еще одно необычное путешествие по знаменитому в те времена Турксибу (Туркестано-Сибирской магистрали). Новая железнодорожная ветка из Средней Азии в Сибирь была построена незадолго до начала войны. Тогда стройка пользовалась в стране большой популярностью. О ее значении нам рассказывали на уроках географии, писали в «Пионерской правде». Даже небезызвестный Остап Бендер побывал на ней по воле Ильфа и Петрова.

И вот теперь мы ехали по этому пути. Мои впечатления от поездки были усилены еще тем, что наш хозяин-капитан предложил мне забраться с ним на крышу вагона. Мы просидели с ним там долго. Это было незабываемое зрелище. Круговой обзор трассы Турксиба давал представление о бескрайних степях Казахстана с верблюдами и другой живностью. К сожалению, повторить такое путешествие на крыше мне в жизни больше не пришлось.

Знакомство с городом

На станцию Алма-Ата-1, находящуюся на значительном расстоянии от города, мы прибыли ранним утром. Сам город расположен в предгорьях Алатау, и туда вела от этой станции лишь ветка пригородного поезда. Но он ходил очень редко. Оставив маму с моей сестрой Ладой возле вещей на вокзале, мы с отцом отправились в сам город искать дом Олега и Сары Назаревских. Пройдя пешком до начала городской черты

около двух километров, мы подошли к Ташкентской аллее — улице, которая ведет от городской железнодорожной станции в город.

И мы увидели явно непарадный вход в этот старинный город, основанный в XIX столетии для защиты российских земель от набегов китайских племен. Жили тогда в этом городе и в его окрестностях главным образом российские казаки. Они-то и привезли сюда саженцы ставших потом знаменитыми алма-атинских яблук.

Оказавшаяся на нашем пути окраина города не создавала ощущения столичности. К тому же надо было учитывать и то, что на облик города накладывала свой отпечаток и продолжающаяся третий год война. Тем не менее пока мы с отцом шли, разглядывая предместья, я успел сочинить небольшую шутку: «Мы пришли в Алма-Ату».

(Ниже помещен этот экспромт, который впоследствии всегда возникал в моей памяти, когда я вспоминал об этом симпатичном городе на склонах Алатау.)

Приехав в город утром рано,
Его я будни увидал:
На лавке пьяный мирно спал,
Носили воду из-под крана.
Тащились хлебные фуры,
Как каравай, благоухая.
И по арыкам во дворы
Текла вода, все поливая.
У рек ее не ценят так,
А здесь она причина драк.
Вдоль тополей, вверх по дороге
Мы шли, в пыли купая ноги.
Кричал ишак, ревел мотор,
И все на фоне чудных гор.

Встреча в доме нашего Олега была сердечной. Вскоре возчик Академии наук привез маму и Ладу, ну и вещи, разумеется. И мы начали осваиваться в новой для нас обстановке.

И сразу же обратили внимание на то, что условий для нашего обустройства, как родители и предвидели еще в Иртышском, было не так уж много. У Олега и Сары была однокомнатная квартирка в деревянном одноэтажном доме. Муза, сестра Олега, жила с двумя сыновьями в одной комнате большой квартиры с коммунальной кухней. То есть жилищная ситуация наших родных была более чем скромной. Напрашивался вывод о необходимости поиска наемного жилья.

И уже скоро стало ясным, что если работу родители еще и могут себе найти, то найти жилье было просто невозможно, «не будучи Рокфеллером». И родители продолжили переписку с Пензенским педагогическим институтом. Тем не менее они были благодарны Олегу и всем родным за подготовку и осуществление нашего выезда из Иртышского как первого шага на пути в Пензу.

Ленинградский институт в Алма-Ате

Моя дальнейшая судьба неожиданно решилась отдельно от перспектив для всей нашей семьи. Ее обсуждали на расширенном семейном совете на второй день после нашего приезда. Собрались наши родные-алмаатинцы, и даже пришли их друзья. Предполагалось на столь широком собрании обговорить и варианты трудоустройства родителей, и перспективы нашей с сестрой учебы в этом городе.

В тот день переезд в Пензу не рассматривался. Не был еще получен ответ из Пединститута. Разговор сразу же начался с возможности моего поступления в институт. Выяснилось, что в тот момент в Алма-Ате это было возможно, несмотря на то что я окончил только 9 классов. В городе функционировал эвакуированный из Ленинграда Электротехнический институт инженеров сигнализации и связи. Он относился к железнодорожному ведомству и после окончания войны должен был вернуться в Ленинград. В связи с острейшим дефицитом абитуриентов-мужчин там был открыт прием сравнительно большой группы ребят (только мужчин), которые окончили 9 классов, с тем чтобы за короткое время подготовить их к поступлению на первый курс института.

Несмотря на всю авантюренность такого проекта, в моей ситуации это было невероятным везением, как будто добрая судьба специально подготовила такой вариант продолжения моего образования. Да еще и перспективу вернуться с институтом в родной город.

Для уточнения подробностей семейный совет тут же пригласил сына эвакуированной из Ленинграда соседки Назаревских, который уже подал документы на это подготовительное отделение. Его звали Саша Аркадьев. Он подтвердил сказанное и в дополнение сообщил, что студентам этого института выдают рабочие хлебные карточки (это было значимо — студенты остальных вузов получали карточки иждивенческие). Саша рассказал, где находится этот институт. В дальнейшем мы с ним подружились.

На семейном совете обсуждение продолжилось. Но теперь там выяснялась перспектива трудоустройства родителей. А она была невеселой, и варианты даже не просматривались.

Когда на следующий день я принес свои документы в здание, где размещался деканат института, их принял у меня сам декан факультета, профессор Александр Александрович Яблонский. Мне показалось несколько странным, что он так долго рассматривает мои не такие уж емкие бумаги. Последовал вопрос: «А вы что, работали последний год?» Я сказал, что да, работал. «А по какой профессии?» Я рассказал, где и кем. Он отложил мои бумаги и поинтересовался: «А кто по профессии Ваши родители?» Я ответил. «А где они сейчас работают?» — «Да нигде, — сказал я. — Мы всего лишь два дня как приехали». Он на секунду задумался и затем сказал: «Вот что, товарищ Мейер. На подготовительное отделение вы приняты. Приходите первого августа на занятия. Но у меня к вам большая просьба. Попросите вашего отца прямо сегодня подойти ко мне. Это очень важно».

Отец был дома. Не мешкая, он тут же отправился в здание железнодорожного техникума, где размещался филиал института. Вернулся довольным. Ему декан предложил позаниматься с учениками подготовительного отделения по литературе. Необходимо было прочесть несколько лекций в рамках программы десятого класса.

Итак, я был принят с аттестатом за девять классов на подготовительное отделение Ленинградского института сигнализации и связи МПС. Институт был приравнен к высшим учебным заведениям военного профиля и получил разрешение организовать подготовительное отделение, чтобы увеличить выпуск специалистов транспорта.

Подготовительное отделение

А через неделю после нашего приезда в Алма-Ату, 1 августа 1943 года, на подготовительном отделении начались занятия. Они были рассчитаны на три месяца. Пятьдесят «подготовишек», и это были только парни, приступили к освоению краткого учебного курса за 10-й класс. И окончание этих курсов давало основание на получение документа о среднем образовании.

Большая часть поступивших на отделение ребят были 1926 года рождения. И еще до окончания десятого класса обычной школы их должны были призвать в армию. А после окончания подготовительного отделения они уже в этом, 1943-м, году становились студентами железнодорожного института и получали отсрочку от призыва в армию, поскольку работа на транспорте приравнивалась к армейской службе.

Такой кадровый маневр был утвержден постановлением Правительства и Верховного командования страны. Министерству путей сообщения поручили при помощи подготовительных отделений увеличить число парней, поступающих на факультеты транспортных вузов, приравняв их к военным учебным заведениям. В перспективе это позволяло уменьшить дефицит специалистов-мужчин на транспорте и в армии, который сложился к третьему году войны. Как ни значимо гендерное равенство, но тогда на транспорте специфика ряда инженерных мест требовала их замещения только специалистами-мужчинами. Поэтому на подготовительные отделения девушек не принимали. Они, как и прежде, поступали в институт после десятилетки. И ориентировались преимущественно на профессии по развитию и обслуживанию средств связи.

Я был на год моложе основной массы студентов подготовительного отделения. И меня должны были призвать только через два года. Поэтому основной причиной того, что этот институт привлек и меня, и родителей, была его ленинградская «прописка». Мы рассчитывали, что таким образом я обязательно вернусь в Ленинград. Сегодня мы знаем, что хоть я и вернулся в свой родной город, но остаться в нем, то ли к сожалению, то ли к счастью, не сумел. Такой была судьба!

1 августа 1943 года, когда я пришел на занятия, выяснилось, что декан Яблонский подготовил мне сюрприз. Придя в нашу большую аудиторию, он в присутствии всего отделения зачитал приказ о назначении меня старостой подготовительной группы из 50 человек. Страх или смущения перед такой обязанностью у меня не было. В Иртышской школе механизации я вел занятия с группами сельских девиц. После общения с этими «своевольницами» можно было не бояться руководить любой самой своевольной группой. И можно считать, что с этим поручением мне удалось справиться.

Уроки с нами проводили специалисты, эвакуированные из Москвы, Ленинграда, Киева. Это была профессура, академические ученые, которые подрабатывали на наших курсах. Поэтому мы считали, что нам крупно повезло. Занятия были необычайно интересны и полезны. Чрезвычайный характер курсов способствовал ответственному отношению к занятиям будущих студентов. На курсах все шло как по маслу. Не было ни прогулов, ни нарушений хода занятий. К старосте относились уважительно.

Завершая эту тему, я хочу рассказать об одном любопытном случае, который произошел во время моего «старостства». Был у нас парень из

Молдавии, Изя Кишиневский. Такой небольшого росточка, скромный, но толковый молдавский еврей. Им с бабушкой повезло. В первый же день войны они успели попасть в эшелон и уехать из Кишинева, спасаясь от наступающих немецких войск. А вот его родители этого сделать не успели. И сам Изя, и мы прекрасно понимали, что теперь там с ними могло произойти. И сочувствовали ему.

Но в конце второй недели учебы случилось нечто необычное. Изя пришел на лекции босиком. Кто-то спросил у него, а почему он решил так ходить. И он ответил, что, поскольку у него только одни ботинки, бабушка посоветовала ему поберечь их до зимы. Такое объяснение задавших вопрос устроило. Но не всех.

Надо заметить, что собравшаяся на подготовительном отделении группа начинающих студентов была очень неоднородна по социальному составу. Большая часть подготовишек были одеты очень скромно, в духе военного времени. Но было несколько парней из семей, сохранивших, несмотря на войну, достаточно высокий уровень жизни. В этом можно было убедиться уже по их внешнему виду. И именно эта группа почему-то яростно ополчилась на нашего тихого Изю за его «босоногость». Удивляло и то, что большая часть этой группы относилась, как и Изя, к еврейской национальности. Тем не менее они не давали ему прохода и просто внаглую начали насмехаться над ним.

Наши замечания их не останавливали. Мы, то есть те, кто с пониманием относился к нашему босоному коллеге, терпели это хамство два дня. А на третий день, договорившись, все как один пришли на лекции босиком.

У нашей «элиты» это вызвало шок, и они затихли. Но наша акция была замечена не только ими, но и преподавателями. И уже на следующий день, во второй его половине, меня вызвал к себе наш декан Яблонский. Он молча вручил мне ордер на получение в ОРСе одной пары парусиновых туфель для Изя. И не сделал мне никаких замечаний. Только сказал: «Чтобы завтра все были обуты».

Яблонский, конечно, был молодец. Проводя свою коллективную демонстрацию, мы тогда ходили по краю. В военное время, в условиях репрессий такая акция могла аукнуться очень жестоко. Но опытный Александр Александрович оперативно и тихо спустил все на тормозах.

Так начиналась моя адаптация к «руководящей деятельности» в условиях чрезвычайных ситуаций, которых было еще немало в моей студенческой жизни того времени, да и вообще в моей долгой-предолгой работе.

Отъезд родителей в Пензу

Прежде чем говорить о том, как мои родители доехали до Пензы, есть смысл сказать о том, чем она их привлекала. Дело в том, что в Пензе длительное время жила семья нашей мамы. С конца XIX столетия туда был переведен по службе мамин отец, Василий Иванович Назаревский. Он был здесь одним из «воинских начальников» (военном по-современному). Здесь прошло детство моей мамы, Евгении Васильевны. Выросли и ушли во взрослую жизнь ее братья и сестры. Для деда Василия Ивановича Пензенская губерния стала последним местом службы. Он похоронен на Митрофаньевском кладбище Пензы.

В годы войны там жили две мамыны сестры. К этому времени они оказались единственными, кто остался в живых в этом городе из членов большой семьи Назаревских.

Муж младшей, тети Гали, Аркадий Федорович Львов работал лесничим, и они все вместе жили в лесничестве среди заповедного Арбековского лесного массива, километрах в пяти от Пензы.

Все заботы о хозяйстве, а это был и огород, и корова, и птицы, и поросенок, лежали многие годы на знакомой мне тете Наде (ее сестра была сердечницей). Тетю Надю я знал и любил. Она посещала нас до войны в Ленинграде.

Ее жизнь была исковеркана революцией. Окончив в свое время Московскую консерваторию, она была до 1917 года известным пензенским музыкантом — пианистом и преподавателем музыкального училища. Уже в советские годы, после войны, ее упоминали в статьях об истории культуры города Пензы.

После установления советской власти ее лишили права преподавать и давать концерты. Причина была проста — ее отец и братья были офицерами царской армии. И ей ничего не оставалось, как кормить и себя, и своих близких продуктами домашнего хозяйства. Когда я в 1944 году увидел ее, заехав в Пензу к родителям, то обратил внимание на ее руки. Они были поцарапанные, опухшие, со скрюченными пальцами, которые уже не могли, как прежде, порхать по клавишам фортепьяно.

Вот на встречу с этой пензенской семьей и направлялись мои родители вместе с Ладой. Пробыв месяц в ожидании, отец получил приглашение Пензенского педагогического института на работу в должности заведующего кафедрой русского языка. И если не касаться дорожных приключений, то в самой Пензе все у них сложилось благополучно. Они были устроены на работу и поселились на приличной частной квартире.

Что же касается дорожных приключений, то они были на редкость тяжелыми. Сначала на пересадке в Сызрани у них украли чемоданчик с документами и мамиными драгоценностями. Они махнули на это рукой и уехали в Пензу, хотя в милицию обратились. Неожиданно маму вызвали в Сызрань, якобы для опознания вещей. И она рискнула туда вернуться. Но никакого чемодана ей не показали и документов не отдали.

Она провела в Сызрани несколько бессонных ночей. Милиция уговаривала ее поскорей уехать в Пензу (они говорили, что даже не знают, кто ее вызвал). Она отказывалась и требовала предъявить чемодан.

Но они решили от нее избавиться и пошли на подлость, сказав, что имеют сведения о том, что ее муж в Пензе скончался. И когда она согласилась уехать, посадили ее на переходную площадку между вагонами и отправили в Пензу.

Однако до отъезда она успела дать телеграмму в Алма-Ату моим родственникам о смерти папы. Приехав в Пензу и застав супруга живым, она попросила его срочно сообщить в Алма-Ату об ошибке. Отец побежал на почту, но по дороге упал и потерял глаз (к счастью, тот, который не видел). Вот таким оказался переезд.

Но жизнь продолжалась и налаживалась. Мама устроилась в Пензенское художественное училище преподавателем литературы. Лада поступила в шестой класс.

Весной 1944 года они даже смогли отправить мне две продовольственные посылки. Правда, к тому времени я уже в посылках не нуждался.

Еще до Нового года у меня появилась своя маленькая мастерская по ремонту посуды. Я устроил ее в закутке на кухне нашей коммунальной квартиры.

Идея такого промысла родилась неожиданно, во время посещения Центрального Алма-атинского рынка. Неожиданно возле ограды рынка я увидел несколько деловых стариков, сидящих на старых ящиках и занимавшихся ремонтом кастрюль, чайников и других домашних приборов. Я подошел, присмотрелся к их работе и понял, что мне такое занятие после работы в Иртышской школе механизации вполне по силам. И всю учебную зиму по ночам на кухне нашей коммунальной квартиры я занимался починкой и пайкой старых кастрюль и другой утвари. В течение дня их приносили и складывали на нашей кухне жильцы соседних квартир и домов. Заказов было довольно много. А соседи по квартире моей работе не препятствовали. Ведь их кастрюли и все остальное я чинил бесплатно.

Поездка в Ленинград на восстановление института

Шел третий, уже обнадеживающий всех нас год войны. Мы слышали по радиотрансляции, что наш родной Ленинград не только освобожден от блокады, но там уже начались восстановительные работы. Ремонтировались здания и предприятия, пострадавшие от налетов авиации и артиллерийских обстрелов. Все мы, и особенно эвакуированные ленинградцы, восприняли эту информацию с большой радостью. И когда руководство института обратилось к студентам с призывом войти в состав стройотряда и выехать на время летних каникул в наш город для восстановления здания института и его общежитий, это было встречено с большой радостью. И это несмотря на то, что работать там предстояло на общественных началах (то есть без оплаты). А жить на стипендию.

Подавляющая часть ребят не раздумывая подали заявления о включении их в этот стройотряд. Естественно, что и я оказался в их числе. Всем пришлось досрочно сдать весеннюю экзаменационную сессию. Сдали.

И в конце мая наш стройотряд и большое число преподавателей с семьями выехали в Ленинград специальным эшелоном. Поскольку институт относился к железнодорожному ведомству, ехали мы не в товарных вагонах, а в пассажирских. Правда, в очень старых, дореволюционных, но зато с купе и со спальными полками.

К моему сожалению, маршрут эшелона был проложен не мимо Пензы. Нас провезли северным ходом: от Алма-Аты на север по Турксибу, через Новосибирск, Омск, Екатеринбург, Пермь... Словом, я вновь проезжал уже знакомые мне по 1941 году города, где проходил наш питерский эшелон, следуя в Северный Казахстан. Теперь мы двигались в обратном направлении. Поэтому попасть к родителям не удалось. Теплилась надежда сделать это на обратном пути.

По прибытии в Ленинград мы своими глазами увидели большое число разрушенных зданий, причем в самых памятных, знакомых местах. Например, на Морской, вблизи от Невского. На Петроградской много разрушений было рядом с заводом Кулакова. Рядом с нашим институтом ряд домов стоял без крыши и верхних этажей. Наш институт напоминал дот. Все окна нижних этажей были заложены кирпичами с бойницами для орудий. Они были направлены в сторону Каменноостровского моста. Само здание не пострадало, но поскольку окна были выбиты, электропроводка во внутренних помещениях сгнила, штукатурка обрушилась. Часть дверей отсутствовала.

Нас распределили по бригадам. И мне повезло. Я попал в бригаду электромонтеров. За время работы в ней довольно прилично освоил эту профессию. Это укрепило мою финансовую самостоятельность. В следующую зиму я уже больше не паял кастрюль. Приличный для студента уровень жизни полностью обеспечивала моя новая рабочая профессия.

В Питере в течение почти трех месяцев мы работали бригадой в зданиях института и его общежитий. Восстанавливали электросети и ремонтировали электрооборудование.

В то военное время необходимых для ремонта материалов не то что не хватало — их просто не было. Поэтому значительную часть времени мы тратили на их поиск. Сейчас это странно звучит, но поиск мы вели в разрушенных домах. Стоя на обвалившихся перекрытиях, мы снимали в этих развалинах со стен и потолков сохранившиеся провода, арматуру. Откручивали розетки, выключатели, щитки и несли все эти «драгоценные трофеи» в свой институт для использования при ремонте.

Работа эта была очень опасна, с риском получить серьезные травмы. Но тогда на это никто не обращал внимания. Уподобляясь альпинистам, мы, подстраховываясь веревками, поднимались по обвалившимся перекрытиям к верхним этажам и добирались до сохранившейся там аппаратуры. Сегодня можно со смехом вспоминать, что за эту «охоту за материалами» нам в качестве вознаграждения доставались выкрученные на этажах электрические лампочки. Мы их продавали на базарчиках, что было одним из источников нашего заработка. Ведь зарплату за работу нам не платили. Жили мы на стипендию, а была она более чем скромной.

Тем не менее трудностей с питанием мы не испытывали. Нас тогда поддержала и удивила ленинградская торговля. Белый хлеб мы там увидели впервые за годы войны. По карточкам нам давали 400 грамм черного и 200 грамм белого хлеба. Вообще по карточкам в магазинах можно было купить все, что в них было напечатано. В противоположность этому, в магазинах Алма-Аты мы могли «отovarить» (как говорилось тогда) только талоны на хлеб. Ничего кроме хлеба в магазинах не было. Разумеется, для нас, обычных людей. По литературным карточкам было много чего. Но не для всех.

Алма-атинские шутники создали тогда по этому поводу классификацию покупателей по типу получаемых и отovarиваемых ими продовольственных карточек. Звучало это так: 1. «Литераторы», получающие карточки Литер А; 2. «Литер-беторы», получающие карточки Литер Б; 3. «Сам-себесоры»; и 4. «Кое-какеры». Такая вот структура тылового гражданского общества войны.

В Питере все было гуманнее. Важно было и то, что на предприятиях и в институтах продавалось без карточек некоторое количество продуктов. После блокады здесь действовал особый режим снабжения.

Зарплату нам, как я уже говорил, не платили. Но в Питере была возможность приобрести кое-что из одежды. И мы старались как-то подрабатывать, не чураясь никакой работы. Вечерами ремонтировали электропроводку в частных квартирах, торговали снятыми в развалинах лампочками, работали на погрузке и т. п. Этот заработок обычно предназначался для приобретения одежды. Для меня, например, возможность одеться была сверхактуальна. Приехал я тогда в Питер из Алма-Аты в том, в чем три года назад уезжал из него в начале войны. Единственное, что добавилось за это время к моему туалету, это старые брюки брата Олега, которые он мне подарил в Алма-Ате, так как ходить в институт в пионерских сатиновых штанах образца 1941 года было уже невозможно.

Между тем летом 1944 года на первом этаже Гостиного двора на Невском действовала своеобразная «государственная барахолка». Там продавали старую одежду из разрушенных бомбежкой домов, но постиранную, почищенную и отглаженную. Продавали недорого.

Конечно, мы понимали, кому эти вещи принадлежали раньше. Это могло кое-кого смущать. Но других вариантов одеться у нас не было. В государственных магазинах готовая одежда в то время не продавалась. Ее можно было купить только на рынке. Но собрать такие суммы, которые там за нее просили, для нас было непосильно.

В результате упорного труда и безграничной фантазии у меня тогда появился целый гардероб, включая пальто. Даже какая-то симпатичная курточка появилась. Теперь я уже не выглядел «оборвышем войны».

Не могу не вспомнить, что тогда, помимо работ по восстановлению института, мне довелось потрудиться и на общественных работах по благоустройству нашего Петроградского района. По установленным правилам я обязан был, как и все студенты, отработать один день на благоустройстве района. И меня направили на работу в скверик у Кировского (Троицкого) моста, что недалеко от дома Кшесинской. Во время блокады там стояла батарея зенитных орудий, небо освещали прожектора, были оборудованы землянки, траншеи. Теперь этот сквер восстанавливали. Я прибыл туда рано утром. И, получив большой кузнечный молот и лопату, отправился превращать привезенные битые кирпичи в кирпичный гравий для дорожек. Кругом шумел городской транспорт, шли люди по своим делам, а я упорно, без перерыва на обед, махал молотом. Моя «молотобойная» деятельность была воспринята

положительно, и в три часа дня передо мной появилась солидная женщина в фартуке и сапогах, которая сказала: «Хватит, норму выполнил!» И вернула мне мое направление со штампом «Отработал рабочий день 10 августа 1944 г.». С тех пор я всегда с гордостью прохожу и проезжаю мимо этого скверика. Как же! Ведь я участвовал в его восстановлении в последнем военном году!

Второй концерт для рояля с оркестром Сергея Рахманинова

Институт и оба общежития за три месяца мы восстановили и подготовили к проведению занятий. А в последних числах августа нам предстояло возвратиться в Алма-Ату. И продолжить там свои занятия. Причем возвращаться мы должны были не эшелонам, а самостоятельно, пассажирскими поездами. Меня это обрадовало. У меня появлялась возможность заехать по пути к родителям, которые с 1943 года жили и работали в Пензе.

Путь до Пензы лежал через Москву, и я прибыл в столицу рано утром. Выяснилось, что первый поезд, на котором я мог доехать до Пензы с Казанского вокзала, отходит поздно вечером. Я никогда раньше не был в Москве, и теперь у меня было достаточно времени, чтобы посмотреть на столичные проспекты, прокатиться в метро, побывать на Красной площади. Надо сказать, что тогда Москва на меня большого впечатления не произвела. После Ленинграда трудно было найти в этом городе некий архитектурный замысел и подобную питерской столичную торжественность. Не исключено, что на моем восприятии города негативно сказались еще не устраненные последствия военных действий в дни его обороны. Трудно сказать. Но и много лет спустя, когда в создание столичного облика Москвы было вложено немало денег, мне так и не удалось восхититься нашей столицей как архитектурным ансамблем.

Передвигаясь по городу, я не забывал, что главным моим желанием в Москве было увидеть двоюродного брата отца, моего дядю, которого я знал с детства и очень любил. Жил Георгий Романович на Чистых Прудах. Там у него я вскоре и оказался.

А вечером отправился на Казанский вокзал. Ташкентский поезд через сутки довез меня до Пензы. Здесь я, как и в Москве, был впервые. Была ночь, около трех часов. Выйдя на привокзальную площадь, я очутился в полной темноте. В городе, как и во всей западной России, соблюдалось затемнение, поскольку война все еще продолжалась.

Разглядев в этой тьме спешащего куда-то старика, я спросил его, как добраться до Московской улицы. Он объяснил, и через пару минут я уже шел по этой, как писали родители, главной улице Пензы. Она проходила через весь привокзальный район к площади на возвышенности в центре города. Мне предстояло не только дойти до этой площади, но пройти еще дальше около километра. Кругом не было видно ни души. Луны не было. Освещали город только звезды, проглядывающие сквозь облака. Честно говоря, в этой темноте и безлюдье было не очень уютно. Улица Московская постепенно поднималась все выше. И я упорно шел по ней вперед и вверх.

По пути я как бы «перелистывал» в памяти свои впечатления от посещения Москвы. Конечно, самое большое удовольствие я получил от визита к своему дядюшке, Георгию Романовичу. Мы с ним хорошо поговорили. Вдруг он спросил меня: «А слушал ли ты когда-нибудь второй концерт Рахманинова для рояля с оркестром?»

Я знал о том, что в России есть, а точнее был, такой композитор Рахманинов. Знал, что после революции он эмигрировал в Америку. Отец пару раз исполнял нам с сестрой его небольшие фортепианные произведения. Но концерт... где я мог его слышать? Естественно, что мой ответ был отрицательным.

Реакция дядюшки была неожиданной. Я был посажен у большого старинного граммофона. И он изрек: «Ну так внимай тому, что написал этот композитор. Иначе ты можешь никогда так и не услышать самого замечательного произведения русской классики. Потому как этот концерт теперь под запретом, как и сам Рахманинов». Дядюшка накрутил ручку граммофона, поставил иглу на пластинку, а сам пошел разогревать мне обед.

Прозвучали могучие аккорды, и, забыв про все, я начал слушать это новое для меня музыкальное творение. Сказать, что концерт произвел на меня сильное впечатление, означало ничего не сказать. Он меня очаровал. Все время, пока я его слушал, я находился в состоянии какого-то душевного восторга, о чем тут же сказал своему дяде и, конечно, поблагодарил его за этот музыкальный подарок. Об этом эпизоде можно было бы и не вспоминать, если бы он не оказался связан с тем событием, свидетелем которого я стал на той самой Московской улице в Пензе 28 августа 1944 года.

Шагая по ней в ту ночь, я уже давно догадался, что где-то там, впереди, возможно на той самой площади, к которой я иду, установлен радиорупор, который, как было принято в те времена, служил для объявления воздушной тревоги. Но когда налетов не было, он передавал

военные сводки, последние известия и музыку, соответствующую военному времени. Пока я шел от вокзала, я все время слышал где-то там, впереди, голос диктора.

И вдруг неожиданно из этого самого радиорупора раздались мощные, удивительно знакомые мне аккорды начала второго концерта для рояля с оркестром Сергея Рахманинова, который я днем раньше слышал у дядюшки в Москве... Это было совершенно неожиданно. И непонятно: с чего бы?! Ведь творения композитора в СССР были запрещены для исполнения. Между тем концерт продолжался, и я не только узнал, что именно исполняется, но мне даже показалось, что я помню его наизусть.

До дома, где жили родители, я добрался только в шестом часу утра. Встреча была радостной. Все были здоровы. Я, конечно, заинтриговал их рассказом о ночной трансляции концерта Рахманинова. И отец на следующий день, будучи в Пединституте, попытался узнать, что же это было.

Объяснение этому событию дал ректор института, утром побывавший в областных руководящих структурах. Он сообщил коллегам примерно следующее: находящийся в США Сергей Рахманинов с началом Великой Отечественной войны инициировал регулярные концерты русской музыки с участием созданного им оркестра. Все сборы от этих концертов направлялись на приобретение медицинских инструментов и лекарственных средств для отправки в СССР, для армии, ведущей бои с немецкими войсками. Когда эта поддержка стала достаточно внушительной, Сталин обратил на нее внимание. И дал указание поощрить Рахманинова, исполнив одно из его произведений по советскому радио.

Как тогда говорили, время передачи было выбрано таким образом, чтобы в Америке была вторая половина дня и композитор мог услышать эту трансляцию, будучи приглашен в посольство СССР. Тот факт, что этот концерт не будет услышан отечественными поклонниками композитора, судя по всему, никого не волновал. А может быть, даже был и «на руку».

Что же касается меня, то я считаю, что мне крупно повезло. Я оказался невольным свидетелем этой необычной поощрительной акции. Более того, я мог теперь гордиться тем, что слушал исполнение концерта одновременно с самим композитором. С тех пор этот концерт занял в моем «музыкальном приобщении» особое место, а сам я на всю жизнь стал поклонником музыкального творчества Рахманинова.

Поздним вечером следующего дня я выехал из Пензы в Алма-Ату. Шел третий год войны.

05.01.2021 г.

Завершение учебы в Ленинграде. Непростое возвращение

Наступил май месяц 1945 года, и в столицу Казахстана, в Алма-Ату, вместе с ним пришло лето. Сводки Совинформбюро о положении на фронте, которые мы каждое утро старались услышать, свидетельствовали о том, что война близится к своему долгожданному завершению. Хотя обстановка там, несмотря на открытие второго фронта и высадку английских и американских войск на западном побережье Европы, оставалась напряженной. В сводках говорилось об отчаянном сопротивлении немецких частей. Правда, уже на территории Германии.

8 мая по городу поползли слухи, что в Берлине подписан акт о капитуляции Германии. Источниками слухов были артисты московских театров, эвакуированных сюда во время войны. Вопреки общему правилу о запрете использовать во время войны радиоприемники, у них они были, и они имели возможность в помещении театра слушать иностранные передачи.

Но пока это были слухи. И только на следующее утро, 9 мая, они обрели реальность. Жил я тогда у своей двоюродной сестры Музы вместе с ее двумя сыновьями. Проснулись мы утром от пистолетных залпов, которые гремели в окнах дома напротив (там жили работники милицейских служб города). И мы поняли, что пришла Победа!

Несколько позже стало известно, что акт о капитуляции действительно был подписан в Берлине 8 мая. Но Сталин решил подстраховаться, опасаясь провокаций со стороны немцев. Поэтому в Советском Союзе о Победе и о подписании акта о капитуляции немцев было объявлено на сутки позже. И праздник Победы мы теперь отмечаем так же, со сдвигом на один день.

О том, как алмаатинцы отмечали это событие, можно рассказывать долго, это было воистину народное ликование «со слезами на глазах». По улицам шли толпы людей, судя по плакатам, собранные на предприятиях, хотя на колонны они были очень мало похожи. Оркестры тоже появлялись, но организованного шествия не было.

Некоторые просто выходили на улицу и стояли возле своих домов. Там слышались и поздравления, и всхлипывания, и рыдания. Никаких организаторов этого действия не было видно.

Это была не демонстрация, а скорее стихийное хождение по городу огромного числа людей разных возрастов, плохо представляющих себе, как еще можно выразить свои чувства в этот долгожданный день. И шли неважно куда, с гармошками, аккордеонами, дудками и немалым

количеством спиртного. Не было видно ни одного военного или милиционера. Но ни одного уличного происшествия мы не видели. Не слышали мы о подобном и на следующий день.

Наша студенческая группа вначале собралась на квартире одной из студенток, но потом и мы, как все, присоединились к гуляющим по улицам. И продолжалось это хождение до глубокой ночи. Вот так отметили этот день...

У нас, студентов, будущих ленинградцев, к праздничному настроению присоединялось понимание того, что теперь нам предстоит покинуть этот город, где проходили наши студенческие дни последние два года. И кто знает, удастся ли нам когда-нибудь повидать его снова. И мы оказались в своих размышлениях недалеко от истины.

Не прошло после этого события и двух недель, и мы еще не пришли в себя от связанной с ним радости, как стало известно, что дана команда из министерства на возвращение нашего института в Ленинград. Это существенно добавило радости. Едем домой! Начались сборы в дорогу.

И тут неожиданно меня вызвали в деканат и сказали, что я пока в Ленинград не выезжаю. Это связано с тем, что я включен в группу студентов, которая должна выполнить обязательство института перед местным совхозом и обработать какой-то массив огородных культур.

Деваться было некуда, и наутро я отправился на станцию Алма-Ата-1, где находился и совхоз, и корпуса техникума, в котором все эти четыре года размещалось руководство института и второй факультет — «Организация эксплуатации железных дорог». Там нас собрали в одной из аудиторий, где были расставлены кровати, и предложили обустроиваться.

Группу возглавил великовозрастный студент Григорий Порох. Он был известен нам как председатель студенческого профкома. Поскольку он был старше нас, то с нами особенно не общался. Кто-то говорил о его связях с органами НКВД. Словом, это был какой-то таинственный тип.

Под его руководством мы стали ходить на огороды совхоза с тяпками и граблями. А в это время эшелоны со студентами, преподавателями и учебным оборудованием отходили один за другим от станции Алма-Ата-1 в Ленинград. Нас кормили в совхозной столовой один раз в день, в обед. А вечером мы разъезжались кто куда, до позднего времени. Ночевать полагалось в нашей аудитории.

Я бывал в это свободное время в семье моего двоюродного брата, играл с их воспитанниками — Левой и Надей. Следует пояснить, что дети Назаревских были приемными. Жена Олега Сара не могла иметь детей из-за сложного порока сердца. Лева был взят в семью Назаревских

от одинокой матери, которая была кузиной Сары. А Надя была дочерью сестры Олега Лили, которая работала на станции Матай, недалеко от Алма-Аты. Она умерла в 1941 году от тифа, а муж ее пропал без вести на фронте. Олег и Сара взяли девочку к себе, удочерили. Я водил ее каждый день вечером из детского сада домой, к Назаревским.

Продолжал я посещать в то огородное лето и русский драматический театр. Играли там эвакуированные из Москвы и Киева артисты. Спектакли я смотрел по сложившейся у меня тогда традиции прислонившись к косяку боковых дверей зала, изображая сотрудника театра. Деньгами на билеты я не располагал и, соответственно, места в зале у меня не было. Но в зал я проходил легально, через служебный вход, с помощью гримера театра — моего соратника. С его гримом я играл (и довольно долго) на выездных спектаклях, будучи участником драматической студии института. Туда-то этого гримера и приглашали, там мы с ним и подружились.

Однажды он подошел ко мне во время спектакля, очень взволнованный. Это было 6 августа 1945 года. Я уже говорил о наличии радиоприемников в театрах в те годы. Пока шел спектакль, у моего друга-гримера было время, чтобы «полазать по эфиру». Так ему стало известно о бомбардировке японских городов атомными бомбами. Он отнесся к этому событию очень серьезно и решил поделиться своими впечатлениями со мной. Тихо пройдя в зрительный зал, он шепотом, прямо у двери, где я располагался, рассказал мне об этой атомной бомбежке. Таким образом, в Алма-Ате я узнал об этом событии одним из первых. Свое сообщение он дополнил словами о том, что в этот день человечество сделало свой первый шаг к самоуничтожению. И он безусловно был прав. Его комментарий произвел на меня сильное впечатление. И мы с ним после спектакля еще долго говорили о событиях на Востоке.

Между тем наша непонятная работа в совхозе продолжалась. И у меня, как и у моего приятеля Володи Будде, с которым мы незадолго до этого подружились, начали усиливаться сомнения по поводу достоверности названных нам причин нашей задержки в Алма-Ате.

Уже на второй или третий день работы в совхозе мы, как люди достаточно наблюдательные, начали понимать, что наш труд был никому не нужен. Поэтому, продолжая ходить на овощные плантации, мы начали системный поиск объяснения, почему институт оставил в Алма-Ате нашу группу.

После более внимательного анализа состава нашей команды «отверженных», непринужденных бесед с каждым из них, до нас постепенно

стали доходить причины наших злключенияй. Мы с Володей оказались в числе тех, кому Ленинградские органы НКВД не выдали пропуск на въезд в город.

В составе нашей группы оказались ребята, которые находились под следствием по статье 58 — «антисоветская деятельность». Сюда относились те, кто был замечен в рассказывании политических анекдотов. В центре самого крупного расследования по доносу доцента кафедры марксизма-ленинизма был известный у нас остряк Ткачуковский и большое число свидетелей и соучастников его «преступных тусовок». Был и еще один любитель поострить на любую тему, но из другой группы. Там тоже был свой «кортеж». Следствия по этим делам не были завершены, и из-за этого в Питер их не пускали. Органы питерского НКВД не хотели возиться с неоконченным следствием казахских коллег.

Вторую группу из трех человек составляли переселенцы из Прибалтики, которые в 1941 году вместе с родителями бежали от германских войск. Они были по национальности евреями, их родители — крупными предпринимателями. Не возникало сомнений, что их социальное положение стало препятствием для въезда в Ленинград. Обстановка прояснялась!

Оставались еще два человека — это мой новый знакомый Володя Будде, с которым мы проводили этот анализ (в дальнейшем он переименовал фамилию на Морев), и я. За период учебы не было ни одного порочащего меня факта, к которому могли бы придаться органы НКВД. Как говорилось тогда: «Не был, не участвовал, не оставался, не привлекался». И вот на тебе, не пускают.

И тут нам помог великовозрастный руководитель нашей группы. Он внимательно наблюдал за нашим расследованием. И сообщил нам причину отказа в отъезде в Ленинград. Дело было в наших с Володей Будде немецких фамилиях. Вот уж до чего я, например, никак не мог додуматься. Всю войну никто к нашей фамилии не проявлял интереса. Намаившись с немцами, проживающими в Питере, среди которых кое-кто подыгрывал немецким войскам, питерские особисты решили больше в город на Неве немцев не пускать. Даже коренных петербуржцев. Даже русских с немецкими фамилиями. Вот такой итог войны! Что же теперь делать?

На наше счастье, с немецкой фамилией в институте оказался, помимо нас с Володей, заведующий кафедрой радиоэлектроники профессор Рамлау. Единственный в Министерстве путей сообщения специалист по использованию радиосвязи на транспорте. Причем стопроцентный немец. И, разумеется, именно из-за него в первую очередь ректор

нашего института и помчался в Москву, чтобы упросить министра ходатайствовать в НКВД о допуске этого ученого-немца в Питер. Наряду с этим он вез с собой доклад о том, что из-за задержки в Алма-Ате 20 студентов с факультета автоматики срывается выпуск специалистов-выпускников в 1948 году.

Поскольку вопрос в Москве решался на высшем уровне (на уровне министров, включая Л. Берию), все разрешилось благополучно. Дали согласие на возвращение и профессора Рамлау, и нас с Володей, и всей последственной бригады.

Надо ж подумать, моя немецкая фамилия едва не оставила меня без окончания института, без права вернуться в город, где я родился. Это был тот кондовый «политический сыскной азарт», который в каждом необычном имени, фамилии или мнении усматривал опасность для государственных устоев.

Через два дня поступила команда грузиться в эшелон, предназначенный для возвращения из эвакуации семей — жителей западной части страны, с последующей перцепкой нашего вагона на Питер в Москве.

Вот такая оригинальная, измученная ожиданиями компания собралась в путь в долгожданный Питер. Мы заняли места в обычном двухосном грузовом вагоне, оборудованном нарами. Причем Григорий Порох, наш профсоюзный лидер и человек, имеющий какое-то отношение к органам безопасности, ехал с нами.

В остальных вагонах эшелона размещались семьи, которые возвращались из эвакуации в освобожденные города и села западной части страны. Это были главным образом женщины и дети. Словом, это был один из тех эшелонов, которые тогда в шутку называли «500 веселыми», где жизнь пассажиров никто не контролировал, не следил за их охраной, не заботился об их безопасности. В отличие от начала войны, жизнь и благополучие этих счастливых, возвращающихся домой, были отданы им самим «на откуп». Эшелон загрузился в течение двух часов прямо на перроне Алма-Атинского вокзала и отправился на северо-запад.

Дорога пролегла по югу Казахстана, мимо Аральского моря, тогда еще не пересохшего. Мы покупали или меняли на яблоки сушеную или копченую рыбу. Покупали соль. Потом где-то под Пензой меняли эту соль на масло. Такое вот было «рыночное» путешествие. Надеялись на этом что-то заработать.

Характерная шутка того времени выглядела так. Студент едет в подобном эшелоне, лежа на верхних нарах, в ужасно дурно пахнущих носках. Дама, сидящая внизу, спрашивает его: «Молодой человек!

Вы, вообще-то, носки меняете?» — «Только на сахар», — в полусне отвечает он.

Но были и другие впечатления. Навстречу нам, в направлении Алма-Аты и далее по Турксибу на Дальний Восток, мчались встречные эшелоны с танками, артиллерией, с огромным количеством грузовиков и всякого военного имущества в очень хорошем, боеспособном состоянии. На платформах и в вагонах сидели солдаты при орденах, поющие (с аккордеонами), смеющиеся и разглядывающие с любопытством наш эшелон. Это были полнокровные боевые части, которые завершили Великую Отечественную. Огибая Казахстан с юга, они двигались к границам Маньчжурии, где шли бои с японской армией. Их веселое настроение объяснялось, видимо, тем, что сама война на Дальнем Востоке была уже в основном завершена. Советские войска зачищали занятые японцами маньчжурские и китайские территории. Освобождали Сахалин, Курильские острова, когда-то захваченные японцами.

Проходящие эшелоны производили сильное впечатление своей мощью и бодрым настроением солдат. Это было совсем непохоже на тех солдат и технику, что проходили мимо меня в Ленинграде на финский фронт семь лет назад. Не были похожи эти солдаты и на ополченцев, которые отправлялись в 1941 году от нашего дома под Лугу навстречу немецким войскам.

Наш эшелон шел быстро, почти без остановок. Тем не менее его успела вычислить какая-то банда. После Аральского моря она села на крыши наших вагонов. Их было человек десять. В основном это были подростки. Главарь банды средних лет бегал по крышам на одном костыле, перепрыгивая с вагона на вагон, и руководил грабежом. Члены банды были разбиты на тройки. Двое держали третьего за ноги, а он, залезая головой в маленькое окошко товарного вагона, вытаскивал крючком вещи пассажиров. В тех местах, где поезд шел по кривому участку пути, мы хорошо могли видеть, как бесчинствуют эти подонки. Решение было единодушным. Бандитов надо с эшелона снять!

Мы ждали остановки. Был разработан план операции. Руководство, естественно, взял на себя Гриша Порох. Кстати, сам он, хорошо помню, был тогда очень похож на человека с уголовным прошлым. Остановку поезд сделал на станции Саксаульская. Бегом окружив вагоны, на которых сидели бандиты, мы застали их врасплох, сбили камнями на землю, отобрали у них ножи, ключи от вагонов, крюки, похищенные вещи, серьезно избили и... отпустили. А что мы могли еще с ними сделать на пустынной маленькой станции возле Аральского моря? И лишь с главарем случилось непредвиденное и незапланированное.

Старый безногий бандит хотел напугать наших ребят и кинулся сзади на нашего коллегу Севу Андреева с ножом. Нож удалось отобрать, но, когда бандит стал удирать, разъяренная группа наших ребят загнали его в угольную яму и, судя по всему, добились его там кусками угля. Сам я этого не видел. Я в это время с другой группой бежал в противоположный конец эшелона, где на крышах сидели одиночные «пассажиры». Мы снимали их с крыш, проверяли и отпускали. Это были случайные «зайцы». А когда мы вернулись, в вагоне все уже придерживались мнения, что бандит с костылем убит. Вот такой был трагический финал!

Когда мы улеглись на нары и успокоились, то начали осознавать, что скоро отсюда не уедем. Эшелон подозрительно долго стоял. Минут через тридцать из-под вагона вынырнули две форменные фуражки. Это была откуда-то появившаяся милиция. Они потребовали «старшего». Пошел, естественно, Гриша, и разговаривали с ним долго. Затем, прихватив все отобранные нами у бандитов фомки, крюки, отмычки, ножи, пошли с нашим Гришей Порохом на станцию. Прошел еще час. Наконец Григорий вернулся, и поезд почти сразу же тронулся в путь. О чем Гриша говорил в милиции, он нам не сообщил.

На следующий день благодарности от женщин эшелона не было предела. Украденные вещи мы им утром вернули. Нас угощали вкусной едой, фруктами, рыбой и т. п. Мы стали героями дня. Раньше на наши выходы на перрон поглядывали с опаской. Честно говоря, мы вели себя во время этих прогулок не очень интеллигентно. Но теперь с нами здоровались из каждого вагона.

Неожиданно мы узнали, что наш эшелон пройдет от станции Куйбышев южным путем через Пензу. Это был соблазн. Я не удержался и в Пензе слез с эшелона и задержался до вечера. Удалось повидать своих. Это был мой второй заезд в Пензу. Но уехать оттуда нормальным способом не удалось. Билетов на продолжение пути не оказалось. А нагнать мой эшелон было необходимо. Пришлось ехать до Москвы сначала на подножке пассажирского вагона, потом в туалетном коридорчике, а затем на переходной площадке. «Акробатические трюки на открытом воздухе» были на уровне цирковых. Выполнял я эти трюки втроем с какими-то парнями. В итоге мы оказались на переходной площадке.

Парни скоро сошли, но время и дальше пролетало незаметно, так как на переходную площадку под Тамбовом подседа группа парней и девушек — московских студентов, которые возвращались с уборки картофеля домой. Они накормили меня отличной вареной картошкой, обращая ко мне с московским выговором: «Кушай, дарагой». Мы пели песни и рассказывали веселые истории.

В Москву поезд пришел часов в пять вечера. Я быстро нашел свой вагон на путях сортировочной станции. Выяснив время отправления на Питер, помчался в город, на Красную площадь. В этот день отмечалась победа над Японией, которая была союзником Германии во Второй мировой войне. Рузвельт с Черчиллем уговорили Сталина помочь им завершить войну на Востоке. Это было 4 сентября 1945 года. Красная площадь и прилегающие к ней улицы были забиты народом. Я впервые увидел салют в сочетании с фейерверком на фоне кремлевских стен. Портрет Сталина в небе, освещенный прожекторами, подогревал труднопередаваемую радость людей. Это было нечто, что, очевидно, является содержанием словосочетания «народное ликование». В этот день была поставлена точка во Второй мировой войне.

На следующий день мы прибыли в Ленинград.

Как можно стать отличником

Первые два года учебы в институте, который находился в эвакуации в Алма-Ате и размещался в помещениях местного железнодорожного техникума, я вспоминаю без особой радости. Первый год прошел в постоянном ощущении собственной неполноценности из-за низкого уровня моих знаний в области естественных и точных наук, которые лежали в основе дисциплин, изучаемых на первых двух курсах. В этом сказался результат моего заочного обучения в старших классах школы и сдачи экзаменов экстерном. Теперь приходилось вновь и вновь обращаться к школьным учебникам, чтобы понять содержание лекций, которые я слушал, и выполнить лабораторные работы, которые составляли практическую часть курса. Пятерки были редким исключением, появились тройки. Настроение было неважным, было стыдно перед коллегами-студентами.

Отдыхал я душой в театральной студии, созданной профсоюзом института, где художественным руководителем оказалась эвакуированная из Москвы вместе с труппой Малого театра известная заслуженная артистка Елена Николаевна Заболоцкая. И театр, и самодеятельное лицедейство я любил еще с детства, со школьных спектаклей, организуемых моей мамой — библиотекарем школы. И в студии у меня как-то все хорошо получалось. Здесь сложился хороший состав любителей-студентов и преподавателей. Ставили миниатюры Чехова, современные пьесы, готовили концерты для госпиталей. Выступали не только в институте. Кроме госпиталей нас приглашали в школы, на предприятия, в больницы. Выглядели мы стараниями Заболоцкой достаточно профессионально. А со временем Заболоцкая стала поручать

мне проведение репетиций перед спектаклями, рассматривая меня своим ассистентом. Эта театральная жизнь, отнимавшая не так уж много времени, была важной отдушиной для улучшения душевного состояния в учебном процессе, в котором надо было догонять ушедших далеко вперед моих однокурсников. Но это оказалось чревато. Потому как, перейдя на второй курс, я все меньше стал вспоминать о моих учебных делах... И однажды чуть не перешел на работу в ТЮЗ (Театр юного зрителя). Он создавался в то время в Алма-Ате, несмотря на войну. Спасибо декану факультета профессору Яблонскому, который, узнав тогда о моих увлечениях, привел меня в чувство! Но в Ленинград я привез с собой немало троек в зачетке и «хвостов» за второй курс.

Между тем пришло отрезвление и понимание того, что все-таки все надо было решать в свое время. А сейчас нужно кардинально поправлять дела с учебой в институте. И уже на третьем курсе, после возвращения в Ленинград, мне удалось выправить положение. Хотя это потребовало огромных усилий и времени. Многих часов работы в институтской библиотеке.

В то время я основательно сошелся с одним из моих сокурсников — Сашей Аркадьевым. Познакомились мы с ним еще до начала учебы в институте, когда я с родителями приехал в Алма-Ату. Именно он посоветовал мне поступить учиться на подготовительное отделение ленинградского института. Теперь же мы сошлись с ним на том, что наши проблемы в делах учебных во многом совпадают. Он, как и я, нахватал троек на втором курсе. Правда, у него для этого были совсем другие причины, очень непохожие на мои. Весь учебный год он провел, постоянно посещая следователя НКВД в качестве свидетеля по делу его приятеля, студента нашей группы Кадика Ткачуковского. Я об этом уже писал.

Подробного обсудив сложившуюся у нас обоих ситуацию с успеваемостью, мы нашли достаточно прогрессивное, на наш взгляд, решение. Оно заключалось в совместном освоении учебных курсов, прежде всего с целью успешно сдать экзамены.

Мы нашли способ, как в кратчайший срок избавиться от значительного количества «хвостов», привезенных из Алма-Аты в виде невыполненных лабораторных работ. Решили применить как временную меру принцип «один работает за двоих». Но познавательный процесс не упрощался. Тот, кто выполнял «лабораторку», не только передавал копию отчета напарнику, но проводил с ним полноценное обсуждение содержания работы. Мы читали пособия по теме этих работ, которые находили в библиотеке. Ходили на консультации. Посещали лекции.

И когда наступала экзаменационная сессия, подготовку к экзаменам мы осуществляли по тому же принципу, что и с лабораторными работами. Каждый из нас штудировал «свою» половину курса, докладывая ее содержание коллеге, отвечая на все его вопросы и рисуя наглядную часть. Такая работа перед каждым экзаменом продолжалась в течение трех дней. На четвертый день (а на подготовку к экзамену давалось четыре дня) мы собирали все конспекты и шли в общежитие. (Следует пояснить, что занимались мы на квартире Аркадьева, в районе площади Льва Толстого.)

Придя в общежитие и расположившись в моей комнате, где я жил вместе с моим другом, старшекурсником В. Пономаревым, мы широко объявляли сокурсникам, что можем дать консультации по темам предстоящего экзамена. Коллеги-студенты охотно собирались в моей комнате, и начинался сеанс вопросов и ответов. Мы старались наиболее полно на них отвечать. Такое общение продолжалось до позднего вечера. Утром следующего дня мы входили в аудиторию для сдачи экзамена первыми и получали ожидаемые нами пятерки. Так мы оба с первой сессии третьего курса стали отличниками и начали получать повышенную стипендию. Наш тандем продержался до пятого курса включительно. В итоге мы с Аркадьевым действительно знали материал и готовы были даже предложить что-то свое. И не преминули сделать это в своих дипломных проектах.

Жизнь институтская

Надо сказать, что мои отношения с сокурсниками складывались непросто. Слишком по-разному прошли наши школьные годы до поступления в институт. Мое отрочество проходило не среди сверстников, а в окружении людей старшего и пожилого возраста, с которыми я вместе работал, выполняя те же профессиональные обязанности, что и они. Я рано повзрослел, и мне трудно было теперь вписаться в молодежную институтскую тусовку. А она, в свою очередь, с большой осторожностью воспринимала меня.

Несколько позже судьба помогла мне найти в новом окружении друзей, общение с которыми продолжалось в течение всей моей жизни. Но тогда я еще чувствовал себя в этом мальчишнике довольно неуютно. И попадал в ситуации, которые еще в большей степени отдаляли меня от них. Одна из них сложилась во время поездки за дровами для института, в первые же дни после нашего возвращения в Ленинград.

Уже наступила осень, когда выяснилось, что топить котельную института нечем. Из-за суматохи, связанной с переездом из Алма-Аты, своевременно заготовить топливо на зиму руководство института не сумело. А холода уже давали о себе знать. И тогда в срочном порядке группа студентов, в число которых попал и я, была отправлена в ночь на небольшую станцию за Зеленогорском, чтобы отгрузить дрова для института.

Приехали мы на место утром и под моросящим «через раз» дождем начали грузить вагоны. Дрова представляли собой полутораметровые березовые бревна. Работа шла медленно, а состав следовало до ночи отправить в Питер. Еды никто с собой не взял. А морось не прекращалась, и ребята под тяжестью обстановки кисли, прятались в вагонах. Завхоз нервничал, ругался. Тем не менее часть вагонов была уже погружена и отправлена.

Но с наступлением темноты ребята «дрогнули» и на подошедшем к станции пригородном поезде уехали в Ленинград. Я не видел, как они уезжали. Сам я по поручению завхоза в то время оформлял документы на отправку готовых вагонов. У меня тогда этот отъезд вызвал некоторое удивление. Как же можно бросить порученное дело и умчаться домой!

Завхоз в ужасе перед срывом отправки дров тут же позвонил в институт и сидел в полной растерянности. А я решил посмотреть, много ли работы осталось, и прошел вдоль вагонов, которые стояли на погрузке. И мне показалось, что не так много. Тогда я предложил завхозу поработать вдвоем. Он ужасно обрадовался, и мы начали таскать бревна в вагоны. На завхоза было грустно смотреть. Он все время кого-то обвинял, ругал руководство института, но работу не прекращал. Я работал молча. Для меня такая работа не была чем-то необычным. Там, где мне приходилось работать в эвакуации, и условия бывали похуже, и груз был потяжелей. И никто не считал это чем-то чрезвычайным.

Словом, в течение шести вечерних часов, захватив время за полночь, мы вдвоем догрузили пять оставшихся вагонов и оформили их отправление. Около двух часов ночи, уставшие, промокшие, но успокоенные, мы выпили по кружке горячей воды, выпросив ее у дежурного по станции, выжили в зале ожидания прямо на полу и уснули.

Утром, когда мы еще спали, ранним поездом к нам на выручку прибыл заместитель директора института. Его сопровождало шестеро парней, которых ему удалось вечером найти в общежитии. Но делать уже было нечего.

С этого момента моя адаптация в студенческое сообщество еще более усложнилась. История с дровами вскоре стала известна многим, но отнюдь не приблизила меня к моим коллегам-студентам. Правда, и какой-то осуждающей реакции я также не почувствовал. Просто меня по-прежнему отделяли от стихийно складывающихся на курсе тусовок.

Я не очень переживал по этому поводу, поскольку у меня в те времена было очень мало свободного времени. Я постоянно где-то работал. Стипендия была мизерной, а родители не могли в то время оказывать мне материальную поддержку. Первый перевод я получил, когда начал писать диплом. А они к тому времени переехали по приглашению правительства Эстонии в Таллинн и существенно улучшили условия своей жизни.

Что же касается моих контактов на курсе, то наладить приятельские отношения с большей частью моих однокурсников, как это ни странно, помогло мое возвращение в сферу студенческой эстрадной самодеятельности. Приведя в порядок свои учебные дела, я рискнул вновь вернуться к старому увлечению сценой. Тем более что в этом увлечении у меня появился весьма талантливый партнер Аркадий Башмет, как он себя называл, а на самом деле Абрам Башмет. Это был мой однокурсник, которому посчастливилось в дальнейшем стать отцом известного альтиста Юрия Башмета. Кстати, я и с его матушкой был знаком. Но это так, мимоходом.

Нам удалось создать небольшой эстрадный коллектив, который выступал на всех праздничных вечерах, превращая их в сатирические «капустники». Мы с Аркадием всегда выступали вдвоем, вели концерт, подражая известным сатирикам того времени. Миниатюры в стихах, прозе и даже с музыкальным сопровождением мы писали для себя сами. Мы становились популярны. Но главное, это не занимало много времени. Как-то нам даже подарили такую эпиграмму:

Их двое, Мейер и Башмет.
Что ж — замечательный дуэт.
Хоть голосов у них и нет,
Зато нахальства на квартет.

Зал всегда был полон. А сколько радости и удовлетворения нам это приносило. Но теперь это уже никак не могло мешать нашим учебным делам.

В институтском комсомоле

На четвертом курсе я как добросовестный комсомолец пришел на отчетно-перевыборное собрание нашей институтской организации комсомола. Оно проходило в начале учебного года. Большой институтский зал был заполнен до предела. В те времена не входило в состав комсомола было как-то протivoестественно.

Сидя в зале и внимая докладчикам, я неожиданно для себя услышал, что меня выдвигают на должность секретаря институтской организации ВЛКСМ. И кто-то даже выступал в поддержку моей кандидатуры.

Это было для меня полной неожиданностью. Меня даже не спросили, согласен ли я. И даже слова на перевыборном собрании не предоставили. Но проголосовали практически единогласно — более четырехсот голосов «за» (из 450). Такое единодушие я объяснял самому себе моим постоянным участием в студенческих «капустниках», юморинах и любительских спектаклях.

Содержание моей жизни с этого момента существенно изменилось. В течение почти двух лет я исполнял функции секретаря институтского комитета комсомола, хотя прежде не имел никакого понятия, чем этот комитет должен заниматься.

Уже став во главе комсомольской организации института, я узнал о том, что мое выдвижение на пост комсомольского лидера было связано отнюдь не с моей художественной популярностью в институте и было предметом долгих дебатов в руководстве института и Комитета комсомола района. Одним из поводов для этих дебатов опять стала моя немецкая фамилия. Но ректор, получавший в августе 1945 года разрешение на возвращение сотрудников и студентов с немецкими фамилиями в Ленинград и знавший мнение об этой проблеме руководителей органов безопасности страны, причем на самых верхах, отверг этот аргумент и дискуссию завершил. И в течение месяца до собрания моя кандидатура была согласована везде, где тогда было необходимо ее согласовать. Только я об этом ничего не знал.

Тем не менее как человек ответственный я старался добросовестно «нести свой крест», старался обогащать комсомольскую жизнь института различными акциями. Меня поддерживали и мне помогали мои друзья. Причем поддержку я ощущал на всех курсах. Мы участвовали в субботниках по восстановлению Ленинграда. Старались приобщаться к культурной жизни города, поддерживая различные акции. Приглашали для выступлений известных кинорежиссеров, писателей. Постоянно куда-то выезжали. А чтобы не было скучно ехать в электричках,

пришлось комсомольскому секретарю разжиться гитарой и научиться на ней аккомпанировать поющим комсомольцам.

Через некоторое время в институте заработал клуб почитателей Маяковского, Блока, Есенина. Его возглавил преподаватель кафедры философии Л. С. Книжник. Был создан клуб знакомства с историей города на Неве. Его работу взяла на себя группа студенток, установивших контакт с музеем Петропавловской крепости. Были созданы и обеспечены всем необходимым шахматный клуб, клуб штангистов, студенческий сатирический театр.

Большой популярностью тогда пользовался Клуб коммунистических идей (изучение истории партии в лицах, история становления нового советского государства). Там мы встречались с известными философами и идеологами. Участие в этом клубе было рассчитано прежде всего на тех, кто собирался вступать в ряды коммунистической партии (а таких было в то время немало). В то послевоенное время идея создания такого клуба была поддержана и свыше, несмотря на риски знакомства с подобными проблемами в дискуссионном пространстве. Но сохранялся послевоенный вольный настрой, и все несколько «распоясались».

Степень опасности, которую несло в себе публичное «копание» в истории партии, особенно после смерти Ленина и убийства Троцкого, исчезновения многих фигур эпохи революционного переворота, была осознана, во всяком случае мною, слишком поздно. К великому огорчению, эта моя затея имела трагические последствия.

Правда, работа самого клуба завершилась вполне благополучно. Почти все комсомольцы — участники дискуссий по доброй воле стали кандидатами в члены партии (ВКП(б)). Тем не менее шеф этого клуба, заведующая кафедрой философии Ирина Максимовна Рубин, через четыре года, уже после окончания наших встреч, по доносу о ее работе именно в этом клубе была в процессе Ленинградского дела 1952 года осуждена и расстреляна, а все члены ее кафедры репрессированы. Включая Льва Савича Книжника, привившего нам любовь к поэзии Маяковского. К счастью, его тогда только выслали из Питера. Он оказался в Сестрорецке, работал учителем школы. Это были годы политической агонии Сталина.

Но все это произошло потом. А тогда мы еще с упоением читали работы Ленина. И, будучи комсомольским секретарем, я оказался в составе так называемой «партийной номенклатуры». Поэтому мне все время намекали на то, что пора бы вступить в большевистскую партию.

Как я тогда относился к партии? В детстве, дома в адрес партии я не слышал чего-то плохого. Возможно, это был результат заботы

родителей о нашем «правильном» воспитании. Сами родители никогда не позволяли себе, во всяком случае при нас, критики в адрес властей. Отец старался приобщить меня к важным событиям в развитии страны, к ее экономическим успехам в те годы. Я знал немало хороших людей, которые были членами партии, в том числе писателей. Сыграла определенную роль и отечественная литература.

Так или иначе, в конце 1947 года я и ряд моих друзей по комитету комсомола были приняты кандидатами в члены ВКП(б). А двумя годами позже, уже в Омске, я стал членом партии. Там я изменил свою фамилию на псевдоним, под которым всю жизнь работал отец.

А вот три года спустя произошло нечто обескуражившее меня, что даже вообразить было трудно. Все наши институтские наставники, преподаватели кафедры марксизма-ленинизма, которые, можно сказать, готовили меня и моих друзей к вступлению в партию и были нашими советчиками по организации комсомольской жизни, оказались репрессированы в рамках инициированного членами Политбюро Берией и Маленковым Ленинградского дела. При этом именно расстрелянная по этому делу Ирина Марковна Рубин в свое время дала мне рекомендацию в партию. В моем представлении все эти репрессированные люди были искренними коммунистами, мечтавшими о светлой жизни страны. Но в их отношении было совершено ничем не объяснимое зверство.

С тех времен я стал относиться к своей партийности очень инструментально. С осторожностью стал участвовать в политической жизни. По принципу «не навреди». Но я не жалел о том, что оказался человеком партии. Я никогда не использовал ее авторитет и возможности в корыстных целях и во зло отечеству и людям. Но много раз за свою «партийную жизнь» использовал возможности своего партийного авторитета и власти для добрых дел. И всегда испытывал глубокое удовлетворение, когда мне это удавалось.

Киев, на родине деда

Учебные занятия постепенно подходили к концу. Приближалась защита дипломного проекта. В 1948 году мне довелось дважды побывать в Киеве. Одна из поездок была связана с подготовкой моего дипломного проекта. Я был направлен на один из киевских заводов, выпускавший продукцию транспортной автоматики.

Во время пребывания там я получил от отца письмо, в котором он поздравил меня с пребыванием в «великом граде — матери городов русских» и впервые сообщил мне, что в Киеве родился мой дед,

Василий Иванович Назаревский, подполковник, герой русско-турецкой кампании 1877–1878 годов, кавалер орденов Святой Анны, Георгиевского креста, золотого оружия, ряда медалей. О том, что деду было присвоено личное дворянство за героизм в боях, он в тот раз умолчал. Это было первое сообщение родителей о моих предках. Не скрою, оно ошеломило меня. И я впервые почувствовал огромный интерес к истории своего рода. И стал другими глазами смотреть на Киев — как на свой родовой город. Но родители еще долгие годы скрывали от меня все подробности прошлого нашей семьи. Что поделать — в сложное время мы жили!

В Киеве я оказался очевидцем и слушателем еще одной «премьеры» из прошлого. Во время одной из прогулок по Крещатику я услышал из громкоговорителя в исполнении знаменитого тенора того времени Козловского вальс «На сопках Маньчжурии». Я его хорошо знал. Его пели в семье. Это был вальс, написанный в честь участников Русско-японской войны 1904–1905 годов. До того момента этот вальс, и мы это все хорошо знали, был под запретом как наследие царского режима. И вот его реабилитировали, как и музыку Рахманинова, которую «разрешили» слушать уже в 1944 году, во время войны. Я сообщил по телефону об услышанном вальсе родителям. И тут же получил ответ: вальс «На сопках Маньчжурии» — это наша семейная реликвия. Мама сообщила мне, что все три ее брата — Ростислав, Александр и Леонид — были офицерами и участниками сражений на Дальнем Востоке. Причем Ростислав и Александр были тяжело ранены. Всем им были пожалованы высокие награды. Каждый получил золотое оружие и именное дворянство. Правда, о дворянстве мне тогда не сообщили. Боялись. Итак, вальс был реабилитирован. Но моих предков эта реабилитация тогда не коснулась. Вот так, медленно и нерешительно, возвращалось ко мне мое прошлое. В итоге оказалось, что в Киеве родились и жили семь поколений Назаревских — моих предков по линии матери. И каких предков!

Киев во время войны был основательно разрушен. Я это увидел воочию. На центральной улице Крещатике остался лишь один целый дом — Центральный универмаг. Его немцы не сумели взорвать. Несмотря на это, и Крещатик, и сам Киев еще тогда, будучи разрушенными, произвели на меня сильное впечатление. Это воистину красивый город. Он возрождался на глазах. Днепр, изгибаясь вдоль него плавной дугой, выглядел торжественно, узнаваемо, прямо по Гоголю. Его течение с высокого берега просматривалось очень далеко. Тогда я еще не прочитал Булгакова и поэтому не побывал возле его дома. Потом-то походил.

Но посетил храмы, в которых были росписи, выполненные великими художниками России, в том числе Васнецовым.

В Киеве я впервые в жизни попал на крупное действующее промышленное предприятие и работал на нем над своим дипломом. Это предприятие носило тогда название «Трансигнал». Мне разрешили самостоятельно знакомиться с цехами и организацией их работы. Полученные впечатления от реального производственного процесса не только помогли мне разобраться с задачами моего дипломного проекта, но и во многом определили мой интерес к индустриальному труду, к организации производства. В дальнейшем, когда я стал социологом, именно промышленный труд стал предметом моих исследований.

Снова в Сибирь

Незадолго до защиты дипломного проекта будущих выпускников распределяли по железным дорогам страны. Вначале у руководителей института была идея оставить меня как секретаря комсомольской организации при институте с поступлением в аспирантуру. Но затем выяснилось, что жилья они мне предоставить не могут. Жилья в городе я не имел. Квартиру нашу (родительскую) «увели власти».

Во время войны она была приватизирована военным ведомством. А подселяться к кому-либо из знакомых и попадать к ним в зависимость мне тогда не хотелось. К тому же я уже не испытывал страха перед бескрайними просторами нашей страны. Да и уехать куда-нибудь подальше было для молодого инженера делом соблазнительным. Наверное, в душе я был прежде всего романтиком, а не человеком расчета и выгоды. В полном соответствии с популярной когда-то песней: «А я еду за туманом, за туманом, за туманом и за запахом тайги». И что еще при этом немаловажно, о принятом тогда решении я никогда не жалел.

Поэтому на комиссии по распределению, куда меня вызвали, на шуточный вопрос, куда бы я хотел поехать — в Сибирско-Уральский или же в Урало-Сибирский округ, я ответил так же в шутку: «В оба одновременно». Будучи секретарем комсомольского комитета, я уже знал, что министерство обеспокоено укомплектованием специалистами-выпускниками именно этого далекого округа, простирающегося от Перми до Новосибирска. (На всю Омскую железную дорогу, а это 2000 км, было в тот момент шесть инженеров СЦБ и связи при 110 вакансиях.) И я не стал искать других вариантов. Да и куда еще было ехать, где роднее? После того как мы лишились своей квартиры в Ленинграде, родной для меня стала в равной степени вся страна.

После посещения комиссии по распределению меня неожиданно вызвали в отдел кадров, где со мной встретился сотрудник КГБ (такое новое название — Комитет государственной безопасности — вместо прежнего НКВД после войны получили органы безопасности). Мне было сделано предложение «поработать в органах КГБ». Я попросил дать время подумать и отказался. Причин для отказа было две. С одной стороны, я уже настроился ехать в Сибирь и работать по специальности. Но была и еще одна причина — мама по телефону очень просила, со слезами в голосе, не делать такого шага. И она оказалась, конечно, права, учитывая прошлое нашей офицерской семьи по маминой линии. Другой дед по отцу был известный менеджер, Почетный гражданин России с одобрения Николая II. Соответствующий документ об этом хранится и сейчас в Государственном архиве Петербурга. Я получил там его копию в 2007 году. Но я-то об этом ничего не знал. Родители оберегали нас и начали рассказывать нам с сестрой о наших предках только после 1956 года, когда был политически осужден Сталин.

В деятельности моих предков не было ничего противозаконного, криминального. Они честно, верой и правдой, служили царю и отечеству, защищали родину и ее интересы, организовывали и развивали бизнес в России. И мы можем гордиться своими предками. Но в рамках идеологии большевизма эти люди рассматривались как враги народа или в лучшем случае как инородные элементы. Власть боялась их влияния на судьбы России. И слава Богу, что мой переход в КГБ не состоялся. А если бы я все-таки согласился на работу там, а сведения о моих предках стали бы при первой проверке там известны, то в лучшем случае отправили бы меня на Чукотку лагеря караулить. Спасибо маме!

На защите моего диплома присутствовала моя сестра Лада-Ладушка, которая уже жила в Питере и занималась на философском факультете университета, на отделении психологии. Жила она на Петроградской стороне, в общежитии университета, что в Зоологическом переулке, недалеко от Биржевого моста. Она не первый раз уже была в нашем институте. Ее тепло приняла вся наша компания, и она уже считалась «своей».

Диплом мой был не по эксплуатации систем автоматизации, а на промышленно-производственную тему. Речь в нем шла об оптимизации производства одного из элементов специального оборудования. Почему мне дали такую тему, не знаю, но в дальнейшем она мне очень помогла, особенно когда я стал, уже будучи социологом, заниматься вопросами

управления промышленным производством — подготовила к пониманию его основ.

Защита прошла успешно. Готовил я свой диплом, работая на Киевском, а также на Тульском заводах устройств автоматики. Описанный мною в дипломе беспорядок в организации производственного процесса на одном из этих заводов вызвал интерес членов комиссии. А были это корифеи автоматики на транспорте. Мне задали очень много вопросов и всё допытывались, какой завод я имел в виду, подвергнув критике организацию технологического процесса. Но я так и не сказал этого, ссылаясь на некорректность такого шага. Уже будучи социологом, я не раз вспоминал этот свой поступок как первый опыт соблюдения принципа анонимности в исследованиях.

Вся моя институтская компания в тот суматошный день оберегала Ладу, поскольку я был весь в пылу защиты. Сестра осталась у нас в общежитии праздновать мое окончание института. Моим друзьям-коллегам Ладочка понравилась. Сожалели, что поздно с нею познакомились.

Уже значительно позже были официальные торжества, были поздравления руководства института. И последняя в студенческую пору моя внеплановая, по зову сердца, поездка в Киев. Там моя внезапно возникшая на 5-м курсе подруга-киевлянка решительно подтвердила свое намерение приехать ко мне на Сибирскую магистраль. И столь же решительно через полгода отказалась от своего слова, узнав, как выглядит эта магистраль на практике, особенно в бытовом плане.

Отъезд

В Урало-Сибирский округ у меня оказались попутчицы — две студентки с моего курса. Мы решили вместе добираться до Свердловска, где находилось управление округа, но ехать вместе довелось и до конечного пункта — Омска, куда мы все трое получили в Свердловске назначение. На календаре был 1948 год.

Места, в которые мне предстояло ехать, после военных перемещений не казались уж очень далекими. А такие города, как Свердловск, Павлодар, Семипалатинск, Омск, уже не казались краем земли. Тем более думалось, что еду туда ненадолго. Как в командировку. Поэтому ехалось легко. Но я ошибался. В свой родной город я вернулся лишь через 56 лет.

Всеволожск, 2015–2021 гг.

На Омской железной дороге (1949–1958)

Транссибирская магистраль (Великая Сибирская магистраль), железнодорожная линия Челябинск — Омск — Иркутск — Хабаровск — Владивосток (ок. 7 тыс. км) связывает Европейскую часть России с Сибирью и Дальним Востоком. Построена в 1891–1916 гг.

Большой энциклопедический словарь, 2004

Небольшое вступление

Чтобы ты, дорогой читатель или читательница, лучше представлял себе, что такое железные дороги, на которых мне предстояло работать после окончания института, я позволю себе сказать о них несколько слов. Тебе, конечно, не раз доводилось ездить в поездах дальнего следования или на электричках. Смотреть в окна на проносящиеся мимо станции, мосты, светофоры и опоры контактной сети. Однако все это представляет собой лишь малую часть железнодорожного хозяйства.

Российские железные дороги недаром называют государством в государстве. Это не только многие тысячи километров стальных путей. Не только станции, мосты, путепроводы, защитные лесополосы, локомотивы и вагоны, светофоры и электроподстанции, мощные средства связи и уникальная вычислительная техника. К железнодорожной «империи» относится и многое другое. Ей принадлежат сотни заводов и ремонтных мастерских, строительных организаций и проектных институтов, стадионы и бассейны, больницы, санатории и детские садики. У нее даже есть детские железные дороги. До недавнего времени в ведении железных дорог находились техникумы и высшие учебные заведения. К ее владениям относились жилые дома в городах и поселках, а также школы. В то время, когда я работал в этой системе, у железнодорожников была даже своя прокуратура, милиция и охрана.

На рабочих местах этого транспортного гиганта трудятся, учатся и творят его завтрашний день миллионы людей. Не знаю, как сейчас, но во времена моей инженерной молодости в стране каждый десятый работающий был железнодорожником.

Научно-технический прогресс не обошел стальную колею. Уже давно ушли в небытие паровозы. Их сменили современные электровозы и тепловозы. С каждым годом поездов становится все больше, и движутся они все быстрее. Управлять этим потоком становится все более сложно. На помощь приходят новейшие устройства автоматики и телемеханики. Они облегчают труд людей. Но не только. Они еще и контролируют их действия. Как говорят специалисты — обеспечивают «защиту от дурака».

К концу минувшего XX столетия устройства телемеханики ликвидировали на железных дорогах профессию стрелочника. Сегодня «списать ошибку на стрелочника» можно только в переносном смысле. Диспетчер или оператор сам переводит стрелки, которые находятся иногда за сотни километров от него. Причем автоматика (автоматический контроль) не позволяет им допустить ошибку. Она не даст выполнить их команду, если они попытаются принять поезд на занятый путь или пустить его по неверному маршруту.

Когда на одном и том же участке находится несколько поездов, автоматические устройства не только не позволят им сблизиться на опасное расстояние, но и остановят тот поезд, машинист которого почему-то не затормозил перед красным сигналом светофора.

Проектирование, сооружение и эксплуатация таких систем безопасности и составляют суть профессии, которой меня обучали в институте и специалистом которой я был выпущен из его стен. Профессия называлась несколько старомодно, но именно так она вписана в мой диплом: «Сигнализация, централизация и блокировка (СЦБ)». На современном языке это означает не что иное, как «автоматика и телемеханика на железнодорожном транспорте».

Для обслуживания устройств телемеханики и автоматики на железных дорогах созданы специализированные эксплуатационные предприятия. За каждым из них закреплен определенный участок дороги (дистанция). Называются они «дистанциями СЦБ» с добавлением номера (первая, вторая). В том случае, когда такой дистанции поручается обслуживание еще и средств связи, ее называют «Дистанции СЦБ и связи». В телеграфном варианте такие эксплуатационные подразделения обозначаются буквами «ШЧ». И для упрощения разговорной речи люди называют место своей работы именно этими буквами («Я работаю в ШЧ-1»).

Чтобы ты, читатель, не подумал, что такая буквенная вакханалия придумана только для служб автоматики и телемеханики, сообщая тебе, что путейцы имеют свою аббревиатуру — ПЧ, локомотивное хозяйство — ТЧ, вагонное — ВЧ, энергетики — ЭЧ. Более того, этой же аббревиатурой именуются и руководители этих предприятий, их

должности. У связистов-автоматчиков начальник — ШЧ-1 или ШЧ-3. А его заместителя называют «Зам ШЧ». Вот в царство этих буквосочетаний мы и отправились после окончания института.

1948 год.

Прибытие в Омск

Как я уже упоминал, у меня оказались две попутчицы к месту работы. Это были мои сокурсницы, которые, как и я, получили назначение в Урало-Сибирский округ. Уже к 10 августа 1948 года мы прибыли в г. Свердловск (теперь он называется Екатеринбургом, как и до 1920 года). Управление округом находилось недалеко от вокзала, в большом здании. Были мы там недолго. Нас ни о чем особенно не спрашивали. Сказали лишь, без обсуждений, что назначены мы будем на Омскую железную дорогу.

Что представляла тогда собой эта дорога? Это была западная часть Транссибирской железнодорожной магистрали. Посмотрите на карту России и найдите на ней г. Курган, расположенный восточнее Челябинска, а затем Новосибирск. Так вот участок Транссибирской магистрали между этими сибирскими городами, протяженностью около 1500 километров со всеми ответвлениями, и есть Омская железная дорога.

После часа ожидания нам выдали документы о направлении на работу и билеты до г. Омска, где находилось управление дорогой. И мы благополучно туда прибыли, проведя предварительно ночь на Свердловском вокзале. Зал ожидания был переполнен. Сесть было негде. Выручила моя новая железнодорожная форма, которую я приобрел перед самым отъездом. Нас пропустили в служебное помещение, и мы там спокойно продремали до поезда.

Дорогу до места назначения я за годы войны уже проехал дважды. Поэтому места, по которым мы проезжали, были мне знакомы. В 1941 году я с родителями ехал по этой дороге в эвакуацию, мимо тех же станций и городов. В 1944 году еще раз проехал в обратном направлении, следуя из Алма-Аты на работы по восстановлению института. По обе стороны железнодорожного пути расстилались бескрайние западносибирские степи. Лишь местами проплывали небольшие лесные массивы. Переехав реку Иртыш, мы оказались в Омске. Точнее, на станции Омск.

Сам город расположился на правом берегу Иртыша. Его центр находился километрах в трех на север от станции, около места впадения реки Омь в Иртыш. Для пешеходной прогулки это достаточно далеко. Чтобы попасть в здание управления дороги, которое находилось почти

в центре города, нам пришлось долго тащиться на трамвайчике по каким-то пустырям, мимо складов и заборов. Как мы узнали позже, между станцией и управлением дороги в те годы функционировала специальная железнодорожная ветка. Надо же было как-то доставлять сотрудников управления к месту работы. В дальнейшем пользовались ею и мы. Сейчас все это пространство застроено, и город начинается от вокзала.

В управлении нас представили начальнику службы СЦБ и связи. Он оказался однофамильцем известного художника Рылова. Только, в отличие от великого живописца, Александр Павлович Рылов, а именно так звали нашего руководителя службы, произносил свою фамилию, делал ударение на первом слоге. Впечатление, полученное от такого произношения его фамилии, как выяснилось позже, соответствовало его поведению и отношению к подчиненным. Однако вначале, при знакомстве, его величественная фигура, крупное приятное лицо и большая лысина создавали представление о руководителе высокой культуры. Несоответствие внешнего облика и используемого при общении с подчиненными лексикона мы почувствовали позже. При первой встрече шеф был сдержан и немногословен. Более того, в дальнейшем выяснилось, что он мудрый и душевный человек. Вот такие сибирские сочетания.

После непродолжительной беседы нас всех троих оставили в Омске. Мы оказались в распоряжении только что приехавшего в Омск выпускника нашего же института. Но он, будучи практиком, проходил обучение по укороченной программе (на так называемых инженерных курсах). Это был Владимир Алексеевич Шалахов. Он был назначен начальником четвертой дистанции сигнализации и связи (ШЧ-4), офис которой находился на южной стороне станции Омск. В этой дистанции предстояло работать и нам. Шалахов был человек со стажем, с опытом, хорошо представляющий себе обстановку. Он помог нам освоиться на новом месте. До получения жилья мы все вчетвером жили в здании конторы дистанции, заняв там два кабинета. Мужчины, т. е. Шалахов и я, разместились в одной комнате, а женщины в другой.

Я с нетерпением ждал, когда же я начну проходить обязательный для выпускников института тренинг в ранге рядового механика. А такая практика была предусмотрена тогда положением о выпускниках. Мне хотелось быстрее определиться в новом для меня положении. Но мне было уготовано иное начало моей технической карьеры. Меня вызвали в управление дороги и предложили временно заняться работой по подготовке и выверке документации по реконструкции устройств автоматики станции Куломзино (это первая от Омска станция по другую сторону Иртыша).

Пришлось разбираться с проектом реконструкции путевого развития этой станции. Определять невыполненные объемы строительства устройств автоматики. Работы там велись года три назад, еще в конце войны. Теперь было решено их возобновить. Но строители долго не могли разобраться с тем, что сделано, а что нет. В первую очередь речь шла о подземных кабельных работах. На поиске этих «кабельных концов» я был занят в течение трех с половиной месяцев, почти до Нового года. Я выезжал на полевые изыскания, ходил вдоль путей с прибором, напоминающим миноискатель, участвовал в работе бесчисленных комиссий.

Все шло хорошо. Как ни странно, но с моими предложениями считались. Для меня же удивительным было то, что эту работу поручили мне. Неужели на дороге не нашлось инженера с опытом, который, возможно, решил бы все эти вопросы и лучше, и быстрее. Как я понял позже, такого «свободного» инженера действительно не было. На всем протяжении от Кургана до Новосибирска, включая управление дороги, в ту пору работало лишь шесть инженеров с высшим образованием нашего профиля. Даже начальник службы, с которым мы общались в день приезда, как выяснилось позднее, окончил только техникум связи.

После Нового года, когда все проблемы с возобновлением строительства были решены, вышел наконец приказ о моем назначении дежурным механиком электрической централизации станции Куломзино. Я получил спецодежду — ватные куртку и брюки цвета древесной золы и валенки. В те времена это была стандартная зимняя форма для солдат стройбата, рабочая одежда для работающих на свежем воздухе железнодорожников, строителей, водителей грузового транспорта, а также для «зеков» (заключенных, работающих в лагерях). Главное ее преимущество было в том, что в ней зимой было тепло. Поэтому большинство носило эту одежду постоянно. Ее цвет и форма в значительной степени определяли внешний послевоенный облик городской толпы того времени в Сибири.

1949 год.

Стажировка в должности электромеханика

Станция Куломзино — это «входная» станция Омска, расположенная по западную сторону моста через реку Иртыш. Там я проработал в качестве сменного электромеханика с января по июнь 1949 года. Работал я посменно, по 12 часов. Первые сутки в день, вторые — в ночь, а затем выходной. Служебное помещение, где мы передевались,

отдыхали и выполняли какие-то подготовительные работы, располагалось на первом этаже трехэтажного здания с балкончиком по верху, которое стояло у самых путей почти в центре станции. Такие здания, которые называют «пост электрической централизации», можно и сейчас увидеть на любой большой станции и узнать по круговому балкончику или сплошному застеклению. Верхний этаж занимал дежурный по станции со своими помощниками. Он сидел перед большим пультом, на котором была размещена схема станции, с множеством кнопок и сигнальных лампочек. На втором этаже была аппаратная (наши многочисленные приборы и коммутации, обеспечивающие управление движением).

Мы, сменщики, работали в ту пору в одиночку. Монтеров у нас в смене не было. Однажды это чуть не стоило мне жизни. Работал я в тот раз на подгорочных путях. Это пути, по которым с горки пускают самокатом вагоны, сортируя их. Повернувшись спиной к вершине горки, я небольшим ломиком очищал от балласта и льда трос, идущий от рельса к металлической коробке. Правая нога у меня стояла на рельсе, а левая около коробки. И вдруг сильным ударом в правое плечо меня отбросило в сторону междупутья. Я быстро вскочил на ноги. А мимо меня медленно и бесшумно прокатилась четырехосная платформа, груженная металлом. Нетрудно представить себе, что бы она сделала со мной, если бы моя нога стояла внутри колеи. Это была наука на всю мою остальную железнодорожную жизнь: не находишься в колее, если ты один!

Второе «чрезвычайное происшествие» было у меня связано с недостатком опыта при осмотре состояния станционных устройств автоматики. Делая обход станции в конце дежурства, я просто не обратил внимания на расположившийся рядом с путями экскаватор. Он приступал к работе по копке котлована для строительства какой-то железнодорожной будки. Сдав дежурство, я уехал домой, а уже через час был вызван обратно. Добирался я назад в Куломзино практически пешком, так как электрическая централизация стрелок на станции не работала. Движение приостановилось. Обнаруженный, но не остановленный мною экскаватор порвал всю кабельную магистраль с восточной стороны станции. Кабель восстанавливали сутки, а я получил строгий выговор и остался без премии за этот месяц. Разумеется, я понимал, что «всыпали» мне вполне заслуженно. Это был еще один урок.

Период освоения практической работы рядовым механиком был насыщен у меня и другими, самыми разными неприятностями, которые

тем не менее добавляли опыта. Так, однажды я не сумел в течение дневной смены заменить старый электропривод, предназначенный для перевода стрелки. Пришлось мне сидеть рядом с ним до следующего дня, до прихода старшего механика. Получился такой вот ночной дозор-позор. Эту техническую операцию я выполнял тогда первый раз в жизни. Тем не менее мои коллеги оставили меня одного, считая, что это, мол, полезно «для науки». Разумеется, в следующие разы все проходило нормально. Я освоил эту технологию.

Во всех этих случаях меня радовало то, что каждое ЧП становилось для меня хорошей школой работы в реальных условиях. Это понимали и мои руководители. Они не держали на меня зла и не «выговаривали» за мои промахи. Это помогло мне за время «тренинга» в качестве механика хорошо изучить устройство электрической централизации станции и усвоить технологию обслуживания. И имело для меня огромное значение для работы на дороге в будущем.

Еще до Нового года мы с моими сокурсницами добились предоставления нам жилой площади. Они получили комнату на двоих. Моим жильем оказалась кухня в трехкомнатной квартире, которая уже давно была превращена в жилую комнату. Такой подарок объяснялся тем, что я числился человеком семейным. Получение отдельной комнаты было тогда большой удачей. Семейность моя заключалась в том, что я ожидал приезда моей институтской подруги — Татьяны Торичневой. С ней я подружился на четвертом курсе и у нее жил, будучи на практике в Киеве. Она дала мне слово, что приедет ко мне в Сибирь, как только я обустроюсь. Поэтому я и готовил соответствующий плацдарм для нашего будущего. Как потом выяснилось, ее такой комфорт не устроил.

Получив комнату-кухню, я начал вести другой, более «цивилизованный», образ жизни. Готовил себе еду, чаевничал и обедал дома, даже делал запасы. Последнее было необходимо, так как в торговле постоянно что-то исчезало. Например, крупы, сахар и даже хлеб.

Двухэтажный дом, в котором меня поселили, находился в железнодорожном поселке на южной стороне станции Омск. Культурные центры города были от этого микрорайона существенно отдалены. Поездка в театр превращалась в серьезное мероприятие, отнимающее только на дорогу в одну сторону более двух часов. Причем значительную часть пути надо было идти пешком. Поэтому посещение единственного городского театра было редким занятием. Основным развлечением после работы было чтение книг и прогулки по станционному району.

1948 год.

Меня принимают в партию, и я меняю фамилию

Весной 1949 года завершился мой испытательный срок кандидата в члены коммунистической партии. И я был принят в ее члены. Для меня это было естественным продолжением всей моей предшествующей комсомольской и более ранней пионерской жизни. Мои родители сформировали у меня высокое уважение к своей стране, гордость за ее успехи. Причем не пассивный, а активный патриотизм, когда ты стараешься сделать что-то полезное для окружающих тебя людей, твоей школы, института. Им удалось воспитать в нас чувство сопричастности к возникающим в жизни страны проблемам, готовность помочь своему отечеству в их преодолении. Поэтому участие в политической жизни воспринималось мною как нечто естественное. Мое «двомыслие» не мешало мне воспринимать действительность с большой долей оптимизма. Я был убежден в возможности построения социально справедливой жизни на основе коммунистических идей, в необходимости жертвовать ради этого многим.

Все, что я делал, было пронизано желанием быть добросовестным, полезным для дела, которым я был занят. Может быть, даже для общества, хоть это и слишком помпезно звучит. О своем благополучии я думал в те времена очень мало. Все это логично сочеталось с тем лютеранским восприятием жизни, которое заложила во мне еще моя бабушка: «Труд, честность, скромность, доброта». К тому же я верил в искренность и честность коммунистической политики. Сам я за все годы своей трудовой жизни не украл ни копейки, не взял ни одной взятки, нигде не поступился совестью. Тогда это называлось коммунистической моралью. Ведь мы не знали в те времена об изуверской изнанке коммунистического режима и преступлениях его вождей.

В дистанции, где я работал, мне было поручено вести кружок по истории партии с членами партийной организации. Это поручение я добросовестно выполнял. Участвовал в районных политических семинарах. Следил за политическими событиями.

С вступлением в партию связано еще одно немаловажное событие в моей жизни, которое я задумал еще в более ранние годы. Я сменил фамилию отца Мейер на его псевдоним Тукумцев. Псевдоним был образован на основе названия города, где жили наши прибалтийские предки, — Тукума. Теперь это латвийский город Тукумс, расположенный на западном побережье Рижского залива. С конца 20-х годов отец начал публиковать свои статьи и учебники под этим псевдонимом. Использование немецкой фамилии вызывало у издателей советского периода чувство неуютности. Что касается меня, то, став членом партии,

я обратился в районный комитет партии и получил официальное разрешение районных партийных органов на смену фамилии. Члены бюро и секретарь райкома лишь призадумались над тем, как проще сформулировать причину. Но добро на замену паспорта и партбилета дали.

Мне не хотелось менять свою фамилию до этого. Мне казалось, что это будет выглядеть как попытка приспособиться, замаскироваться при вступлении в партию, спрятать свое происхождение. А ведь этому событию я придавал очень большое значение, мне хотелось быть честным и открытым.

В Омском областном бюро ЗАГС операция по получению документа для замены паспорта заняла не более часа. Мне выдали удостоверение за номером один. В стране появился первый официальный Тукумцев. И это не преувеличение. Мне об этом писал отец. В стране до этого не было зарегистрировано такой фамилии.

Родители мой шаг одобрили. Они так же, как и я, считали, что, сменив фамилию, я избавил на будущее от формальных придирок своих детей. Хотя, конечно, с общечеловеческой точки зрения это не было оптимальным шагом. Это был шаг вынужденный.

Но мне казалось тогда, что у меня нет другого выхода. Я уже подробно описал проблемы, с которыми я столкнулся из-за немецкой фамилии. Я никогда не считал себя немцем, так же как не считал себя поляком, финном, эстонцем, украинцем. Хотя для этого были основания. Я считал себя русским. В то же время я не перестаю гордиться своими многонациональными предками. Особенно их трудами и подвигами во славу отечества. Мой дед-украинец за героизм в боях с турецкой армией под Плевной получил личное дворянство и золотое оружие. Мой дед-немец был удостоен императором Николаем II звания «Почетный гражданин России» как лучший, говоря современным языком, менеджер. Мой прадед-финн изобрел первый в России аппарат для выполнения электрофореза (лечения электротоком). Моя бабушка-полька вырастила для России трех братьев — боевых офицеров, героически сражавшихся на японском и германском фронтах и отмеченных личным дворянством. Всего она воспитала семерых детей. Мой отец Гвидон Романович Мейер является автором первого в Советском Союзе учебника «Русский язык» под редакцией С. Г. Бархударова и Л. В. Щербы. Отец написал вторую часть, «Синтаксис», совместно с В. И. Устрицким. После этого он написал учебники русского языка для всех классов школ Эстонии, которые используются и теперь, после распада СССР. И мне было обидно, что все это стало подменяться примитивной оценкой «наш» — «не наш», «русский» — «не русский». Ни к чему хорошему это никогда не привело. Да и не привело. История тому свидетель.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-22.62fe-xd85

EDN: GRETJC

УДК 316.334.3:324

В. В. Сафронов

МЕДИАТОРЫ ВОЗРАСТНЫХ НЕРАВЕНСТВ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО УЧАСТИЯ: ИНТЕРЕС К ПОЛИТИКЕ И ПАРТИЙНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

В исследовании рассматриваются возрастные неравенства участия избирателей в выборах Государственной Думы. Согласно общей для многих демократий закономерности, электоральная активность гораздо выше в старших возрастах и ниже — в младших. Признается, что при продвижении по этапам жизненного цикла у человека появляется заинтересованность в решении ряда жизненных проблем, зависящих от принимаемых политических решений, что побуждает его к голосованию. При этом недостаточно изученным остается вопрос о том, какие политические аттитюды опосредуют зависимость между возрастом индивидов и их участием в выборах. В нашей стране также отмечается сильная зависимость между участием в выборах и возрастом. В исследовании предполагается, что возрастные различия электорального участия в выборах ГД объясняются в определенной степени медиативными влияниями переменных интереса к политике и партийной идентификации. Анализируются данные российского опроса, проведенного по проекту Европейского социального исследования (ESS, Round 8), с применением регрессионного моделирования, позволяющего оценивать параллельные и последовательные медиации. Результаты показывают, что с возрастом повышается интерес к политике и формируется партийная идентификация, которые мотивируют участие в выборах ГД. Обнаружены отчетливые непрямые эффекты возрастной детерминации этой активности, которые говорят о наиболее выраженном посредническом влиянии партийной идентификации, заметном — интереса к политике, а также, хотя и менее сильном, их последовательности — через этот интерес, а потом идентификацию.

Ключевые слова: выборы Государственной Думы, электоральное участие, возрастные неравенства, медиации, интерес к политике, партийная идентификация, Европейское социальное исследование (ESS).

VIACHESLAV V. SAFRONOV

MEDIATORS OF AGE INEQUALITIES IN ELECTORAL PARTICIPATION: INTEREST IN POLITICS AND PARTY IDENTIFICATION

The study examines the age inequalities of voter participation in the elections of the State Duma. According to a pattern common to many democracies, electoral activity in our country is much higher in older ages and lower in younger ones. It is recognized that when moving through the stages of the life cycle, a person becomes interested in solving a number of problems that depend on the political decisions taken, which encourages him to vote. At the same time, the question of which political attitudes mediate the relationship between the age of individuals and their participation in elections remains insufficiently studied. In our country there is also a strong correlation between participation in elections and age. The study suggests that age differences in electoral participation in State Duma elections are explained to a certain extent by the mediating influences of the variables of interest in politics and party identification. The data of the Russian survey conducted by the European Social Research Project (ESS, Round 8) are analyzed using regression modeling, which allows evaluating parallel and sequential mediation. The results show that with age, interest in politics increases and party identification is formed, which motivate participation in State Duma elections. Distinct indirect effects of age determination of this activity were discovered, which indicate the most pronounced mediating influence of party identification, a noticeable influence of interest in politics, and also, although less strong, of their sequence — through this interest, and then identification.

Keywords: State Duma election, electoral participation, age inequalities, mediation effects, political interest, party identification, European Social Survey (ESS).

Влияние возраста на электоральное участие: характеристика исследований

Требование активного и равного участия всех граждан в политической деятельности, определяющее демократическое правление, не удается соблюсти ни в одной стране: даже в выборах парламентов, отличающихся самым массовым активизмом, участвуют далеко не все избиратели, причем те, кто это делает, имеют ряд характерных особенностей. Теоретическая модель, разработанная С. Вербой, К. Л. Шлоzmanом и Г. Е. Брэди для объяснения политических неравенств, предполагает, что неучастие в политических действиях, чаще встречающееся среди людей с невысоким социально-экономическим статусом (образованием

прежде всего), связано с недостатком у них ресурсов (гражданских навыков организационной и коммуникативной деятельности, денег и свободного времени), отсутствием психологической ориентации на политику (интереса к политике, информированности о ней, уверенности, что на нее можно повлиять) и слабостью усилий по их мобилизации (Schlozman, Brady, Verba 2018; Verba, Schlozman, Brady 1995).

Объяснения собственно участия в выборах на индивидуальном уровне также соотносятся с этой моделью ресурсы — мотивация — мобилизация (а при сопоставлении агрегированных значений явки требуют учета политического контекста). Так, согласно авторитетным исследованиям в США, двумя важнейшими переменными, определяющими, кто голосует и кто нет, являются образование и возраст, причем с повышением последнего происходит компенсация ограничений, обусловленных недостатком образования, а некоторое снижение участия в старших возрастах отражает особенности социального статуса этих избирателей (Wolfinger, Rosenstone 1980). По другим результатам, влияние возраста на участие в выборах было даже более отчетливым, чем образования и дохода, что объяснялось накоплением жизненного опыта, снижающего информационные издержки, и большей мобилизационной доступностью для политических элит избирателей зрелых и старших возрастов (Rosenstone, Hansen 1993). Сходные различия между американскими избирателями обнаруживались и в последующих исследованиях — «даже при учете других характеристик богатые голосуют больше, чем бедные, лучше образованные — больше, чем менее образованные, в старших возрастах больше, чем молодые» (более склонны голосовать также англо-американцы, женщины, неодинокие) (Leighley, Nagler 2013: 80).

Эти выводы подтверждаются и при совместном анализе данных для девяти демократических стран, который показал, что важнейшие факторы участия в выборах — возраст и образование (вслед идут религиозность, доход и семейное положение) (Blais 2000). Представленный А. Блэ обзор исследований, посвященных участию в выборах, показывает, что на индивидуальном уровне (обсуждаются и различия между странами по агрегированным показателям явки) склонность к голосованию нарастает с возрастом и при повышении образования, причем особенно тесная корреляция с возрастом обусловлена особенностями жизненного цикла и поколений (Blais 2007). Хотя решение о том, голосовать или не голосовать, зависит от многих обстоятельств, два важнейших условия, заключает автор, — интересуется ли человека политика и считает ли он участие в выборах гражданским долгом. В работе,

посвященной национальным парламентским выборам в 24 европейских демократиях (данные ESS 2006), было установлено, что вероятность неучастия выше среди избирателей с низким образованием и представителей младших возрастных когорт, при слабом интересе к политике, неверии в открытость политической системы, неудовлетворенности ею и политиками (Nadjar, Beck 2010).

Метаанализ статей, в которых обсуждаются индивидуальные детерминанты участия в национальных парламентских и президентских выборах в западных демократиях (2000–2010 гг., 90 работ), обнаружил отсутствие согласия исследователей о составляющих базовой объяснительной модели: лишь немногие переменные были общими для этих работ, и к числу претендентов на включение в такую модель относятся возраст (рост участия с его увеличением и снижение среди самых пожилых), образование (высокое повышает явку), мобильность относительно места жительства (снижает ее), потребление информации СМИ, партийная и внепартийная мобилизация, голосование на предшествующих выборах, партийная идентификация, интерес к политике и политические знания (с ростом значений этих переменных увеличивается вероятность голосования) (Smets, van Ham 2013).

Исследования, проводившиеся в последние годы, подкрепляют и уточняют полученные ранее свидетельства. Анализ Р. Далтоном неравенств политической активности (опросы ISSP 2004 и 2014 гг. и другие данные) продемонстрировал, что участие в выборах растет вместе с социально-экономическим статусом и возрастом (снижается у самых пожилых), а также предполагает взаимодействие с общественными ассоциациями, приверженность нормам гражданского долга, уверенность в способности влиять на политику, доверие другим людям (Dalton 2017). В недавнем обзоре работ о политическом неравенстве и участии в выборах вновь отмечается, что в западных демократиях молодежь, менее образованные и бедные с меньшей вероятностью голосуют, особенно при невысокой общей явке, и это важно, поскольку влияет на политические решения (Blais, Dassonneville, Kostelka 2020). Согласно модели детерминант электорального участия, полученной А. Блэ и Ж.-Ф. Дау при анализе выборов в западных демократиях, активность, нарастая с возрастом и образованием, зависит прежде всего от двух общих мотивационных диспозиций — интереса индивида к политике и чувства гражданского долга, а также от двух более конкретных представлений — обеспокоенности результатами выборов и уверенности, что проголосовать нетрудно, причем эти зависимости проявляются в разнообразных контекстах, мало отличаясь в избирательных системах с пропорциональным представительством и без него,

характерны для национальных, региональных и европейских выборов (Blais, Daoust 2020).

Среди основных переменных, влияющих на электоральную активность, называют также партийную идентификацию (подразумевает устойчивую психологическую приверженность определенной политической партии). Она важна, полагали А. Кэмпбелл и его коллеги в своей классической работе, так как способствует психологической заинтересованности индивидов политикой, участию в голосовании и поддержке определенной партии и кандидатов (Campbell et al. 1980: Chapter 6). В недавнем обзоре Р. Далтон подтверждает, что партийная идентификация облегчает индивиду оценку политических проблем, событий, кандидатов и вовлекает граждан в проведение кампаний и выборы, а также определяет избирательные предпочтения и стабилизирует паттерны голосования и партийную систему (Dalton 2021). Она, считает И. Макаллистер, является предпосылкой политического участия почти во всех его разновидностях, и ослабление партийной лояльности в последние десятилетия вносит свой вклад в снижение в развитых демократиях электоральной явки (McAllister 2020).

Описанные закономерности были выявлены по преимуществу в исследованиях стабильных западных демократий. В Центральной-Восточной Европе и России электоральное участие, несмотря на более низкие значения явки, было связано с теми же демографическими факторами и политическими аттитюдами, что и в развитых демократиях (Birch 2013; Colton 2000; Kostelka 2014). В этой части Европы и нашей стране, наряду с социальной демографией и политическими ориентациями, первостепенное значение имеет партийная идентификация (Сафронов 2023; McAllister, White 2017). На избирательные участки при проведении парламентских выборов гораздо чаще приходят избиратели, способные указать в партийном спектре партию, которая им близка, чем те, кто этого сделать не может. Вероятность участия заметно увеличивается с возрастом избирателей (и снижается в самых старших категориях), образованием, ростом интереса к политике, уверенности в открытости политической систем влиянию граждан и доверии политическим институтам.

Таким образом, значительные различия участия в выборах связаны с возрастом, причем, как отмечает Е. Плутцер, его влияние (и других факторов социальной демографии) не отражает простых причинных зависимостей — нарастание электоральной активности с возрастом может объясняться прояснением политических интересов и предпочтений в зрелых и старших возрастах, продолжающейся интернализацией социальных норм и усвоением взрослых ролей или

же вхождением в зрелые годы в сети социальных взаимодействий с более высокими ожиданиями гражданской активности (Plutzer 2018). Согласно актуальному обзору научной литературы, криволинейная зависимость, фиксирующая повышение электоральной активности с возрастом, а затем, на поздних этапах жизни, ее снижение, может объясняться теорией политического жизненного цикла (Serra, Smets 2022). Низкая активность среди молодых людей связана с их слабой вовлеченностью в гражданскую жизнь. Дальнейшее ее нарастание при переходе к взрослости, когда в жизни происходят такие изменения, как оставление родительского дома, начало работы, приобретение жилья и создание семьи, обусловлено включением человека в деятельность организаций, ассоциаций и сообществ, которые оказывают влияние на его мотивацию, возможности мобилизации и оказания социального давления, на развитие гражданских навыков. Последующий спад вызван отстранением от политики людей старших возрастов из-за ухудшения здоровья, выхода в отставку, снижения доходов. (Кроме того, возрастные особенности могут свидетельствовать о различиях между поколениями — считается, что те, кто рос в сильно политизированных общественных контекстах, должны проявлять большую склонность к участию в голосовании.)

Подобные непрямые детерминации возрастных различий в электоральном участии остаются недостаточно изученными — в России такие исследования, насколько нам известно, вообще не проводились. В настоящей работе предполагается внести вклад в прояснение этого вопроса и предпринимается попытка объяснить возрастные электоральные неравенства в России, учитывая посреднические эффекты двух ключевых аттитудных переменных, связанных с участием в выборах, — интереса к политике и партийной идентификации.

Задачи и методы исследования

В представленной работе рассматриваются возрастные неравенства участия избирателей в выборах Государственной Думы. Общая закономерность, отмеченная во многих исследованиях и странах, говорит о невысокой явке среди молодых людей и ее постепенном нарастании к старшим возрастам (и некотором снижении среди самых пожилых). Это объясняется изменением с возрастом жизненной ситуации (занятости, доходов, семейного положения, жилья) и обусловленных ею интересов, побуждающих человека обращать внимание на политические решения и пытаться оказывать на них воздействие. При этом недостаточно изученным остается вопрос о том, какие именно политические

аттитуды опосредуют зависимость между возрастом индивидов и их участием в выборах.

Накопленные к настоящему времени факты, как отмечалось в обзоре научной литературы, однозначно свидетельствуют, что одним из самых сильных мотиваторов электорального участия является интерес индивида к политике. Очень важную роль, особенно в странах Центрально-Восточной Европы, играет также партийная идентификация — на парламентские выборы приходят многие из избирателей, которые способны указать в партийном спектре организацию, выражающую их чаяния, а воздерживаются от голосования нередко те, кто такой партии не видит. Политический интерес и партийная идентификация побуждают к голосованию и российских избирателей. Можно предположить, что именно эти факторы выступают медиаторами, объясняющими возрастные расхождения участия в парламентских выборах. В самом деле, они не только мотивируют электоральную активность, но и сами, скорее всего, зависят от возраста. Вероятно, что с повышением возраста у человека повышается интерес к происходящему в политической жизни и складываются представления о политических партиях, отстаивающих близкие ему позиции.

Цель настоящего исследования — проверить предположение о возможности объяснения возрастных неравенств участия в выборах Государственной Думы с помощью учета непрямых, посреднических влияний возраста на это участие через интерес к политике и партийную идентификацию. Для ее достижения нам предстоит решить три исследовательские задачи — во-первых, выяснить, как возраст избирателей влияет на интерес к политике (при контроле прочих переменных, от которых он может зависеть); во-вторых, проанализировать возрастные различия в их представлениях о наличии среди политических партий близкой им организации; и, наконец, оценить статистическую достоверность того, что переменные политического интереса и партийной идентификации действительно следует рассматривать в качестве медиаторов, объясняющих возрастные различия электоральной явки.

Решение задач исследования осуществлялось с использованием российских данных Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS Round 8), собранных в январе и феврале (отчасти — марте) 2017 г. вслед за состоявшимися осенью 2016 г. выборами Государственной Думы (URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/data> (дата обращения: 27.09.2023)). Об участии в них позволяет судить следующий вопрос анкеты: «Некоторые люди по разным причинам не принимают участия в выборах. Скажите, пожалуйста, Вы голосовали на последних выборах в Госдуму в сентябре 2016 года? 1. Да; 2. Нет; 3. Не имел(а)

права голосовать». В настоящей работе рассматриваются только те респонденты, у которых было право голоса. Зависимую переменную будет представлять дихотомия, отделяющая голосовавших на этих выборах (значение «1») от людей, не участвовавших в них (значение «0»).

Основная независимая переменная — возраст опрошенных, измеренный в годах, а также в шести и семи категориях (до 30 лет, 30–39, 40–49, 50–59, 60–69, 70 лет и старше или 70–79 лет и 80 лет и старше). Предполагаемые медиаторы влияния возраста на участие в выборах — интерес респондента к политике и наличие у него партийной идентификации — позволяют сконструировать следующие вопросы из ESS анкеты: «Насколько Вы интересуетесь политикой? 1. Очень интересуетесь; 2. В некоторой степени интересуетесь; 3. Мало интересуетесь; 4. Совсем не интересуетесь» и «Есть ли такая политическая партия, которая Вам ближе, чем все остальные партии? 1. Да; 2. Нет. Если да: Какая это партия? Насколько близка Вам эта партия? 1. Очень близка; 2. Довольно близка; 3. Не очень близка; 4. Совсем не близка». Используя при анализе показатели этих медиаторов представляют собой инвертированную четырехбалльную шкалу политического интереса, с нарастанием значений которой усиливается этот интерес, и трехбалльную шкалу идентификации с партией со значениями 0 — нет близкой партии, 1 — есть партия, которая довольно близка, и 2 — есть очень близкая партия. Регрессионное моделирование возрастных электоральных неравенств с учетом двух медиативных эффектов проводилось при контроле основных структурных факторов, влияющих на участие в голосовании, — пола, образования (суммарное число лет обучения в формальных образовательных учреждениях — школе, ПТУ, техникуме, колледже, институте или университете, аспирантуре и др.), места жительства (село, небольшой город, крупный город) и этнической принадлежности (русские или меньшинства).

Изучавшиеся зависимости между переменными схематически представлены на рис. 1. Согласно схеме, возраст способствует участию в выборах ГД не только в силу изменения жизненной ситуации (c' , прямой эффект), но и благодаря посредническим линиям детерминации через переменные интереса к политике (первый непрямой эффект, выраженный произведением регрессионных коэффициентов $a_1 \times b_1$) и партийной идентификации (второй непрямой эффект — произведение $a_2 \times b_2$). Причем эти медиаторы располагаются последовательно — с возрастом может повышаться интерес к политическим вопросам, что, в свою очередь, будет способствовать нахождению партии, выражающей близкую избирателю позицию, и, таким образом, участие в выборах

может повышаться под воздействием обоих последовательных медиаторов (третий непрямой эффект, выраженный произведением $a_1 \times a_3 \times b_2$). Все эти эффекты оцениваются в логистических регрессиях при контроле указанных выше социально-структурных признаков.

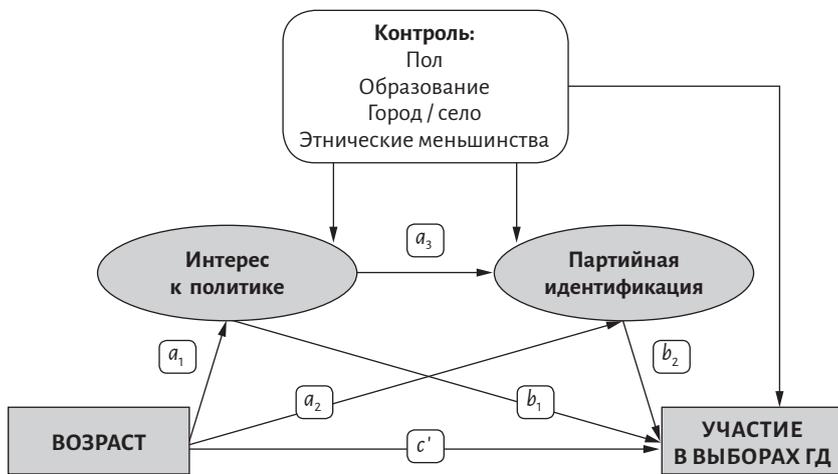

Рис. 1. Схема анализа возрастных различий участия в голосовании

Статистический анализ проводился с помощью регрессионного моделирования, позволяющего оценивать параллельные и последовательные медиативные эффекты (программа Process, см. Hayes 2022). Шкалы независимых переменных были преобразованы, так что их значения стали располагаться в диапазоне между 0 и 1, вследствие чего регрессионные коэффициенты свидетельствуют об изменении эффекта при переходе от наименьшего к самому большому шкальному значению.

Дескриптивная статистика для изучавшихся переменных отражена в табл. 1. Опросы населения, как хорошо известно, дают более высокие значения электоральной явки, чем официальная статистика (Cuevas-Molina 2017). По данным ESS, на думских выборах 2016 г. она составляла 56%, тогда как, по сведениям Центризбиркома, в них приняли участие 47,8%. Это обстоятельство, однако, не способно существенно исказить оценки непрямых эффектов в нашем анализе, поскольку сопоставление регрессионных коэффициентов, полученных при взвешивании данных (для приведения доли проголосовавших к официальному проценту) и без взвешивания (как в программе Process, не учитывающей веса), показывает, что изменения в них были малозаметными.

Таблица 1

Дескриптивная статистика*a. Категориальные переменные*

ПЕРЕМЕННЫЕ	N	%	ПЕРЕМЕННЫЕ	N	%
УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ	2300		ПОЛ	2300	
Нет	1000	44	Женщины	1331	58
Да	1300	56	Мужчины	969	42
ВОЗРАСТ	2300		МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА	2295	
до 30 лет	423	18	Сельская местность	541	23
30–39	457	20	Небольшой город	752	33
40–49	373	16	Крупный город, пригороды	1002	44
50–59	377	16	ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ	2280	
60–69	361	16	Русские	1936	85
70 лет и старше	309	14	Меньшинства	344	15

b. Непрерывные переменные

ПЕРЕМЕННЫЕ	N	Min	Max	Mean	Std. Dev.
Возраст	2300	20	95	47.92	17.52
Интерес к политике	2291	1	4	2.43	0.89
Партийная идентификация	2150	0	2	0.37	0.57
Образование	2300	0	23	13.16	2.73

Интерес к политике проявляют около половины опрошенных, правда, те, кто говорит, что она их очень интересует, составляют лишь десятую часть избирателей. Две пятых сообщают о партийной идентификации — эти избиратели способны указать партию, которая им ближе других, однако ответов, свидетельствующих, что эта организация им очень близка, оказалось лишь около пяти процентов. Показатели социальной демографии критических отклонений от значений в генеральной совокупности не обнаруживают.

Возрастные различия участия в выборах

Вероятность участия избирателей в выборах Госдумы, в согласии с общей для многих стран закономерностью, существенно отличается в разных возрастах. Это утверждение применительно к голосованию на думских выборах 2016 г. иллюстрирует рис. 2. Доли респондентов в каждой из шести возрастных категорий, участвовавших в этих выборах, рассчитывались по уравнению логистической регрессии, в котором влияние возраста оценивалось наряду с контрольными переменными.

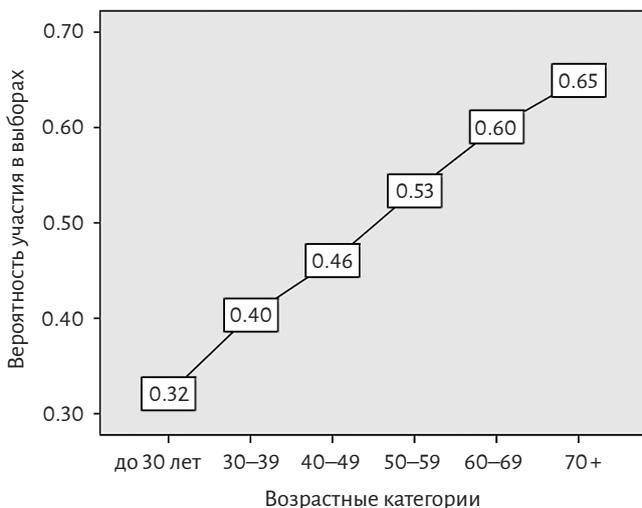

Рис. 2. Возрастные различия электорального участия в думских выборах 2016 г.

Примечание. Вероятность участия в выборах рассчитывалась по уравнению логистической регрессии с независимыми переменными пола, возраста, образования, места жительства и принадлежности к этническим меньшинствам (использовались веса, приводящие выборочные оценки участия в голосовании к официальной статистике).

Как видно на рис. 2, вероятность голосования линейно нарастает при переходе от избирателей младшего возраста к более старшим. Если среди тех, кто младше 30 лет, всего 32% приняли участие в голосовании, в категории 30–39 лет таких избирателей — 40%, среди 40–49-летних — 46%, 50–59-летних — еще больше, 53%, то в самых старших группах этот показатель становится наибольшим: 60% для возрастной категории 60–69 лет и 65% — для тех, кому 70 и больше лет.

Медиации возрастных электоральных неравенств

Убедившись, что электоральная активность тесно связана с возрастом, попытаемся, в согласии с нашими предположениями, выяснить, можно ли влияние возраста объяснить изменениями в заинтересованности избирателя политическими вопросами и его отношения к партиям. Результаты регрессионного моделирования, позволяющие ответить на эти вопросы, сведены в табл. 2.

Регрессия, представленная во втором столбце этой таблицы, верхняя (серая) панель, позволяет прояснить, как возраст влияет на переменную интереса к политике, которая выступает здесь в качестве зависимой переменной. Об этом говорит регрессионный коэффициент, $a_1 = 0.34$ (высоко статистически значимый, $p < 0.001$), подсчитанный при включении в уравнение контрольных факторов. С возрастом интерес к политике, как и предполагалось, значительно увеличивается (он выше также у мужчин и более образованных респондентов).

Регрессионные коэффициенты, приведенные в третьем столбце табл. 2, верхняя панель, свидетельствуют, что партийная идентификация также нарастает с повышением возраста, $a_2 = 0.15$ ($p < 0.001$), кроме того, ей способствует интерес к политике, $a_3 = 0.15$ ($p < 0.001$).

Рисунок 3 иллюстрирует зависимости интереса к политике и партийной идентификации от возраста, полученные в рассмотренных регрессиях. Согласно графикам, представленным на этом рисунке, с возрастом заметно повышается интерес к политике: если респонденты младшего возраста сообщают, что политика их мало интересует, то в старших возрастах многие проявляют к ней заметный интерес. Идентификация с партией также становится гораздо отчетливее в старших категориях избирателей по сравнению с младшими: среди респондентов в возрасте до 30 лет лишь 22% указали, что среди партий есть такая, которая им ближе других, тогда как у тех, кому за 70 лет, об этом сообщили 58%.

В последнем, четвертом, столбце верхней части табл. 2 приводится уравнение регрессии, которое показывает, каково влияние всех независимых переменных на участие в выборах. Это участие увеличивается с возрастом, прямой эффект $b_1 = 1.77$ ($p < 0.001$), и при повышении интереса к политике, $b_1 = 1.15$ ($p < 0.001$), но особенно отчетливо — при наличии партийной идентификации, $b_2 = 4.18$ ($p < 0.001$). Подтверждаются и известные зависимости с контрольными переменными (более высокая электоральная активность среди образованных избирателей и жителей села).

Таблица 2

Возраст и участие в выборах ГД: прямые и медиативные эффекты

Независимые переменные	Интерес к политике (a_1)	Близкая партия (a_{2-3})	Участие в выборах (b_{1-2})
Константа	0.04	-0.01	-2.20***
Возраст	0.34***	0.15***	1.77***
Интерес к политике		0.15***	1.15***
Партийная идентификация			4.18***
Пол (М)	0.11***	-0.00	-0.21*
Образование	0.40***	0.01	2.24***
Населенный пункт:			
Крупный город	0.03	-0.02	-0.68***
Небольшой город	0.01	-0.01	-0.15
<i>Село (референтная категория)</i>			
Этнические меньшинства	0.02	0.00	-0.34*
R квадрат / Nagelkerke	0.08	0.10	0.27
ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТА	Эффект	Доверительный интервал	
ПРЯМОЕ (c')	1.77	[1.27, 2.27]	
НЕПРЯМОЕ, общий эффект	1.25	[1.00, 1.54]	
Медиатор 1: Интерес к политике ($a_1 b_1$)	0.40	[0.27, 0.55]	
Медиатор 2: Идентификация с партией ($a_2 b_2$)	0.64	[0.45, 0.86]	
Медиатор 3: Последовательно 1 и 2 ($a_1 a_3 b_2$)	0.21	[0.15, 0.28]	
Различия эффектов: Медиатор 1 — Медиатор 2	-0.25	[-0.50, 0.00]	
Медиатор 1 — Медиатор 3	0.19	[0.05, 0.33]	
Медиатор 2 — Медиатор 3	0.43	[0.24, 0.64]	

Примечание. European Social Survey, Round 8, Россия, $N = 2127$. Уровни значимости: *** 0.001, ** 0.01, * 0.05. Доверительные интервалы — 95% bootstrap confidence intervals, Number of samples = 10000.

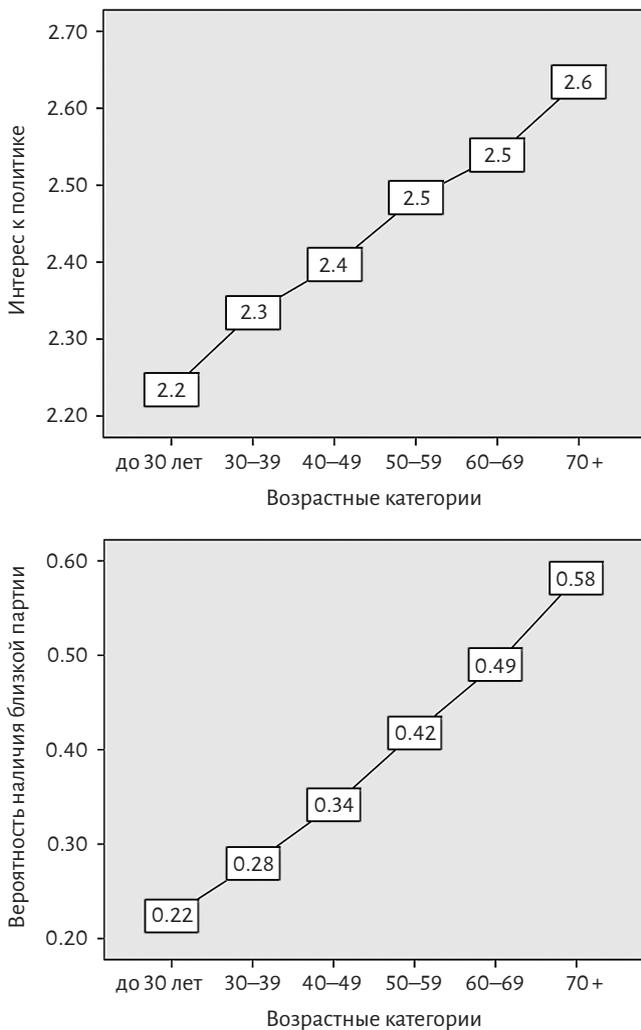

Рис. 3. Возрастные особенности интереса к политике и партийной идентификации

Примечание. Шкала политического интереса от 1 — совсем не интересуется до 4 — очень интересуется. Партийная идентификация — дихотомия есть / нет партия, которая ближе других. Влияние возраста оценивалось, соответственно, в линейной и логистической регрессии с контрольными переменными.

Выявленные в описанных регрессиях зависимости между возрастом и интересующими нас политическими аттитюдами, с одной стороны, и этими аттитюдами и голосованием — с другой, указывают, что интерес к политике и партийная идентификация действительно являются медиаторами возрастных неравенств электоральной активности. Однако, прежде чем заняться вычислением не прямых эффектов, необходимо убедиться, что эти переменные интереса и идентификации не являются модераторами возрастной детерминации голосования (в противном случае оценки медиаций могут оказаться неадекватными). Проверка показала, что ни интеракция возраста с политическим интересом, ни интеракция возраста с партийной идентификацией не являются статистически значимыми факторами электорального участия.

В нижней (светлой) панели табл. 2 можно найти значения прямого и медиативных эффектов, рассчитанных с использованием описанных регрессионных коэффициентов. Об их статистической значимости позволяют судить доверительные интервалы, характеризующие каждый из этих эффектов. Полученные результаты показывают, что все три не прямые эффекта оказываются статистически значимыми и существенно отличаются между собой по величине. Самый большой не прямой эффект влияния возраста на голосование — через партийную идентификацию ($a_2b_2 = 0.64$), существенным оказалось и посредничество интереса к политике ($a_1b_1 = 0.40$). Непрямое влияние через последовательные медиаторы интереса к политике и партийной идентификации также в известной степени объясняло возрастные различия электоральной активности ($a_1a_3b_2 = 0.21$). Таким образом, повышение с возрастом электоральной активности в определенной степени обусловлено тем, что по мере перехода от младших к старшим возрастным когортам происходит усиление интереса к политическим вопросам и формирование партийной идентификации, которые являются важными детерминантами участия в голосовании.

В представленном анализе предполагалось, что между переменной возраста, измеренного в годах, и участием в выборах наблюдается положительная линейная связь. В то же время, как отмечалось в обзоре литературы, эта зависимость является криволинейной — активность повышается до определенного возраста, а затем, у самых пожилых избирателей, идет на спад. Что же при этом происходит с медиативными эффектами? Для ответа на этот вопрос был вновь проведен регрессионный анализ, аналогичный представленному в табл. 1, однако возраст теперь был разбит на 7 категорий. Полученные прямые и не прямые эффекты приводятся в табл. 3.

Таблица 3

Медиации электоральных неравенств между возрастными категориями

ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТА	Эффект	CI	ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТА	Эффект	CI
Прямое			Медиатор 2: Близкая партия		
30–39 лет	0.38	0.08, 0.69	30–39 лет	<i>–0.00</i>	<i>–0.09,</i> <i>0.09</i>
40–49	0.70	0.37, 1.02	40–49	<i>0.10</i>	<i>–0.00,</i> <i>0.21</i>
50–59	0.82	0.49, 1.15	50–59	0.16	0.06, 0.28
60–69	1.23	0.88, 1.59	60–69	0.33	0.20, 0.47
70–79	1.05	0.64, 1.47	70–79	0.36	0.22, 0.53
80 лет+	0.81	0.22, 1.40	80 лет+	0.44	0.22, 0.69
Медиатор 1: Интерес к политике			Медиатор 3: Последовательно 1 и 2		
30–39 лет	<i>0.04</i>	<i>–0.01,</i> <i>0.09</i>	30–39 лет	<i>0.02</i>	<i>–0.01,</i> <i>0.05</i>
40–49	0.11	0.06, 0.18	40–49	0.06	0.03, 0.09
50–59	0.16	0.09, 0.23	50–59	0.08	0.05, 0.12
60–69	0.20	0.13, 0.29	60–69	0.11	0.07, 0.15
70–79	0.27	0.17, 0.38	70–79	0.14	0.10, 0.20
80 лет+	0.26	0.15, 0.38	80 лет+	0.14	0.09, 0.20

Примечание. Референтная категория переменной возраста — до 30 лет. CI (доверительные интервалы) — 95% bootstrap confidence intervals, Number of samples = 10 000. Курсивом выделены незначимые эффекты. При контроле социальной демографии.

Коэффициенты, фиксирующие прямые влияния возрастных категорий в соотношении с самой младшей группой (до 30 лет), подтверждают предположение о криволинейной зависимости между возрастом и участием в выборах. Электоральная активность нарастает от категории к категории и оказывается самой высокой у 60-летних избирателей, а затем несколько сокращается среди 70-летних и еще больше — когда им становится 80 лет и больше. Тем не менее этот факт не отменяет сделанного нами заключения о медиативных воздействиях возраста на голосование через интерес к политике и партийную идентификацию. В самом деле, в таблице видно, что не прямые эффекты через любой из рассматривавшихся трех медиаторов были ничтожно малы в младших категориях и постепенно нарастали, становясь статистически значимыми по отношению к референтной группе. Причем и в двух самых старших категориях, в которых фиксируется некоторый спад избирательной активности, ее поддерживает на достаточно высоком уровне повышенный интерес к политике и ориентация на близкую партию. Эффекты медиации для этих категорий были не меньше, чем для других возрастов.

Поскольку партийная идентификация, согласно описанным результатам, связана с наиболее отчетливыми посредническими эффектами, объясняющими возрастные отличия явки на выборы, рассмотрим подробнее некоторые ее особенности. Среди избирателей, которые могли проголосовать на думских выборах 2016 г., 64% не видели в партийном спектре организации, которая была бы им близка, и только 36% указали на такую партию, причем это была одна из четырех политических сил, формирующих Государственную Думу. Так, идентификация с «Единой Россией» была характерна для 21% респондентов, с КПРФ и ЛДПР — для 5%, а со «Справедливой Россией» — лишь для 2% (со всеми прочими партиями также около 2%). В самых старших возрастах (за 80 лет) выбор чаще падал на КПРФ и ЕР (чуть больше 20% этой немногочисленной категории), а среди 60- и 70-летних предпочтение получала ЕР (около 30%) и с заметным отставанием шла КПРФ (порядка 13%). При дальнейшем продвижении к младшим возрастным категориям идентификация с этими политическими партиями все больше снижается (до 10 и 2% соответственно среди опрошенных в возрасте до 30 лет). Но и другие партии не привлекают респондентов младших возрастов — 77% не видят близкой себе партии (с ЛДПР были связаны, как и в других возрастах, около 6%). Таким образом, электоральное участие старших избирателей отчасти объясняется их идентификацией с партией власти, что, по-видимому, обусловлено проводимой

ею политикой, предполагающей известную, пусть и незначительную, социальную защиту уязвимых слоев.

Заключение

В России, как и в других странах Западной и Центрально-Восточной Европы, участие в парламентских выборах было социально стратифицированным. Особенно заметные отличия связаны с возрастом — в младших возрастах электоральная активность гораздо ниже, чем в старших.

В представленном исследовании, посвященном избранию Государственной Думы в 2016 г., предполагается, что с возрастными переходами сопряжены изменения политических аттитюдов, которые стимулируют участие в голосовании. Среди всех переменных, объясняющих, кто ходит на выборы и кто этого не делает, важнейшими выступают факторы интереса к политике и партийной идентификации — голосуют, как правило, те, кого интересуется политика и кто видит в партийном спектре близкую себе организацию. Названные факторы могут объяснять в определенной мере и возрастные дифференциации электорального участия.

Это соображение подтверждается регрессионным моделированием по опросным российским данным Европейского социального исследования (ESS, 2017 г.), в котором указанные политические аттитюды рассматривались в качестве медиаторов возрастных особенностей активизма на выборах. Наиболее отчетливыми оказались не прямые эффекты, фиксирующие детерминацию «возраст — партийная идентификация — участие в голосовании», но важное значение имела и линия «возраст — интерес к политике — электоральное участие», а также — менее выразительно — последовательные воздействия через интерес к политике, который способствует близости к определенной партии.

В исследованиях электорального процесса в России отмечается, что существенную роль в нем играют политические машины, патрон-клиентские отношения — участие в выборах и поддержка избирателями кандидатов от власти обмениваются на приватные блага. Эти машины осуществляют мобилизацию избирателей, находящихся в зависимом от властей положении, — тех, кто получает от государства социальные блага и услуги, работников государственных секторов, включая врачей и учителей, а также сельского населения и жителей этнических регионов, используя для этого как материальные поощрения, так и угрозы наказания (см. обзор в Сафронов 2022).

Большая активность на выборах избирателей старших возрастов также может объясняться подобной машинной мобилизацией. Однако наши результаты показывают, что такая трактовка не отражает всей полноты картины. Электоральное участие постепенно нарастает с возрастом и остается достаточно высоким среди самых пожилых избирателей вследствие формирования — при продвижении по этапам жизненного цикла — все большего интереса к политике и представлений о том, какая из партий способна выразить их интересы. Таким образом, возрастные неравенства электорального участия в определенной мере, вероятно, обусловлены машинной политикой принуждения к голосованию, но формируются также вследствие изменения с возрастом представлений о важности политики и возможностях оказывать на нее влияние через партийную структуру.

Источники

Сафронов В. В. Неравенства электорального участия в России: Обзор исследований в соотнесении с западными теоретическими моделями // *Власть и элиты*. — 2022. — Т. 9, № 2. — С. 56–95. — DOI: 10.31119/re.2022.9.2.3.

Сафронов В. В. Участие в выборах Государственной Думы: социальные неравенства, мотивации и мобилизация // *Власть и элиты*. — 2023. — Т. 10, № 1. (В печати.)

Campbell A., Converse P. E., Miller W. E., Stokes D. E. *The American Voter*. — Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980 [1960]. — 576 p.

Colton T. J. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. — 336 p.

Birch S. *Elections and Voters // Developments in Central and East European Politics 5 / Ed. by S. White, P. G. Lewis, J. Batt*. — Durham: Duke University Press, 2013. — P. 156–170.

Blais A. *To Vote or not to Vote? The Merits and Limits of Rational Choice*. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000. — 208 p.

Blais A. *Turnout in Elections // The Oxford Handbook of Political Behavior / Ed. by R. J. Dalton, H. D. Klingemann*. — New York: Oxford University Press, 2007. — P. 621–635. — DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033.

Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. — Vancouver: UBC Press, 2020. — 156 p.

Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. *Political Equality and Turnout // The Oxford Handbook of Political Representation in Liberal Democracies / Ed. by R. Rohrschneider, J. Thomassen*. — New York: Oxford University Press, 2020. — P. 396–412.

Cuevas-Molina I. Voter Turnout Overreports: Measurement, Modeling and Deception // ScholarWorks@UMass Amherst. Doctoral Dissertations. — 2017. — 958. — DOI: 10.7275/10009395.0.

Dalton R. J. The Participation Gap: Social Status and Political Inequality. — New York: Oxford University Press, 2017. — 280 p. — DOI: 10.1093/oso/9780198733607.001.0001.

Dalton R. J. Party Identification and Its Implications // Oxford Research Encyclopedia of Politics / Ed. by W. R. Thompson. — 2021. — DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.72.

Hadjar A., Beck M. Who Does Not Participate in Elections in Europe and Why Is This? A Multilevel Analysis of Social Mechanisms Behind Non-Voting // European Societies. — 2010. — Vol. 12, no. 4. — P. 521–542. — DOI: 10.1080/14616696.2010.483007.

Hayes A. F. Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach. — 3rd ed. — New York; London: The Guilford Press, 2022. — 732 p.

Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement // Europe-Asia Studies. — 2014. — Vol. 66, no. 6. — P. 945–968. — DOI: 10.1080/09668136.2014.905386.

Leighley J. E., Nagler J. Who Votes Now? Demographics, Issues, Inequality, and Turnout in the United States. — Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2013. — 232 p.

McAllister I. Partisanship and Political Participation // Research Handbook on Political Partisanship / Ed. by H. Oscarsson, S. Holmberg. — Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2020. — P. 266–280. — DOI: 10.4337/9781788111997.

McAllister I., White S. Demobilizing Voters: Election Turnout in the 2016 Russian Election // Russian Politics. — 2017. — Vol. 2, no. 4 (Special Issue: Analyzing the 2016 State Duma Election). — P. 411–433. — DOI: 10.1163/2451-8921-00204002.

Plutzer E. Demographics and the Social Bases of Voter Turnout // The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion / Ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M. N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. — London; New York: Routledge, 2018. — P. 69–82.

Rosenstone S. J., Hansen J. M. Mobilization, Participation, and Democracy in America. — New York: Macmillan, 1993. — 333 p.

Schlozman K. L., Brady H. E., Verba S. Unequal and Unrepresented: Political Inequality and the People's Voice in the New Gilded Age. — Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2018. — 352 p.

Serra L., Smets K. Age, Generation, and Political Participation // The Oxford Handbook of Political Participation / Ed. by M. Giugni, M. Grasso. — Oxford: Oxford University Press, 2022. — P. 545–561.

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout // Electoral Studies. — 2013. — Vol. 32, no. 2. — P. 344–359. — DOI: 10.1016/j.electstud.2012.12.006.

- Verba S., Schlozman K. L., Brady H. E. *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Democracy*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. — 664 p.
- Wolfinger R., Rosenstone S. *Who Votes?* — New Haven: Yale University Press, 1980. — 160 p.

References

- Birch S. Elections and Voters. In White S., Lewis P. G., Batt J. (eds.). *Developments in Central and East European Politics 5*. Durham, Duke University Press, 2013, pp. 156–170.
- Blais A. *To Vote or not to Vote? The Merits and Limits of Rational Choice*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2000, 208 p.
- Blais A. Turnout in Elections. In Dalton R. J., Klingemann H. D. (eds.). *The Oxford Handbook of Political Behavior*: New York, Oxford University Press, 2007, pp. 621–635. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033.
- Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. Vancouver, UBC Press, 2020, 156 p.
- Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. Political Equality and Turnout. In Rohrschneider R., Thomassen J. (eds.). *The Oxford Handbook of Political Representation in Liberal Democracies*. New York, Oxford University Press, 2020, pp. 396–412.
- Campbell A., Converse P. E., Miller W. E., Stokes D. E. *The American Voter*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1980 [1960], 576 p.
- Colton T. J. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2000, 336 p.
- Cuevas-Molina I. Voter Turnout Overreports: Measurement, Modeling and Deception. *ScholarWorks@UMass Amherst. Doctoral Dissertations*, 2017, 958. DOI: 10.7275/10009395.0.
- Dalton R. J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York, Oxford University Press, 2017, 280 p. DOI: 10.1093/oso/9780198733607.001.0001.
- Dalton R. J. Party Identification and Its Implications. In Thompson W. R. (ed.). *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, 2021. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.72.
- Hadjar A., Beck M. Who Does Not Participate in Elections in Europe and Why Is This? A Multilevel Analysis of Social Mechanisms Behind Non-Voting. *European Societies*, 2010, vol. 12, no. 4, pp. 521–542. DOI: 10.1080/14616696.2010.483007.
- Hayes A. F. *Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach*. 3rd ed. New York, London, The Guilford Press, 2022, 732 p.
- Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement. *Europe-Asia Studies*, 2014, vol. 66, no. 6, pp. 945–968. DOI: 10.1080/09668136.2014.905386.
- Leighley J. E., Nagler J. *Who Votes Now? Demographics, Issues, Inequality, and Turnout in the United States*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2013, 232 p.
- McAllister I. Partisanship and Political Participation. In Oscarsson H., Holmberg S. (eds.). *Research Handbook on Political Partisanship*. Cheltenham, Northampton, Edward Elgar Publishing, 2020, pp. 266–280. DOI 10.4337/9781788111997.
- McAllister I., White S. Demobilizing Voters: Election Turnout in the 2016 Russian Election. *Russian Politics*, 2017, vol. 2, no. 4 (special issue: Analyzing the 2016 State Duma Election), pp. 411–433. DOI: 10.1163/2451-8921-00204002.
- Plutzer E. Demographics and the Social Bases of Voter Turnout. In Fisher J., Fieldhouse E., Franklin M. N., Gibson R., Cantijoch M., Wlezien C. (eds.). *The Routledge Handbook of*

Elections, Voting Behavior and Public Opinion. London, New York, Routledge, 2018, pp. 69–82.

Rosenstone S. J., Hansen J. M. *Mobilization, Participation, and Democracy in America*. New York, Macmillan, 1993, 333 p.

Safronov V. V. Inequalities of electoral participation in Russia (a review of research in relation to Western theoretical models). *Power and Elites*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 56–95. (In Russ.) DOI: 10.31119/pe.2022.9.2.3.

Safronov V. V. Participation in the elections of the State Duma: social inequalities, motivation and mobilization. *Power and elites*, 2023, vol. 10, no. 1. (Forthcoming.) (In Russ.).

Schlozman K. L., Brady H. E., Verba S. *Unequal and Unrepresented: Political Inequality and the People's Voice in the New Gilded Age*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2018, 352 p.

Serra L., Smets K. Age, Generation, and Political Participation. In Giugni M., Grasso M. (eds.). *The Oxford Handbook of Political Participation*. Oxford, Oxford University Press, 2022, pp. 545–561.

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout. *Electoral Studies*, 2013, vol. 32, no. 2, pp. 344–359. DOI: 10.1016/j.electstud.2012.12.006.

Verba S., Schlozman K. L., Brady H. E. *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Democracy*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1995, 664 p.

Wolfinger R., Rosenstone S. *Who Votes?* New Haven, Yale University Press, 1980, 160 p.

Сафронов Вячеслав Владимирович, старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН,
Санкт-Петербург, Россия.
vsafonov@list.ru

Safronov, Viacheslav V., Senior Researcher, Sociological Institute,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.
vsafonov@list.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРЕНИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-22.vvzy-k390

EDN: QPKQYU

УДК 316.346.3

П. В. МЕНЬШИКОВ, М. Р. АРПЕНТЬЕВА

МИФОЛОГЕМА «ОТЛОЖЕННОГО СТАРЕНИЯ» В ПРАКТИКЕ И ТЕОРИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ

Отказ от взросления и отсутствие маркеров взросления описываются как более или менее нормативные «задержки» психического и иного развития, а отказ от старения и отсутствие соответствующих маркеров — как некий, также временный, отчасти желаемый, но все же «рискованный» феномен. Исследуя этот вопрос, мы сталкиваемся с другим вопросом: какого рода риски имеются в виду, что и для кого представляется и является (если является) рискованным? Цель исследования — осмысление мифологемы «отложенного старения» в практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости. Метод исследования — теоретический анализ проблематики «отложенного старения» в практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости. Мифологема «отложенного старения» в практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости играет и положительную, и отрицательную роль, как и известный феномен «витаукта», позволяющий, с одной стороны, объяснить не укладывающиеся в нормативную схему старения феномены и, с другой стороны, отражающий общее нежелание специалистов пересматривать само понятие старения и старости, его механизмы и границы. Это проявляется как в биомедицинских, так и социально-психологических и возрастно-педагогических исследованиях. Вместе с тем игнорируется комплекс данных о том, что старение, как и взросление, социокультурно нормировано и, таким образом, «запрограммировано» на уровне социально-психологических сценариев, передающихся в ходе воспитания и обучения, а также последующей жизнедеятельности человека через все существующие каналы и сферы отношений людей. В статье определено, что мифологема «отложенного старения» в современной практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости является одним из симулякров, позволяющих описывать попытки стареющих людей оставаться людьми и решать задачи самоактуализации как самоосуществления, вопреки

окружающему их принуждению к умиранию после завершения в разной мере успешных попыток самореализации. Помощь человеку — на всех этапах его развития — это помощь в осознании, постановке и достижении задач самоактуализации.

Ключевые слова: мифологема, отложенное старение, развитие человека, период зрелости, витаукт.

PETR V. MENSNIKOV, MARIAM R. ARPENTIEVA

THE MYTHOLOGY OF “DELAYED AGING” IN THE PRACTICE AND THEORY OF ACCOMPANYING HUMAN DEVELOPMENT DURING ADULTHOOD

Refusal to grow up and the absence of markers of maturation are described as more or less normative “delays” of mental and other development, and refusal of aging and the absence of corresponding markers are described as a certain, also temporary, partly desirable, but still “risky” phenomenon. In exploring this question, we are faced with another question: what kind of risks are meant, what and for whom appears and is (if it is) risky? The purpose of the study is to understand the mythology of “delayed aging” in the practice and theory of accompanying human development during adulthood. The research method is a theoretical analysis of the problems of “delayed aging” in the practice and theory of accompanying human development during adulthood. The mythology of “delayed aging” also plays a positive role in the practice and theory of accompanying human development during adulthood, and a negative role, like the well-known phenomenon of “vitauct”, which allows, on the one hand, to explain phenomena that do not fit into the normative scheme of aging, and, on the other hand, reflects the general reluctance of specialists to reconsider the very concept of aging and old age, its mechanisms and boundaries. This is manifested both in biomedical and socio-psychological and age-pedagogical studies. At the same time, a complex of data is ignored that aging, like growing up, is socioculturally normalized and, thus, “programmed” at the level of socio-psychological scenarios transmitted during upbringing and training, as well as subsequent human life through all existing channels and spheres of human relations. The mythology of “delayed aging” in modern practice and theory of accompanying human development during adulthood is one of the simulacra that makes it possible to describe the attempts of aging people to remain human and solve the problems of self-actualization as self-realization, despite the compulsion surrounding them to die after completing, to varying degrees, successful attempts at self-realization.

Keywords: mythology, delayed aging, human development, period of adulthood, vitauct.

Введение

Социокультурный характер возрастного развития не является секретом для многих исследователей в области социологии, психологии, педагогики, биологии и иных наук, занимающихся изучением развития человека¹. Помимо генетических программ и основанных на них сценариях биологического и социального развития, существующих у животных, у человека отмечается существенное влияние на его взросление и развитие социокультурных сценариев и связанных с ними нормативов (Абрамова 2004; Альперович 2005; Анцыферова 2004а; Арпентьева 2018; Бороздина, Молчанова 2004; Ливенхуд 1994; Стрижицкая 2016а, 2016; Шахматов 2004; Эриксон 2010 и др.).

Так, если в XX в. к людям «третьего возраста» (young old) и «четвертого возраста» (old old) (П. Ласлетт, Б. Нейгартен, Э. Шанас и др.), периоду «второй зрелости» и т. п. исследователи относили тех, кто старше 50 лет, то в последние годы их относят к людям старше 60 и даже 65 ÷ 80+ лет (Ст. Барнс и др.) (Baltes 1998; Barnes 2011; Laslett 1985; Neugarten 1974). Более ранние типологии XIX в. «смещали» старость и к 30–40 годам, особенно для женщин. Старение связывалось с утерей способности рожать, вскармливать и «ставить на ноги» своих детей и, видимо, сохранять внешнюю привлекательность. Однако женщины Японии, Латинской Америки, в том числе индейских племен, согласно ряду источников, не теряют такой способности и молоджавости гораздо дольше или даже совсем. Так, период «менопаузы» (климакса), нередко страшный для женщин и даже мужчин других стран, в Японии именуется «konenki», обновление (Яркина 1993). Для индейских женщин менопауза — счастливое время жизни, свободное от ограничений и запретов юности, или даже наступление священного периода, когда женщина (и мужчина) может ощутить «возрожденную силу», углубиться в свой внутренний мир, а может, как, например, индейцы племени мохаве, продолжить активную сексуальную жизнь вплоть до смерти (Devereux 1950). В России прошлых веков и современности также

¹ М. Д. Александрова, Н. Х. Александрова, В. Г. Ананьев, П. Б. Балтес, Ст. Барнс, Р. Н. Батлер, Е. Бетина, Д. Б. Бромлей, З. А. Бутуева, Р. М. Вебер, Дж. Винсент, М. В. Гамезо, Н. В. Гудков, И. В. Давыдовский, М. В. Ермолаева, В. А. Иванов, Н. М. Иовчук, Т. В. Карсаевская, О. В. Краснова, Н. А. Коротчик, Т. А. Куликова, П. Ласлетт, А. Г. Лидерс, А. Г. Маслоу, И. И. Мечников, М. Р. Минигалиева, А. А. Нагорный, Б. Нейгартен, И. П. Павлов, Д. М. Рогозин, К. Роджерс, Е. Ф. Рыбалко, Т. Н. Сахарова, Е. А. Сергиенко, Г. Г. Силласте, Н. В. Секарева, Л. В. Сенкевич, О. Ю. Стрижицкая, Л. Торнстам, В. В. Фролькис, О. В. Хухлаева, И. В. Чеботарев, А. Б. Шагидаева, Э. Шанас, В. Д. Шапиро, А. Т. Шаталов, Н. Ф. Шахматов, Э. Эриксон.

описаны, хотя и как «рекорды», случаи рождения детей у женщин старше 60 лет. Случаи появления детей у мужчин еще более зрелого возраста существенно более часты. Малоизвестны, но есть и данные о том, что у древних славян возраст 60+ означал начало зрелости: до 60 человек считался совсем молодым, юным. Аналогичная динамика наблюдается у современных нам хунзакутов (племя хунза), которые живут в своем «оазисе молодости» между Индией и Пакистаном 120–180 лет, к 50–60 годам достигая зрелости. Эту традицию они унаследовали вместе с иными традициями своих предков. Правда, по некоторым сведениям, они используют календарь, год в котором равен промежутку времени между солнцестояниями (то есть равен половине «обычного» года). Но по другим, более широко известным, данным, речь идет об обычной длительности года и специфическом образе жизни, дающем людям этого племени высокую трудоспособность, осознанность и жизнерадостность (и, как один из сопутствующих эффектов, — «моложавость»). Представление о возрастном развитии людей у индейцев майя включало описание циклов длительностью 52 года: количество циклов жизни при этом не ограничивалось (Муродова 2019). Свои представления о нормальной длительности и предназначении жизни людей разных типов («каст») есть у жителей Тибета и Индии (Востоков 2000; Левин 2010), а также о том, как именно достичь счастливой, здоровой и долгой жизни или восстановить утерянное здоровье и функции, включая функции деторождения (Левин 2010).

Библейские и иные религиозные доктрины в вопросах оценки длительности жизни человека также кардинально расходятся с теми, что приняты как «само собой разумеющиеся» сейчас, при этом разделяются понятия «срока жизни» конкретного индивида и возможной длительности жизни как таковой (вплоть до бессмертия). Не существует и универсального представления о жизни человека как биологического существа, в том числе существа, «генетически запрограммированного»: несмотря на наличие «общеизвестных» теорий и «данных», которые на самом деле являются скорее гипотезами, чем фактами (Гюнтер и соавт. 1982; Моисеев, Александров, Тарко 1985; Шредингер 2002). В любом случае для исследователей и практиков проблема «отложенной старости» чаще всего звучит как проблема «отложенной смерти»: поиски путей бессмертия остаются в центре и научных, и даже повседневных поисков и разработок многих людей. Э. Шредингер полагал, что живой организм может освобождаться от энтропии: «Живой организм может избежать этого состояния (смерти), то есть оставаться живым ... постоянно извлекая из окружающей среды отрицательную энтропию...

Отрицательная энтропия — это то, чем организм питается» (Шредингер 2002: 75). При этом, как отмечал Э. Либберт, «живыми называются такие системы, которые способны самостоятельно поддерживать и увеличивать свою очень высокую степень упорядоченности в среде с меньшей степенью упорядоченности» (Гюнтер и соавт., 1982: 12). Принцип Л. Осангера гласит, что если число возможных форм реализации процесса не единично, то осуществляется та форма, при которой энтропия увеличивается медленнее всего (Моисеев, Александров, Тарко 1985). В синергетике используется понятие структурной энтропии как меры неупорядоченности систем, а упорядочивание и усложнение равносильно накоплению информации: развитие означает отрицательную энтропию, рост упорядоченности. В нетрадиционной медицине современности, обращающейся к принципу анэнтропичности (неразрушимости, отрицательной энтропии по Э. Шредингеру, неэнтропии по Л. Бриллюэну, принципа минимума роста энтропии Л. Онсагера) живого, существует модель, состоящая из 90-летних циклов развития человека, в которой каждые 45 лет происходит смена тенденций старения и омоложения (накопления / распада и развития / совершенствования). Эта теория подтверждается, в частности, тем, что у сохранивших свое здоровье людей 90-летнего возраста состояние внутренних органов напоминает состояние таковых у 20-летних, а также расхожим стереотипом «в 45 баба ягодка опять», фиксирующим наличие тенденций самоомоложения организма на рубеже 40–50 лет.

В целом исследователями совершенно справедливо отмечается, что «продленная юность», все чаще наблюдаемая исследователями и самими людьми, «влечет более позднюю зрелость и, соответственно, отложенное старение». Однако справедливость этого утверждения оставляет иллюзию того, что речь идет «всего лишь» о том, что старение, как и взросление, можно несколько «растянуть» и «отодвинуть», но, естественно, не избежать. Отказ от взросления и отсутствие маркеров взросления описываются как более или менее нормативные «задержки» психического и иного развития, а отказ от старения и отсутствие соответствующих маркеров — как некий, также временный, отчасти желаемый, но все же «рискованный» феномен. Исследуя этот вопрос, мы сталкиваемся с другим вопросом: какого рода риски имеются в виду, что и для кого представляется и является (если является) рискованным? И как с этими рисками связана, как метко отметил Б. З. Вульф (Вульф 1995), «драма не востребоваемости» стареющих людей: если не считать инвалидизацию и хронические болезни, социальную незащищенность и обнищание, бесприютность

и одиночество, потерю родителей, сверстников, привычного и осмысленного мира, то не востребованность, как нереализованный и нереализуемый потенциал, приводящий к формированию переживаний или опасений своей ненужности, — основная проблема старения человека в львиной доле современных «цивилизованных» сообществ, а также бессмысленности и непринятию своей жизни, ее событий и жизненного пути в целом, как в отношении прошлого и настоящего, так и вероятного будущего.

Происходящая в каждый период жизни перестройка нужд и стремлений и переоценка ценностей особенно активно проходит в период «второй взрослости», когда на первый план выходят жизненные позиции (направленность) человека как целостности, его «мегамотивации» жизни. При этом ограничивать «старение» принятием жизни в модусе «прошлого» означает сворачивать жизнь, формировать и реализовывать программу умирания, не попытавшись задаться вопросом об альтернативах. Именно в контексте альтернатив и возникают основные индивидуальные и социальные «риски» «отложенного старения». Сейчас, когда человек стареет, он понимает, что время, когда он был нужен и надеялся быть нужным всегда, истекает. Что его близкие (родители, сверстники) покидают этот мир и уносят с собой часть него самого: той его жизни, которая была известна ему и им и не известна, не нужна, чужда более молодым. Привычный мир также уходит, жизнь продолжает изменяться, требуя изменений, на которые человек порой уже не чувствует ни способности, ни стремления: легче умереть, чем измениться. Легче замкнуться в мире «принятия прошлого», чем продолжать жить, «ставя на карту» самого себя вновь и вновь. И, конечно, если задачи развития, совершенствования («упорядочивания») и обмена «информацией» не стояли или не были реализованы в предыдущие периоды жизни, трудно «бросить вызов» устоявшемуся положению дел и «наконец заняться собой». Цели, ресурсы и отношения: их богатство, нужность и реалистичность определяют длительность и качество жизни, ее сценарий, включая сценарий старения (Арпентьева 2019).

Результаты исследования

Цель исследования — осмысление мифологемы «отложенного старения» в практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости. Метод исследования — теоретический анализ проблематики «отложенного старения» в практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости.

Современная модель старения настаивает, в контексте вполне статистически закономерной логики, фиксирующей достоверно известную науке смертность 100% людей, на том, что целью науки и практики помощи стареющим людям является профилактика и коррекция его преждевременного, «старческого» увядания и смерти. Отечественные и зарубежные исследователи полагают, что человек сохраняет способность к активной и успешной жизнедеятельности до тех пор, пока он получает соответствующие нагрузки (Абрамова 2004; Адлер 1997; Александрова 2004; Альперович 2005; Анцыферова 2004б; Арефьева 2004; Арпентьева 2017; Бетина 2007; Бовуар де 1994; Бороздина, Молчанова 2004; Бохан и др. 2017; Братусь 1980; Дмитриев 2005; Карсаевская, Шаталов 2000; Крицкая 2004; Марцинковская 2004; Маслоу 1999; Медведева 2000; Мелёхин 2014; Милькаманович 2008; Минигалиева 2004а; Минигалиева 2004б и др.). При этом развитие связано с тем, что нагрузки качественно и количественно увеличиваются (Братусь 1980; Ливенхуд 1994; Минигалиева 2000в; Минигалиева 2000г; Стюарт-Гамильтон 2010; Фролькис 2005; Холостова 2005; Шапиро 2000; Шаповаленко 2004; Шахматов 2004 и др.). А стагнация / автоматизация и последующая деградация — с тем, что нагрузки и развитие удерживаются на определенном стабильном уровне. Из этого вытекает, в частности, то, что задачи развития человека «второй взрослости» де-факто не ставятся. Ставятся задачи увеличения сроков и качества жизни индивида, то есть характера старения. Однако даже проблема «биологического лимита» времени жизни до сих пор не является решенной, несмотря на то что «достоверно известные» науке случаи старости с 100% вероятностью завершаются, как отмечалось, смертью, и то, что случаи и свидетельства, не входящие в эти 100%, наука предпочитает относить не только к недостоверным, но и ложным. При этом ученые отмечают, что «наряду с инволюционными процессами, на всех уровнях организации человека происходят изменения и новообразования прогрессивного характера, которые позволяют предупреждать или преодолевать деструктивные (разрушительные) явления в пожилом и старческом возрасте» (Бетина 2007: 10), в том числе способность противостоять негативным стереотипам старости / старения, формируя вневозрастную идентичность («либерализация от старения») и разрешая освобождение от ограничений предыдущих возрастов («либерализация старения») (Дж. Винсент, Д. М. Рогозин) (Рогозин 2012). О. В. Краснова, А. Г. Лидерс (2002), развивая концепцию социальной активности старения, отмечают важность успешности, счастья в период старения, психологического и социального благополучия.

Мифологема «отложенного старения» в практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости играет и положительную, и отрицательную роль, как и известный феномен «витаукта», позволяющий, с одной стороны, объяснить не укладывающиеся в нормативную схему старения феномены и, с другой стороны, отражающий общие трудности пересмотра самих понятий старения и старости, механизмов и границ старения (Минигалиева 2001; Минигалиева 2003; Москвичева 2004; Попова 2019; Пряжников 2004; Рогозин 2012; Сапогова 2013; Стрижицкая 2016а, 2016; др.). Это проявляется как в биомедицинских, так и социально-психологических и возрастно-педагогических исследованиях. Вместе с тем нередко в той или иной мере игнорируется комплекс данных о том, что старение, как и взросление, социокультурно нормировано и, таким образом, «запрограммировано» на уровне социально-психологических сценариев, передающихся в ходе воспитания и обучения, а также последующей жизнедеятельности человека через все существующие каналы и сферы отношений людей, что оно зависит и от собственного выбора человека. Поэтому, в частности, многие геронтологи также рассматривают старение «функционально»: его «градации» происходят не столько по годам, сколько по функциональным возможностям: если человек «за 60» лет живет так же, как и в 30, то фактически он относится к последней группе (Анцыферова 2004б; Ливенхуд 1994; Минигалиева 2001; Минигалиева 2003; Пряжников 2004; Сапогова 2013; Стрижицкая 2016а, 2016; Эриксон 2000). Также не решен вопрос о различии «нормального» и «патологического» старения, их механизмах и специфике, обычно отсутствие патологических изменений воспринимается как достижение (Aldwin, Gilmer 2003), что противоречит пониманию «нормального» развития и даже функционирования в предыдущие периоды. Интересно также обратить внимание на момент, выделенный Б. Г. Ананьевым: подъему и качественному преобразованию функции всегда предшествует ее спад и структурный распад. Термин «благополучное старение», предложенный Е. А. Сергиенко, сходен с понятием «позитивное» или «успешное старение» (Martinson, Berridge 2015) и, шире, «позитивное функционирование»; наиболее актуальной на сегодняшний день моделью последнего описываются пять сфер позитивного функционирования: 1) внимание и осознанность, 2) совладание, 3) цели, 4) привычки, 5) связи и взаимоотношения. Л. В. Сенкевич и А. Б. Шагидаева подчеркивают, что в пожилом возрасте смысл жизни, основанный на системе ценностей и нравственных принципов, становится медиатором психологического благополучия и жизненного оптимизма (Сенкевич, Шагидаева 2017).

Рефлексия прожитой жизни, пересмотр жизненного пути в «возрасте осени» с неизбежностью приводит человека к вопросу смысла (Мелёхин 2014; Сапогова 2013; Сергиенко, Харламенкова 2018). Как пишет Д. А. Леонтьев: «...от жизнедеятельности к житнетворчеству, от смысловой регуляции к регулированию смыслов, от психологии „изменяющейся личности в изменяющемся мире“ — к психологии личности, творящей и изменяющей себя и свой жизненный мир» (Леонтьев 2007: 393). Согласно Т. Н. Сахаровой, «именно за старостью как возрастным этапом развития закреплено право и необходимость выбора смысла и цели жизни, а следовательно, возможности прогрессивного или регрессивного изменения личности» (Сахарова 2011: 138). Как считает Е. А. Сергиенко, парадокс старения заключается в том, что при ухудшении физического здоровья удовлетворенность жизнью и психическое благополучие могут сохраняться или даже улучшаться. Психическое и психологическое здоровье пожилых людей во многом зависит от открытости опыту, умонастроений и жизненных установок, позитивного отношения к собственному возрасту. В пожилом возрасте возрастает потребность в интеграции и оценке значимости собственной жизни. Субъективная оценка пожилыми людьми значимости жизни придает ей психологический смысл, установки на принятие самой жизни, выступая при этом личностным ресурсом (Сергиенко, Харламенкова 2018).

Е. Бетина отмечает, что при старении самоосуществление «может быть заблокировано развитием таких форм возрастного кризиса, как кризис опустошенности, кризис нереализованности и кризис бесперспективности. Развитие кризисных состояний, блокирующих самореализацию личности в пожилом возрасте, вызывается разрывом связи между жизненными событиями прошлого, настоящего и будущего, утратой жизненной перспективы. Условиями, влияющими на развитие кризисных состояний у пожилого человека, являются социальные условия жизни и его ... характеристики» (Бетина, 2007: 5). По ее мнению, «возникновение каждой формы возрастного кризиса обуславливается своим специфическим набором условий» (Бетина, 2007: 20). На возникновение кризиса нереализованности влияют: низкая образованность и творчески-познавательная активность, отсутствие ценностей самоактуализации и значимых событий в течение жизни («жизнь впустую»). Возникновение кризиса опустошенности связывается с отсутствием / потерей семьи; негативным отношением к процессам старения / развития / переменам, а также к старости и стареющим людям как таковым, с отказом или отсутствием ответственности за события своей жизни. Кризис бесперспективности соотносится с негативным

отношением к собственному здоровью и развитию человека в период «второй взрослости», с ощущением / страхом ненужности; отсутствием планов и целей, а также любимых занятий / хобби и контактов (друзей и любящих родных); отсутствием усилий самоактуализации и перекладыванием ответственности за свою активность и состояние на других.

Интересное понятие, отражающее попытку осмыслить развитие человека после 50 лет, — понятие геротрансцендентности, тесно связанное с психологическим благополучием и социальной активностью пожилого или старого человека. Интегральной предпосылкой геротрансцендентности (Л. Торнстам, О. Ю. Стрижицкая) как специфической системы психологических характеристик, позволяющих максимально полно и эффективно реализовать свой потенциал, является новое, «геротрансцендентное» понимание себя и мира как особое новообразование периода старения, приводящее к оптимальному старению, при котором происходит ряд психологических трансформаций — на личностном (и телесно-физическом), социальном и космическом уровнях, включая принятие таинства жизни как одной из ее составляющих. Условием такого новообразования выступает жизненный опыт, определяющий «почерк старения», вариативность психологических характеристик людей в период старения, а также позитивное / успешное функционирование на более ранних этапах онтогенеза, включая направленность на саморазвитие (как самореализацию и как самоактуализацию), принятие собственной жизни, ее успехов неудач (Стрижицкая 2018).

Помимо самого человека, на его жизнь, качество и продолжительность жизни активно влияют как «стейкхолдеры» члены его семьи, ближнее и дальнее социальное окружение, государство и бизнес-структуры, в том числе наднациональные. Заинтересованность данных «стейкхолдеров» может носить как однозначный, так и противоречивый характер, предполагающий различные сочетания витальных и антивитальных интересов, разную меру стремления удовлетворения собственных желаний («наживы») и нужд за счет жизни или смерти человека. Многочисленные современные сообщества и государственные монолиты мира, не говоря уже о надгосударственных структурах типа ООН, ВОЗ, интенсивно интегрировавшихся с крупнейшими корпорациями «большого бизнеса», интенсивно и широко декларирующие и рекламирующие «заботу о человечестве и планете», в целом заинтересованы в том, чтобы иметь легкообучаемый и легковоспитываемый, легкоуправляемый и, в итоге, легкоутилизируемый «трудовой капитал». Особые надежды здесь возлагаются на управление (манипуляции) средой проживания людей, а также введение законодательных и технологических

механизмов управления большими и малыми группами, в том числе на основе модели «цифрового концлагеря», усовершенствованной благодаря внедрению цифровых технологий модели всемирной тюрьмы-паноптикума (И. Бентам). Помимо цифровых средств управления / манипуляции жизнью человека («умных устройств», собирающих малые и «большие данные», нейроинтерфейсов, прямо направляющих («поддерживающих») активность человека), такая модель предполагает активное вовлечение («добровольчество») в процесс слежки («надзора») и наказания («стигматизации») и т. д.) окружающих человека людей («доносчиков» и иных «шпионов»), а также блокировку способности и готовности к (само)развитию самого человека. Примером может служить разрабатываемая на основе системы «социального кредита» Китая (внедрена в 2014 г., законодательно оформлена в 2021 г.) «система социального скоринга» (платформа социального рейтинга «Мы»). Она создается «на специально созданной квалитетической платформе с использованием вероятностных и статистических моделей оценивания. Одним из результатов исследования станет создание такой системы, которая может использоваться органами власти всех уровней, общественными организациями для реализации оперативной и объективной социальной поддержки населения» (Уроженко 2023: 1). При этом «социальный статус — отражение своего рода заслуг человека, а социальный уровень — оцифровка как бы его перспектив», «ожидания государства от резервов развития человека и проявление готовности поддержать реализацию его персональных перспектив на благо страны и для развития солидарного общества». «Социальный статус скоринг-кода — метрика накопленных качеств и особенностей человека, отражение его совокупного опыта, образования, возраста, заболеваний, заслуг, социальных особенностей, наград, потребностей, подтвержденных прав и прочих нюансов, в совокупности характеризующих его значимость в социальном плане и градус социального внимания, проявление которого ожидается в отношении данного человека в моменте, но в связи с его прошлым», а «социальный уровень скоринг-кода — количественная характеристика достигнутых промежуточных результатов, специальности и профессии, должности, того же образования и возраста, амбиций и устремлений, достижений, мотивов и прочих особенностей, в совокупности характеризующих его потенциал в социальном плане и угол социальной перспективы, под которым ожидается проявление внимания к данному человеку в текущем моменте, но в связи с его будущим» (Алиев, Бородулина 2022: 1). «Далее... в аналитическую работу должно будет ввести те Федеральные законы, официальные

подзаконные акты, документы законо- и нормотворчества регионального и местного уровней, которые прямо касаются социальной сферы. Маркер полноты здесь, по крайней мере для граждан, понятен — это те самые 387 видов мер социальной поддержки для граждан» (Алиев, Бородулина 2022: 1). Мотивы внедрения такого рейтинга декларируются следующие: «справедливость, социальная в особенности, и должна быть фундаментальной ценностью и основанием всей нашей социальной системы» (Алиев, Бородулина 2022: 1). Если обратиться к тому, как такая система работает в Китае, а также налаживается в Казахстане (куда она была продана и откуда «адаптируется авторами» в России), социальный рейтинг (рейтинг социального доверия) — система оценки граждан и организаций, который определяет степень «благонадежности», распределяет не только «поощрения», но и ограничивая права и возможности «неблагонадежным» гражданам. Таким образом, «справедливость» надзорно-капиталистического типа предполагает возможность и необходимость активно манипулировать правами и возможностями людей, а также членов их семьи. И, поскольку «стареющий» человек в рамках такой системы будет иметь только заслуги, но не перспективы, постольку данная система демонстрирует, как можно и как планируется ограничивать права людей после 50 лет. На фоне уже традиционных в последние 30 лет предпочтений работодателей России, предполагающих брать на работу не обремененных проблемами людей в возрасте «до 35 лет», и прогрессирующего увеличения «пенсионного возраста» возникает далеко не справедливая система, целью которой, в противовес декларациям, никак нельзя назвать поддержку людей.

Об этом говорят и многочисленные свидетельства эйджизма в отношении пожилых и старых людей. Так, в некоторых, в том числе отечественных, учебных пособиях, научно-популярных и даже научных статьях и иных текстах, начиная с конца XX в., и особенно в начале века нынешнего, посвященных «второй взрослости», геронтологии как таковой, помощи стареющим людям, нередко напрямую транслируется эйджистская, стигматизирующая идея о том, что люди периода второй взрослости, пенсионеры и тем более старики являются неким «мусором», «отбросами на пути эволюции», жизнь которых якобы связана с ненужными обременениями для их близких (активно вытесняющих их как с трудового, так и семейного поля активности и даже хобби) и государства (якобы вынужденного содержать их, выплачивая пенсионные и иные сопутствующие пособия, дотации, обеспечивая работу институтов социальной поддержки и т. д.). В благодарность и понимание этого положения дел пожилым людям и старикам авторы таких

«исследований»), не сомневаясь в своей позиции, ее «объективных» и «субъективных», в том числе нравственных основаниях, не обращая свой взгляд на себя как будущих пенсионеров, пожилых людей или стариков, утверждают необходимость ускоренно и незаметно исчезать со сцены трудовой и семейной жизни (умирать). Доктрина «мальтузианских ножниц» и ее разработки в виде модели «золотого миллиона — мусорного миллиарда» совершенно четко проявляет себя в этих установках и поддерживает именно такое, деструктивное, отношение к человеческой жизни, как и рейтинги, разрабатываемые якобы в «поддержку» пожилых и иных нуждающихся. Неудивительно, что помимо ускорения изнашивания организма и повышенной смертности растет заболеваемость сердечно-сосудистыми (болезнь, психосоматический смысл которой манифестирует осознание своей ненужности и невозможности достичь целей), онкологическими (болезнь непризнанности / неподтвержденности значимости и самого факта бытия человеком, отсутствия поддержки и расчеловечивания) и психическим нарушениями. Так, известное нарушение, обозначаемое как деменция, или «болезнь А. Альцгеймера» (сейчас наблюдаемое уже у никому не нужных, предоставленных самим себе и компьютерам современным подросткам), становится одной из наиболее характерных черт поколений «второй взрослости». Помимо здорового образа жизни, медикаментозной поддержки, психосоциальных мер и т. п., даже психологи, занимающиеся проблемами психосоматики, практически не ставят и не обсуждают вопрос о психологических причинах и механизмах деменции, о ее «целях». От болезни А. Альцгеймера, по мнению исследователей, невозможно излечиться и ее трудно предотвратить: доступные методы (психо-, фарм- и социо-) терапии могут лишь несколько повлиять на симптомы, но все же остаются в своей основе паллиативными. Но вместе с тем причины и цели данного нарушения вполне очевидны, стоит лишь осуществить наблюдение за теми, кто уже столкнулся с первыми признаками деменции: помимо того, что на протяжении всей жизни сообщества многих «развивающихся» и иных «промежуточных» стран (второго, третьего и т. д. мира), включая Россию, транслируют своим членам отсутствие интереса к их жизни, их ненужность, незначимость и не востребованность, заинтересованность в скорейшем «сокращении» якобы «излишнего» числа своих членов, помимо того, что в странах «первого мира» масштабно реализуются те же самые программы сокращения населения, социальной стратификации и кастомизации населения с помощью разного рода «социальных рейтингов», закрепления прав наследования не только финансового (социально-экономического), но

и социально-политического статуса, пожилым и старым людям, особенно если это люди, принадлежащие к группам с самыми низкими социально-экономическими и социально-политическими статусами, прямо транслируется необходимость «сойти с дистанции», «уступить место молодым», факт того, что они «мешают» своим взрослым детям и внукам, того, что они «больше не нужны» своей семье и являются обузой, чьи «причуды» нужно терпеть, кто, в условиях чудовищной скученности урбанизированных сообществ, занимает жилплощадь, на которую давно претендуют его потомки, кто не хочет «передавать наследство», на которое порой завистливо поглядывают и потомки, и государство, и иные, «третьи», лица, включая посторонних и т. д. Активность значительной части мошеннических группировок современности обращена именно на стареющих людей: не только потому, что их способности и возможности защитить себя снижены, но и потому, что это в целом отвечает общей государственной и социальной политике и отношению к пожилым и старым людям как «неизлечимо больным», «мешающим», «отбросам». Современная медицина, достигшая, как кажется, многочисленных успехов, все больше ограничивается помощью людям с высоким социально-экономическим статусом и, на время наиболее активной эксплуатации и выращивания «трудового капитала», поддержкой его работоспособности и фертильности. За пределами этих задач современная медицина практически теряет интерес к пожилым и старым людям, вплоть до полного отказа оказывать помощь. Стремление ограничить затрачиваемые ресурсы и увеличить прибыль в современной медицине также связано со стратегиями эскалации в области производства максимально дорогостоящих и якобы «новых» продуктов (лекарств, аппаратов, иных средств и оборудования), театрализация «доказательности» и «заботы» о здоровье населения.

Эти театрализации в современной социологии хорошо показаны Ж. Бодрийяром (2006), описавшим заботу как проявление наживы. Для умирающего капиталистического социума, пытающегося выжить, перейдя к феодально-рабовладельческим отношениям, нажива — единственный критерий успеха и цель активности, которая совершенно противоположна целям развития человека уже в детском возрасте и критически психологически и социально деструктивна в период взрослой жизни. Несмотря на масштабную рекламу «социальной обеспеченности», позволяющей реализовать инстинктивные по своей сути программы превосходства, благополучия / комфорта и размножения, несмотря на утверждения о том, что человек развивается при

условии удовлетворения его «базовых» нужд (тех же инстинктов), в реальности каждый человек сталкивается с тем, что уже на старте своего развития имеет разные наборы ресурсов и, соответственно, доступных путей развития (и как социального осуществления — самореализации как достижения возможно более высокого социального статуса, и как самоосуществления своей внутренней сути, талантов и предназначения — самоактуализации). Он также сталкивается с тем, что ему предписывается достигать социальных успехов, не обращая внимания на то, что нужно ему самому. На этом фоне даже образование как приобретение неких компетенций начинает выглядеть помехой: при наличии интернета и открывающихся перспективах чипирования для «прямой передачи данных из компьютера в мозг» взаимодействие с педагогами и иные усилия и нагрузки кажутся излишними. В более взрослом возрасте, «задыхаясь» в атмосфере окружающей его и совершенно не отвечающей его внутренним нуждам «заботы» и предписаний аналогичной «заботы» о других, человек реализует более или менее успешный и более или менее фиктивный сценарий самореализации. Реже — обращается к задачам самоактуализации. В последнем случае он так или иначе сталкивается с рядом конфликтов (в семье, на работе и т. д.), с более или менее открытым противоборством с обществом и государством, побуждающим его оставить поиски самого себя ради более спокойного, упорядоченного и гарантированного существования. Современное мировое сообщество сталкивается с попытками финансово-промышленных корпораций выстроить неорабовладельческую модель «цифрового концлагеря»: «надзорный капитализм» предлагает людям доверить свое прошлое, настоящее и (вероятно, для кого-то и его детей не существующее) будущее некому общемировому государству, при помощи цифровых технологий «справедливо» выделяющему и распределяющему «пайки», внедряющему санкции против несогласных, ненужных или иных «вредящих» «всеобщему благу». Само «всеобщее благо», забота о нем есть, по умолчанию, забота о наживе тех, кто этим государством руководит. Тех, кто пытается противостоять, и тех, кто противостоять не пытается, государства разных стран стимулируют принять данную модель системой мер, включая повышение пенсионного возраста: принципиальное значение в этом повышении играет не столько сама по себе «отсрочка» выплат, сколько, при декларируемой востребованности стареющих людей как «трудового капитала» и рекламируемой «отсроченности» старения, принуждение человека отдавать все большее количество сил и времени необходимости такой борьбы.

И если состояние «выученной беспомощности» не сформировалось ранее, в процессе пребывания в школе и вузе, в ходе попыток построения трудовой карьеры и иных попыток достижения сколь-либо высокого и дающего чувство социальной признанности значимости и нужности статуса, то оно успешно формируется в момент, когда человек отдал этой борьбе основную часть жизненных сил и времени. Даже в 50–60 лет он все еще не может свободно выбирать, чем ему заниматься и как. У него нет на это ни временных, ни иных ресурсов, а, согласно социальным рамкам, за порогом 50–60 лет количество времени и сил «полноценной» жизни начинает стремительно уменьшаться: «очередь за смертью» становится все меньше. На фоне активной эскалации «борьбы», конфликта поколений, известных процессов вытеснения «стареющий» человек попадает в ситуацию, когда все, что ему остается, — это именно стареть. Борьба с этим решением нередко реализуется и в форме деменции («старческого маразма»), в форме рентно-паразитарной активности (человек перестает не только трудиться, но становится объектом порой тяжелого труда других).

Некоторые люди в период «поздней зрелости» все же находят для себя «отдушину», ищут, активизируют и наращивают то, что называют ресурсами для отложенного старения (трудовая и образовательная «занятость», иная социальная активность, например волонтерство, туризм и иные хобби и др.), в том числе включаются в так называемую «серебряную экономику». Стареющие общества, как и общества, понимающие, что на стареющих людях, как и на инвалидах, «можно заработать», активно вовлекают пожилых и старых людей в процессы разработки и потребления продуктов. Помимо собственно медицинской индустрии, традиционно и практически монопольно претендующей на основную часть доходов стареющих людей, сюда подключаются и иные сферы. В число стейкхолдеров их товаров и услуг часто входят высококвалифицированные пожилые и старые люди, пытающиеся сохранять свою занятость в науке и искусстве, в образовании и т. д. Они обращаются к практикам социального участия и здоровья, традиционно рассматриваемым как сферы самоосуществления стареющих. Однако такие практики и такое потребление само по себе не столько помогает им решить задачи самоактуализации, сколько, обычно, мешает. Любая деятельность, осуществляемая из страха / принуждения, состояний неполноты / неполноценности, ненужности / изолированности, хотя и может «случайно» подвести человека к задачам самоактуализации, но не сделает их свободными и независимыми, не позволит достичь

состояния транспарентности или равенства самому себе. И даже если в сообществах будет во многом внешне преодолен распространенный ныне эйджизм, будет проводиться линия солидаризации поколений. Общие, культуроцидные и геноцидные тенденции «надзорного капитализма» отражают демонстративный характер данных процессов как театрализации «заботы». Аналогичным образом, и солидарность возрастно однородных групп, как и гармония межпоколенных отношений, на фоне геноцидных программ мондиализма и «трансгуманизма» является всего лишь имитацией, симулякром, позволяющим надзирать за теми немногими «актерами отложенного старения» и противостояния тотальному, системному насилию государственного монолита, которые надеются что-то изменить.

В настоящее время, так же как и, согласно проектам трансгуманизма, в будущем, стареющие люди не представляют и не будут представлять социальной и государственной ценности. Логика 5-го и 6-го технологических укладов, призывающая поставить в центр экономико-политического развития человека, не может быть освоена актерами, создававшими свои проекты в логике 1–4-го укладов: рабовладельческая система отношений является основным препятствием, даже и тем более в форме цифрового концлагеря, формирующего состояние выученной беспомощности как «усталости», и неминуемо приведет к мощным социальным взрывам по всей планете (Бодрийяр 2006: 232–234). «Социальное неравенство добавляется к внутреннему разрыву между потребностями и стремлениями, делая это общество все более несогласованным, дезинтегрированным, „больным“. Усталость (или „астения“) может тогда интерпретироваться как ответ в форме пассивного отказа со стороны современного человека на описанные условия существования... „пассивный отказ“ является фактически скрытым насилием и ...только одним из возможных ответов, другие формы которых представляют собой открытое насилие» (Бодрийяр 2006: 231). «Усталость — это активность, скрытое, хроническое восстание, само по себе бессознательное... ее функция: „slowing down“ ... является (как невроз) единственным выходом, чтобы избежать тотального и настоящего „break down“... именно потому, что оно является активностью (скрытой), оно может внезапно превратиться в открытое восстание» (Бодрийяр 2006: 232).

Попытки минимизировать эти «взрывы» мы наблюдаем уже сейчас в форме различных «войн»: от серьезнейших деформаций среды проживания и развития человека (включая его питание и дыхание,

насыщенное антивитальными, каннибалистическими и т. п. компонентами и деформаций экологии в целом, позволяющими резко сократить продолжительность и снизить качество жизни человека так, чтобы ему хотелось умереть, и умереть побыстрее), от «экономических» и «политических» сражений, наблюдаемых в региональной и мировой экономике и политике (которые приводят к прогрессирующему обнищанию и маргинализации населения, развалу культуры и расчеловечиванию / вырождению индивидов, групп и отношений между ними), от региональных и мировых «сражений» с некими «новыми вирусами» (уже неоднократно запущенных надгосударственными структурами систем социального подавления по поводу якобы существующих «эпидемий» и «пандемий») до локальных и масштабных военно-террористических актов и акций на уровне целых регионов и стран.

Ж. Бодрийяр, аналогично многим иным рассматривающим проблему счастливой старости и долгожительства исследователям, дает интересное описание расчеловечивания, десубъективизации общества потребления, в том числе в фазе надзорного капитализма: «Настоящая пассивность заключается в беззаботном соответствии с системой „динамических“ кадров с живыми глазами и широкими плечами, совершенно адаптированных к современной активности» (Бодрийяр 2006: 232). Старая, такой человек, несомненно, выполнит предлагаемый ему сценарий более или менее раннего, в том числе «отложенного» умирания, но никогда не поставит и не будет решать задачи самоактуализации, даже задачи самопринятия (принятия своего опыта) для него оказываются слишком сложными, поэтому «отложенное старение» становится суммой страхов и попыткой защититься от них, прибегая к медицинским, косметологическим и иным средствам, истощающим оставшиеся у человека ресурсы. Многие пожилые и старые люди в нашей стране поэтому, распределяя имеющиеся у них ресурсы, даже не пытаются ставить задачи саморазвития.

Заключение

Мифологема «отложенного старения» в современной практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости является одним из симулякров, позволяющих описывать попытки стареющих людей оставаться людьми и решать задачи самоактуализации как самоосуществления, вопреки окружающему их принуждению к умиранию после завершения в разной мере успешных попыток самореализации.

Симуляция «отложенного старения» связана с поиском новых или удержанием старых сфер социального осуществления без переосмысления не только отношений общества и государства к стареющим людям, но и к людям вообще. Решить проблему «отложенного старения» в ближайшее время отчасти способно только государство-церковь, функционирующее на основе нравственных, а не правовых законов и представляющее собой совокупность механизмов прямой / глубинной демократии. Цифровые технологии могут частично обеспечить реализацию этих механизмов, однако ведущим процессом является переход от идей ужесточения государственного и социального насилия в форме построения разветвленной и единой системы юридических законов, ориентированных на кастомизированное сообщество, обеспеченной многочисленными инструментами принуждения (включая те, что предоставляет выстроенный по модели паноптикума цифровой концлагерь и вспомогательные к нему инструменты тюрем и иного добровольно-принудительного сокращения / уничтожения населения), к идеям, чья продуктивность уже показана в ряде посткапиталистических стран: уважение человеческого достоинства и жизни как высшей ценности.

В настоящее время, как и предсказано ведущими социологами, критиками капиталистической системы (Т. Адорно, Г. Маркузе, Дж. Бодрийяр и др.), идет период и скрываемого накопления противоречий и противостояния, который каждая из сторон надеется завершить достижением поставленных целей: целей выживания, размножения и превосходства некоторой касты («золотой миллион») существ или целей развития и совершенствования человека. В ряде регионов, однако, таких как Китай, Северная Корея и иных тоталитарных и высококоррупцированных сообществах, этот процесс находится на стадии завершения. Так, опасность третьей масштабной мировой войны связывают именно с Северной Кореей и Китаем: странами, где население доведено или планомерно доводится с помощью различных инструментов социально-государственного принуждения, включая цифровой концлагерь и тоталитарную диктатуру с воплощающим ее культом некой «избранной» (демократически и / или «божественно») личности, «великого» и бессменного руководителя, до состояния «говорящего орудия», расчеловеченности. И, несмотря на декларируемую ценность жизни человека, долгожительства и здоровья, забота о них и «отложенной старости» есть лишь забота наживы.

Поэтому реальная помощь человеку — на всех этапах его развития — это помощь в осознании, постановке и достижении задач

самоактуализации и, таким образом, самореализации, но — не наоборот. Социальные рейтинги, службы социальной и психологической помощи не могут работать там, где они фиксируют показатели и пути самореализации человека. Лучшее, что можно сделать в текущих условиях, — не мешать человеку жить, становиться собой и совершенствоваться. Уже это невмешательство в жизнь человека для современных сообществ, государств и надгосударственных структур является практически невыполнимой задачей.

Источники

Абрамова Г. О пожилом возрасте (51–65 лет). О старости (старше 65 лет) // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 464–489.

Адлер А. Наука жить. — Киев: Port-Royal, 1997. — 400 с.

Александрова М. Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. — СПб.: Нева, 2004. — 324 с.

Алиев Дж. Ф., Бородулина С. А. Проект платформы социального скоринга (материалы к Ученому совету РГСУ) // РГСУ life. — 2022. — 7 сент. — URL: https://rgsu.net/about/activities/press_centre/life/platform/rgsu-life_20.html (дата обращения: 15.03.2023).

Альперович В. Н. Социальная геронтология. — Р-н/Д.: Феникс, 2005. — 315 с.

Анциферова Л. И. Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы? // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — 734 с. — С. 564–575.

Анциферова Л. И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — 734 с. — С. 490–511.

Арефьева Т. К. Социальные проблемы пожилых в современном российском обществе // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 125–126.

Арпентьева М. Р. Конфликтная компетентность и интегративная модель кризисной терапии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2019. — № 13. — С. 16–21.

Арпентьева М. Р. Отношения пожилых и старых людей к себе и миру и варианты психологической помощи // Клиническая геронтология. — 2017. — Т. 23, № 9–10. — С. 4–6.

Арпентьева М. Р. Психолого-педагогические условия взросления и стратегии понимания себя и мира // Вестник Донецкого пед. ин-та. — 2018. — № 2. — С. 79–88.

Бетина Е. М. Самореализация личности в пожилом возрасте через преодоление возрастного кризиса: дис. ... канд. психол. наук. — Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2007. — 177 с.

Бовуар де С. Старость // Социальная геронтология: Современные исследования. — М.: РАН, 1994. — С. 17–40.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Послесл. и примеч. Е. А. Самарской. — М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 269 с.

Бороздина Л. В., Молчанова О. И. Особенности самооценки в позднем возрасте // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 538–563.

Бохан Т. Г., Стоянова И. Я., Ульянич А. Л., Шабаловская М. В., Скавинская Е. Н., Кузин А. Ю., Терехина О. В., Боженкова К. А. Психологическое консультирование. Ч. 2: Психологическое консультирование в социальных практиках психологической помощи. — Томск: Изд. Дом Томского гос. ун-та, 2017. — 164 с.

Братусь Б. С. К проблеме развития личности в зрелом возрасте // Вестник Московского ун-та. Сер. 14: Психология. — 1980. — № 2. — С. 9–12.

Востоков В. Ф. Тайны тибетской медицины. — М.: Диля, 2000. — 224 с.

Вульфов Б. З. Пожилые люди: драма невостребованности. Пожилой человек: проблемы возраста и аспекты социальной защиты: Межвузовский сб. научных работ / Отв. ред. Н. Б. Шмелева. — Ульяновск: Изд-во филиала МГУ им. Ломоносова, 1995. — С. 40–42.

Гюнтер Э., Кемпфе Л., Либберт Э., Мюллер Х. Основы общей биологии / Под ред. Э. Либберта. — М.: Мир, 1982. — 440 с.

Дмитриев А. В. Социальные проблемы людей пожилого возраста. — СПб.: Питер, 2005. — 254 с.

Карсаевская Т. В., Шаталов А. Т. Философские аспекты геронтологии. — М.: Знание, 2000. — 308 с.

Краснова О. В., Лидерс А. Г. Психология старости и старения. — М.: Академия, 2004. — 288 с.

Крицкая Г. В. Психологические аспекты третьего возраста. — М.: Наука, 2004. — 308 с.

Левин П. Око настоящего возрождения. Все 7 тибетских жемчужин в одной книге. — М.: АСТ, 2010. — 130 с.

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 2007. — 480 с.

Ливенхед Б. Кризисы жизни — шансы жизни. — Калуга: Духовное познание, 1994. — 224 с.

Марцинковская Т. Д. Особенности психического развития в позднем возрасте // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 334–338.

Маслоу А. Г. Мотивация и личность. — СПб.: Евразия, 1999. — 420 с.

Медведева Г. П. Введение в социальную геронтологию. — М.; Воронеж: МПСИ, 2000. — 315 с.

Мелёхин А. И. Психологические модели успешного старения (обзор зарубежных исследований) // Психологический журнал международного университета природы, общества и человека «Дубна». — 2014. — № 2. — С. 44–61.

Милькаманович В. К. Основы социальной геронтологии. — Минск: Беларусь, 2008. — 191 с.

Минигалиева М. Р. Взрослость: типы и контексты анализа // Психология зрелости и старения. — 2000а. — № 1. — С. 5–18.

Минигалиева М. Р. Личностные типы и социальные контакты людей позднего возраста // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004а. — С. 350–364.

Минигалиева М. Р. Проблемы и ресурсы пожилых // Отечественный журнал социальной работы. — 2004б. — № 3. — С. 21–24.

Минигалиева М. Р. Психотерапия как процесс взросления личности и развития понимания // Психология зрелости и старения. — 2000б. — № 4. — С. 76–94.

Минигалиева М. Р. Социально-психологические и социологические аспекты взрослости: проблемы социализации взрослой личности (программа спецкурса) // Психология зрелости и старения. — 2000в. — № 3. — С. 37–52.

Минигалиева М. Р. Социальные представления о здоровье и проблемы психологической помощи пожилым людям // Психология зрелости и старения. — 2000г. — № 2. — С. 37–44.

Минигалиева М. Р. Тренинг «возрасты жизни» и развитие взаимопонимания между людьми разных возрастных групп // Психология зрелости и старения. — 2001. — № 1. — С. 64–89.

Минигалиева М. Р. Фазы и проблемы развития взрослой личности // Психология зрелости и старения. — 2003. — № 3. — С. 26–31.

Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарко А. М. Человек и биосфера. Опыт системного анализа и эксперименты с моделями. — М.: Наука. Гл. ред. физико-математической литературы, 1985. — 272 с.

Москвичева Л. Н. Адаптация людей пожилого возраста в современной ситуации (два образа старения) // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 143–145.

Муродова М. Х.-К. Календари мая // European Science. — 2019. — № 4 (46). — С. 17–19.

Попова Т. А. Смысловые ориентации и локус контроля личности как ресурсы благополучного старения // Вестник Пермского гос. гуманитарно-педагогического ун-та. Сер. 1: Психологические и педагогические науки. — 2019. — № 1. — С. 49–58. — DOI: 10.24411/2308-7218-2019-00006.

Пряжников Н. С. Личностное самоопределение в преклонном возрасте // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 445–463.

Розозин Д. М. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. — 2012. — № 4. — С. 62–93.

Сапогова Е. Е. Экзистенциальная психология взрослости. — М.: Смысл, 2013. — 400 с.

Сахарова Т. Н. Эмоционально-нравственная сфера пожилых людей (опыт психологического исследования). — М.: Прометей, 2011. — 140 с.

Сенкевич Л. В., Шагидаева А. Б. Экзистенциальные проблемы личности в современной зарубежной геронтопсихологии: результаты анализа исследований за последние пять лет // Современная зарубежная психология. — 2017. — Т. 6, № 3. — С. 22–29.

Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Психология и педагогика. — 2018. — Т. 8, вып. 3. — С. 243–257.

Стрижицкая О. Ю. Основы психогеронтологии. — СПб.: СПбГУ, 2016. — 77 с.

Стюарт-Гамильтон Я. Психология. — СПб.: Питер, 2010. — 320 с.

Уроженко В. В. Проректор по научной деятельности В. В. Уроженко о проекте «Мы» // РГСУ life. — 2023. — 4 окт. — URL: https://rgsu.net/about/activities/press_centre/life/society/rgsu-life_346.html (дата обращения: 15.03.2023).

Фролькис В. В. Старение и увеличение продолжительности жизни. — СПб.: Питер, 2005. — 248 с.

Холостова Е. И. Социальная работа с пожилыми людьми. — М.: Изд.-торговая корпорация «Дашков и К», 2005. — 412 с.

Шапиро В. Д. Человек на пенсии (социальные проблемы и образ жизни). — М.: Академия, 2000. — 312 с.

Шаповаленко И. В. Социальная ситуация развития в пожилом возрасте // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 525–537.

Шахматов Н. Ф. Старение — время личного познания вечных вопросов и истинных ценностей // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 685–694.

Шредингер Э. Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки. — М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2002. — 92 с.

Эриксон Э. Идентичность: юность, кризис. — М.: Изд-во МГУ, 2010. — 412 с.

Юревич А. В. Старение как психологическая проблема // Наука. Культура. Общество. — 2018. — № 1. — С. 5–19.

Яркина Т. Ф. Секреты японского долголетия. Теория и практика социальной работы: отечественный и зарубежный опыт / Под ред. Т. Ф. Яркиной, В. Г. Бочаровой: в 2 т. — М.; Тула: Ассоциация социальных педагогов и социальных работников России, Рос. акад. образования, 1993. — Т. 2. — С. 63–69.

Aldwin C., Gilmer D. F. Health, Illness, and Optimal Aging: Biological and psychosocial perspectives. — New York: Springer Publishing Company, 2013. — 400 p.

Baltes M. M. The psychology of the oldest-old: The Fourth Age // Current Opinion in Psychiatry. — 1998. — Vol. 11. — P. 411–415.

Baltes P. B. Theoretical propositions of lifespan developmental psychology: On the dynamics between growth and decline // *Developmental Psychology*. — 1987. — Vol. 23. — P. 611–626.

Barnes S. F. Third age—the golden years of adulthood. San Diego State University Interwork Institute. — URL: <http://calbooming.sdsu.edu/documents/TheThirdAge.pdf> (access date: 10.10.2023).

Devereu G. Heterosexual Behavior of the Mohave Indians // *Psychoanalysis and the Social Sciences*. — 1950. — Vol. 2, no. 1. — P. 85–128.

Larouche E., Hudon C., Goulet S. Potential benefits of mindfulness-based interventions in mild cognitive impairment and Alzheimer's disease: An interdisciplinary perspective // *Behavioural Brain Research journal*. — 2015, Jan. — Vol. 1, no. 276. — P. 199–212. — DOI: 10.1016/j.bbr.2014.05.058.

Laslett P. Societal development and aging // *Handbook of aging and the social sciences* / Ed. R. H. Binstock, E. Shanas. — New York: Van Nostrand Reinhold, 1985. — P. 199–230.

Martinson M., Berridge C. Successful Aging and Its Discontents: A Systematic Review of the Social Gerontology Literature // *Gerontologist*. — 2015. — Vol. 55, no. 1. — P. 58–69.

Neugarten B. L. Age Groups in American Society and the Rise of the Young-Old // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. — 1974. — Vol. 415, iss. 1. — P. 187–198.

Saladin R. Secret a Long Life: Life up to 120 years Hunza tribes and blue zones. — New York: Independently published, 2018. — 200 p.

Socialization and the life cycle / Ed. by P. L. Rose. — New York: St. Martin's press, 1979. — 411 p.

Tornstam L. Maturing Into Gerotranscendence // *Journal Of Transpersonal Psychology*. — 2011. — Vol. 43, no. 2. — P. 166–180.

References

Abramova G. About old age (51–65 years). About old age (over 65 years old). In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 464–489. (In Russ.)

Alder A. *The Science of Living*. Kyiv, Port-Royal, 1997, 400 p. (In Russ.)

Aldwin C., Gilmer D. F. *Health, Illness, and Optimal Aging: Biological and psychosocial perspectives*. New York, Springer Publishing Company, 2013, 400 p.

Alexandrova M. D. *Problems of social and psychological gerontology*. St. Petersburg, Neva, 2004, 324 p. (In Russ.)

Aliev J. F., Borodulina S. A. Project of a social scoring platform (materials for the Academic Council of the RGSU). *RGSU life*, 2022, September 7. URL: https://rgsu.net/about/activities/press_centre/life/platform/rgsu-life_20.html (access date: 15.03.2023) (In Russ.)

Alperovich V. N. *Social gerontology*. Rostov-on-Don, Phoenix, 2005, 315 p. (In Russ.)

Antsyferova L. I. Late period of human life: types of aging and possibilities of progressive development of the individual. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 490–511. (In Russ.)

Antsyferova L. I. New stages of late life: time of warm autumn or harsh winter? In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 564–575. (In Russ.)

Arefieva T. K. Social problems of the elderly in modern Russian society. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 125–126. (In Russ.)

Arpenteva M. R. Relationships of elderly and old people to themselves and the world and options for psychological help. *Clinical gerontology*, 2017, vol. 23, no. 9–10, pp. 4–6. (In Russ.)

Arpenteyeva M. R. Conflict competence and integrative model of crisis therapy. *Current problems of the humanities and socio-economic sciences*, 2019, no. 13, pp. 16–21. (In Russ.)

Arpenteyeva M. R. Psychological and pedagogical conditions of growing up and strategies for understanding oneself and the world. *Bulletin of the Donetsk Pedagogical Institute*, 2018, no. 2, pp. 79–88. (In Russ.)

Baltes M. M. The psychology of the oldest — old: The Fourth Age. *Current Opinion in Psychiatry*, 1998, vol. 11, pp. 411–415.

Baltes P. B. Theoretical propositions of lifespan developmental psychology: On the dynamics between growth and decline. *Developmental Psychology*, 1987, vol. 23, pp. 611–626.

Barnes S. F. *Third age—the golden years of adulthood*. San Diego State University Interwork Institute. URL: <http://calbooming.sdsu.edu/documents/TheThirdAge.pdf> (access date: 10.10.2023).

Baudrillard J. *Consumer Society. His myths and structures*. Afterword and note by E. A. Samarskaya. Moscow, Republic; Cultural Revolution, 2006, 269 p. (In Russ.)

Beauvoir de S. *Old age. Social gerontology. Modern research*. Moscow, RAS, 1994, pp. 17–40. (In Russ.)

Betina E. M. *Personal self-realization in old age through overcoming the age crisis*. PhD in Psychology paper. Tambov, G. R. Derzhavin Tambov State University, 2007, 177 p. (In Russ.)

Bokhan T. G., Stoyanova I. Ya., Ulyanich A. L., Shabalovskaya M. V., Skavinskaya E. N., Kuzi A. Yu., Terekhina O. V., Bozhenkova K. A. *Psychological consultation*. Tomsk, Publishing House of Tomsk State University, 2017, part 2: Psychological counseling in social practices of psychological assistance, 164 p. (In Russ.)

Borozdina L. V., Molchanova O. I. Peculiarities of self-esteem in late age. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 538–563. (In Russ.)

Bratus B. S. On the problem of personality development in adulthood. *Bulletin of the Moscow Univ. Ser 14. Psychology*, 1980, no. 2, pp. 9–12. (In Russ.)

Devereux G. Heterosexual Behavior of the Mohave Indians. *Psychoanalysis and the Social Sciences*, 1950, vol. 2, no. 1, pp. 85–128.

Dmitriev A. V. *Social problems of older people*. St. Petersburg, Piter, 2005, 254 p. (In Russ.)

Erickson E. *Identity: youth, crisis*. Moscow, Moscow State University Publishing House, 2010, 412 p. (In Russ.)

Frolkis V. V. *Aging and increasing life expectancy*. St. Petersburg, Piter, 2005, 248 p. (In Russ.)

Gunther E., Kempfe L., Libbert E., Muller H. *Fundamentals of general biology*. Moscow, Mir, 1982, 440 p. (In Russ.)

Karsaevskaya T. V., Shatalov A. T. *Philosophical aspects of gerontology*. Moscow, Knowledge, 2000, 308 p. (In Russ.)

- Kholostova E. I. *Social work with older people*. Moscow, Dashkov and K Publishing and trading corporation, 2005, 412 p. (In Russ.)
- Krasnova O. V., Lidars A. G. *Psychology of old age and aging*. Moscow, Academy, 2004, 288 p. (In Russ.)
- Kritskaya G. V. *Psychological aspects of the third age*. Moscow, Nauka, 2004, 308 p. (In Russ.)
- Larouche E., Hudon C., Goulet S. Potential benefits of mindfulness-based interventions in mild cognitive impairment and Alzheimer's disease: An interdisciplinary perspective. *Behavioral Brain Research journal*, 2015, January, vol. 1, no. 276, pp. 199–212. DOI: 10.1016/j.bbr.2014.05.058.
- Laslett P. Societal development and aging. In Binstock R. H., Shanas E. (eds.). *Handbook of aging and the social sciences*. New York, Van Nostrand Reinhold, 1985, pp. 199–230.
- Leontyev D. A. *Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality*. Moscow, Smysl, 2007, 480 p. (In Russ.)
- Levin P. *The Eye of the Real Revival. All 7 Tibetan pearls in one book*. Moscow, AST Publishing House, 2010, 130 p. (In Russ.)
- Livenhood B. *Life crises are life chances*. Kaluga, Spiritual knowledge, 1994, 224 p. (In Russ.)
- Martinson M., Berridge C. Successful Aging and Its Discontents: A Systematic Review of the Social Gerontology Literature. *Gerontologist*, 2015, vol. 55, no. 1, pp. 58–69.
- Martsinkovskaya T. D. Peculiarities of mental development in late age. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 334–338. (In Russ.)
- Maslow A. G. *Motivation and personality*. St. Petersburg, Eurasia, 1999, 420 p. (In Russ.)
- Medvedeva G. P. *Introduction to social gerontology*. Moscow, Voronezh, MPSI, 2000, 315 p. (In Russ.)
- Melyokhin A. I. Psychological models of successful aging (review of foreign studies). *Dubna Psychological Journal*, 2014, no. 2, pp. 44–61. (In Russ.)
- Milkamanovich V. K. *Fundamentals of social gerontology*. Minsk, Belarus, 2008, 191 p. (In Russ.)
- Minigalieva M. R. Adulthood: types and contexts of analysis. *Psychology of maturity and aging*, 2000a, no. 1, pp. 5–18. (In Russ.)
- Minigalieva M. R. Personality types and social contacts of people of late age. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004a, pp. 350–364. (In Russ.)
- Minigalieva M. R. Phases and problems of adult personality development. *Psychology of maturity and aging*, 2003, no. 3, pp. 26–31. (In Russ.)
- Minigalieva M. R. Problems and resources of the elderly. *Domestic Journal of Social Work*, 2004b, no. 3, pp. 21–24. (In Russ.)
- Minigalieva M. R. Psychotherapy as a process of personal maturation and development of understanding. *Psychology of maturity and aging*, 2000b, no. 4, pp. 76–94. (In Russ.)
- Minigalieva M. R. Social ideas about health and problems of psychological assistance to older people. *Psychology of maturity and aging*, 2000, no. 2, pp. 37–44. (In Russ.)
- Minigalieva M. R. Socio-psychological and sociological aspects of adulthood: problems of socialization of the adult personality (special course program). *Psychology of maturity and aging*, 2000, no. 3, pp. 37–52. (In Russ.)
- Minigalieva M. R. Training “age of life” and the development of mutual understanding between people of different age groups. *Psychology of maturity and aging*, 2001, no. 1, pp. 64–89. (In Russ.)

Moiseev N. N., Aleksandrov V. V., Tarko A. M. *Man and the biosphere. Experience in systems analysis and experiments with models*. Moscow, Science. Main editorial office of physical and mathematical literature, 1985, 272 p. (In Russ.)

Moskvicheva L. N. Adaptation of elderly people in the modern situation (two images of aging). In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 143–145. (In Russ.)

Murodova M. H.-K. Mayan calendars. *European science*, 2019, no. 4 (46), pp. 17–19. (In Russ.)

Neugarten B. L. Age Groups in American Society and the Rise of the Young-Old. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 1974, vol. 415, iss. 1, pp. 187–198.

Popova T. A. Meaningful orientations and personal locus of control as resources for successful aging. *Bulletin of the Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Series No. 1: Psychological and Pedagogical Sciences*, 2019, no. 1, pp. 49–58. DOI: 10.24411/2308-7218-2019-00006. (In Russ.)

Pryazhnikov N. S. Personal self-determination in old age. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 445–463. (In Russ.)

Rogozin D. M. Liberalization of aging, or work, knowledge and health in older age. *Sociological Journal*, 2012, no. 4, pp. 62–93. (In Russ.)

Rose P. L. (ed.). *Socialization and the life cycle*. New York, St. Martin's press, 1979, 411 p. Sakharova T. N. *Emotional and moral sphere of older people (experience of psychological research)*. Moscow, Prometheus, 2011, 140 p. (In Russ.)

Saladin R. *Secret a Long Life: Life up to 120 years Hunza tribes and blue zones*. New York, Independently published, 2018, 200 p.

Sapogova E. E. *Existential psychology of adulthood*. Moscow, Smysl, 2013, 400 p. (In Russ.)

Schrödinger E. *What is life? Physical aspect of a living cell*. Moscow, Izhevsk, Research Center "Regular and Chaotic Dynamics", 2002, 92 p. (In Russ.)

Senkevich L. V., Shagidaeva A. B. Existential problems of personality in modern foreign gerontopsychology: results of analysis of research over the past five years. *Modern foreign psychology*, 2017, vol. 6, no. 3, pp. 22–29. DOI: 10.17759/jmfp.2017060303. (In Russ.)

Sergienko E. A., Kharlamenkova N. E. Psychological factors of successful aging. *Bulletin of the St. Petersburg. State university. Psychology and pedagogy*, 2018, vol. 8, iss. 3, pp. 243–257. (In Russ.)

Shakhmatov N. F. Aging is a time of personal knowledge of eternal issues and true values. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 685–694. (In Russ.)

Shapiro V. D. *A retired person (social problems and lifestyle)*. Moscow, Academy, 2000, 312 p. (In Russ.)

Shapovalenko I. V. Social situation of development in old age. In Raigorodskiy Ya. (ed.-comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 525–537. (In Russ.)

Stewart-Hamilton Ya. *Psychology*. St. Petersburg, Piter, 2010, 320 p. (In Russ.)

Strizhitskaya O. Yu. *Fundamentals of psychogerontology*. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2016, 77 p. (In Russ.)

Tornstam L. Maturing Into Gerotranscendence. *Journal of Transpersonal Psychology*, 2011, vol. 43, no. 2, pp. 166–180.

Urozhenko V. V. Vice-Rector for Scientific Activities V. V. Urozhenko about the project "We". *RGSU life*, 2023, October 4. URL: https://rgsu.net/about/activities/press_centre/life/society/rgsu-life_346.html (access date: 15.03.2023).

Vostokov V. F. *Secrets of Tibetan medicine*. Moscow, Dilya, 2000, 224 p. (In Russ.)

Vulfov B. Z. Elderly people: the drama of lack of demand. In N. B. Shmeleva (ed.). *Elderly people: problems of age and aspects of social protection: Interuniversity collection. scientific works*. Ulyanovsk, Publishing house of the branch of Moscow M. V. Lomonosov State University, 1995, pp. 40–42. (In Russ.)

Yarkina T. F. Secrets of Japanese longevity. In T. F. Yarkina, V. G. Bocharova (eds.). *Theory and practice of social work: domestic and foreign experience*. In 2 vols. Moscow, Tula, Association of Social Pedagogues and Social workers of Russia, Russian Academy of Education, 1993, vol. 2, pp. 63–69. (In Russ.)

Yurevich A. V. Aging as a psychological problem. *Science. Culture. Society*, 2018, no. 1, pp. 5–19. (In Russ.)

Меньшиков Петр Викторович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, Калуга, Российская Федерация.
edeltanne@list.ru

Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент, академик Международной академии образования, член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор Российской академии естествознания, независимый исследователь, Центр психологической, педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие», Калуга, Российская Федерация.
mariam_rav@mail.ru

Menshikov, Petr V., Candidate (PhD) of Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Development and Education Psychology, K. E. Tsiolkovskiy Kaluga State University, Kaluga, Russian Federation.
edeltanne@list.ru

Arpentieva, Mariam R., Grand Doctor (Grand PhD) of Psychology, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Academician of the International Academy of Education, independent researcher, Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance “Assistance”, Kaluga, Russian Federation.
mariam_rav@mail.ru

И. И. ТОЛСТИКОВА

**ПРОБЛЕМА «ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА»
И СОЦИОЛОГИЯ «ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА».
РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОРТАЛА
УНИВЕРСИТЕТА ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА
ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹**

В статье анализируется проблема цифрового разрыва и возможности преодоления цифрового неравенства пожилых путем ликвидации структурного отставания существующей системы университетов третьего возраста. Основное внимание направлено на факторы снижения социальной депривации за счет применения цифровых технологий. Существующий дискурс активного долголетия предлагается пополнить за счет экспертно-аналитической деятельности на цифровой платформе портала Университета третьего возраста. Основной вывод заключается в том, что экспертно-аналитическая платформа выступает центром консолидации и самоорганизации стейкхолдеров для дальнейшего развития Университета третьего возраста.

Ключевые слова: университет третьего возраста, цифровой разрыв, активное долголетие, экспертное сообщество.

IRINA I. TOLSTIKOVA

**THE “DIGITAL DIVIDE” PROBLEM
AND THE SOCIOLOGY OF THE “THIRD AGE”.
RESOURCE POTENTIAL OF THE UNIVERSITY OF THE
THIRD AGE PORTAL FOR SOCIOLOGICAL RESEARCH²**

The article analyzes the digital divide problem and the possibility of overcoming the grey digital divide by eliminating the existing system structural gap of universities of the third age (U3A). The main focus is on factors reducing social deprivation

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 «Отложенное старение или поздняя взрослость в России: как цифровое развитие меняет статус пожилых в эпоху COVID-19 и неопределенности» (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

² The research was supported by the Russian Science Foundation grant no. 22-18-00461 “Delayed aging or late adulthood in Russia: how digital development change the position of elderly in the era of COVID-19 and uncertainty” (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

through the use of digital technologies. It is proposed to supplement the existing discourse on active longevity through expert and analytical activities on the digital platform of the University of the Third Age (U3A) portal. The main conclusion is that the expert and analytical platform acts as a center for consolidation and self-organization of stakeholders for the further development of U3A.

Keywords: University of the Third Age, digital divide, active longevity, expert community.

Введение

Международное движение «Университет третьего возраста» (U3A — от англ. University of third age), которое ставит своей целью как образовательную деятельность для людей пенсионного возраста, так и обмен информацией без формальных образовательных связей, возникло в 1973 г. во Франции при университетах как сеть образовательных центров для пожилых, дающая возможности проведения различных геронтологических исследований. Современное движение U3A весьма разнородно по размерам и ресурсам участников из разных стран, но едино в своих усилиях по обеспечению возможностей обучения пожилых, а также повышению «заметности» участия пожилых людей в жизни общества. Общепринятой модели U3A не существует, и последующие национальные проекты значительно отходили от академической французской модели, добавляя дружбу и взаимопомощь к образовательной деятельности.

Со временем появились виртуальные модели U3A (<https://ufuta.fr/>, <https://www.u3ac.org.uk/>, <https://www.aiu3a.com/> и др.). В России первый образовательный портал дистанционного обучения для пожилых пользователей <https://u3a.niuitmo.ru> появился в университете ИТМО в 2011 г. как проект, направленный на формирование информационной культуры старших поколений в России, создание системы качественного и доступного ИКТ-образования граждан третьего возраста как фактора повышения качества их жизни, преодоление информационного неравенства и социально-культурного исключения пожилых граждан в России. В период пандемии COVID-19 портал ориентировался на выполнение основной задачи — содействие лицам третьего возраста в условиях изоляции и пандемии; создание и публикация авторского контента по культурно-историческим, медицинским и другим вопросам. В 2021 г. были пересмотрены актуальные возможности портала <https://u3a.itmo.ru/> и определена новая ключевая позиция миссии — научная и экспертная поддержка исследований и практической деятельности

по развитию концепции активного старения и включенности пожилых в современный мир интернет-коммуникаций. Способность использовать информационные и коммуникационные технологии изменяет статус пожилого человека, открывая новые возможности, сокращая психологические и социальные проблемы, улучшая качество жизни за счет повышения уровня независимости, что является эффективной профилактикой старения. Понимание восприятия технологий пожилыми людьми, вопросы цифровой компетентности, адаптации программ электронного участия людей третьего возраста в различных проектах гражданской и социальной активности требуют дальнейшего изучения и проведения социологических исследований. С этой целью существующий портал Университет третьего возраста (университет ИТМО) модернизируется и на его основе формируется экспертное сообщество — площадка для профессионалов с признанным опытом и компетенцией в области проблем активного долголетия. Логика работы строится на обобщении разрозненной информации по проблеме экспертно-аналитической деятельности для разработки концептуальной модели умного конфигурирования экспертно-аналитической деятельности на цифровой платформе портала Университета третьего возраста. Для этого были проведены исследования в рамках проекта «Отложенное старение или поздняя взрослость в России: как цифровое развитие меняет статус пожилых в эпоху COVID-19 и неопределенности», которые продемонстрировали наличие определенной резистентности к использованию возможностей цифровой среды пожилым поколением.

Цифровой разрыв

Увеличение темпов цифровой трансформации усугубляет существующее неравенство среди населения и, в свою очередь, может привести к социальной и экономической изоляции, дисбалансу власти, угроз частной жизни и безопасности людей. «Цифровой разрыв» существует в доступе к цифровым технологиям, их использовании и получении выгод от них. Российскими учеными предложена классификация уровней цифрового разрыва: 1) доступ к интернету, 2) использование интернета, 3) выгоды от использования интернета (Варламова 2022: 54–55). Согласно результатам Обзора основных прав в Европейском Союзе (Fundamental Rights Survey in the European Union) за 2019 г.¹,

¹ Старение в эпоху цифровых технологий. Программная справка ЕЭК ООН по вопросам старения. — 2021, июль. — № 26. — С. 4. — URL: <https://unece.org/sites/default/files/2021-12/PB26-RU.pdf>.

только один из пяти респондентов в возрасте 75 лет и старше хотя бы иногда занимается интернет-деятельностью, по сравнению с 98% респондентов в возрасте 16–29 лет. По данным М. Варламовой, участника российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, старшее поколение достаточно хорошо освоило мобильные телефоны (75% респондентов), однако они значительно более скромно выглядят среди владельцев гаджетов, имеющих выход в интернет. В 2019 г. интернетом пользовались 95% представителей поколения Y, среди поколения Z и поколения X — 83% респондентов, а среди поколения беби-бумеров¹ — 45%; наименьшее значение пользователей интернета среди молчаливого поколения — 8,58%². Существенно отличие интернет-активности представителей старшего поколения по сравнению с молодежью до 30 лет — в 11 раз реже скачивают программное обеспечение, пользуются услугами дистанционного образования, в 6 раз — ищут полезную информацию, публикуют свое мнение об общественных и политических событиях, в 4 раза — покупают товары в интернете (Груздева 2022: 233). Из вышесказанного можно сделать вывод, что межпоколенческие различия имеются не только в доступе, но и в использовании интернета (Варламова 2022: 60–61).

Социальная трансформация, возникающая как следствие цифровой, подразумевает, что знания и информационные технологии потенциально могут преодолеть социальные и пространственные барьеры на пути социальных взаимодействий, способствуя общению и разнообразной деятельности (в том числе текстовой, аудио и / или визуальной), особенно между пожилыми людьми и другими людьми в любое время и в любом месте. Хотя предполагается, что снижение когнитивных функций и физиологическое ухудшение являются характеристиками старения, исследования подчеркнули важность наличия прочных социальных связей для их нейтрализации. Улучшения самоощущения были связаны с ощущением смысла жизни и чувством эмоционального благополучия. Пожилые люди с повышенным уровнем социальной активности испытывают менее серьезное снижение когнитивных функций, чем социально отстраненные (Locsin et al. 2021).

Для снижения социальной депривации необходимы кумулятивные усилия по предотвращению тенденции цифровой маргинализации пожилых людей. В исследовании шотландских ученых (Vaportzis et al. 2017), посвященном восприятию пожилыми технологий и барьерам контакта

¹ Возрастная когорта 1943–1962 гг. рождения.

² Возрастная когорта 1923–1942 гг. рождения.

с технологиями, обнаружены закономерности, которые обнажают препятствия, а именно отсутствие руководства и инструкций, недостаток знаний и доверия, барьеры безопасности и финансовых затрат. Пожилые участники исследования, после непродолжительного знакомства с «умными планшетами», стремились освоить новые технологии, хотели научиться их использовать и выразили готовность использовать планшет в будущем. Однако они выразили опасения по поводу нынешнего отсутствия ясности в системах руководства и поддержки для пожилых людей. Понимание восприятия технологий пожилыми людьми необходимо для того, чтобы они могли хорошо служить им, особенно путем внедрения технологических устройств и использования технологических преимуществ для улучшения независимой жизни (Locsin et al. 2021).

В контексте современного технологического обеспечения развития повседневной жизни отсутствие навыков использования цифровых технологий затрудняет исполнение жизненно необходимых сценариев потребления медицинских услуг, государственных сервисов и т. д., что делает цифровой разрыв, с которым сталкиваются пожилые люди, все более заметным. Изучение и использование цифровых технологий являются огромным вызовом для пожилых людей, а это также может вызвать у них психологические проблемы, понимая под основными цифровыми технологиями современные универсальные технологические устройства, услуги, приложения и интернет-платформы, используемые значительной частью населения. Сюда входят интернет-сети, мобильные телефоны, смартфоны, компьютеры и планшеты. Развитие цифровых технологий и их использование не только трансформирует формы и инструменты поведенческих практик пожилых, но и позволяет создавать дополнительные эффекты и результаты за счет таргетированного взаимодействия через специальные каналы коммуникации с данной целевой группой, обеспечивать индивидуальные траектории активного долголетия пожилых.

Концепция активного долголетия и интернет

Политика активного и здорового долголетия прошла долгий путь от первой Всемирной ассамблеи по проблемам старения в Вене в 1982 г.³ и второй в Мадриде в 2002 г.⁴ до Лиссабонской деклара-

³ Первая Всемирная ассамблея по проблемам старения 26 июля — 6 августа 1982 г., Вена, Австрия. — URL: <https://www.un.org/ru/conferences/ageing/vienna1982>.

⁴ Доклад второй Всемирной ассамблеи по проблемам старения. Мадрид, 8–12 апреля 2002 г. — URL: https://unece.org/DAM/pau/age/mica2002/documents/MIPAA_RU.pdf.

ции министров 2017 г.¹, касающейся «потенциала пожилых людей», «более продолжительной трудовой жизни» и «достойного старения». Проведенная в июне 2022 г. в Риме конференция к 20-летию принятия МПРАА Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН) организовала конференцию министров по проблемам старения для завершения четвертого цикла обзора и оценки (2018–2022 гг.) Мадридского международного плана и подтвердила приверженность политике позитивного старения, в том числе борьбе с дискриминацией по признаку возраста, в Римской декларации министров 2022 г. «Устойчивый мир для всех возрастов: объединение сил во имя солидарности и равных возможностей на протяжении всей жизни»². Концепция активного долголетия предполагает индивидуальную активность, сохранение социально-экономической независимости и планирование своей жизни, что означает поиск и нахождение новых коммуникаций, получение знаний и, как следствие, новый уровень удовлетворения этим этапом жизни. Международные исследования, проведенные задолго до пандемического всплеска активности в сети Интернет, показали, что использование компьютеров, гаджетов и интернета дает пожилым людям большее чувство уверенности в себе, независимость и контроль над своей повседневной жизнью (Morris et al. 2007; Selwyn 2004), выявили, что пожилые люди, которые использовали свои компьютеры, часто демонстрировали значительное увеличение ощущения контроля над жизнью (Mason et al. 2012; Slegers et al. 2008), пожилые люди, владеющие мобильным телефоном, ощутили чувство свободы и независимости (Martinez-Pecino et al. 2012).

Преимущества использования цифровых технологий для пожилых людей многочисленны, однако важность технологий как помощи их когнитивным сферам и безопасности, а также оптимизации их повседневной жизни, сохраняется. Стратегии и усилия по интеграции передовых технологий в жизнь пожилых людей могут улучшить общее состояние здоровья, одновременно влияя на психическое здоровье и уменьшая проявление физической недостаточности. Использование

¹ Лиссабонское заявление министров 22 сентября 2017 г. «Устойчивое общество для всех возрастов: реализация потенциала более продолжительной жизни». — URL: https://unece.org/DAM/pau/age/Ministerial_Conference_Lisbon/Declaration/2017_Lisbon_Ministerial_Declaration_-_RU.pdf.

² 2022 Rome ministerial declaration “A Sustainable World for All Ages: Joining Forces for Solidarity and Equal Opportunities Throughout Life”. — URL: https://unece.org/sites/default/files/2022-06/Rome_Ministerial_Declaration.pdf.

сетевых возможностей изменило образ жизни людей, и все большее число пожилых пользуется удобной доставкой информации и разнообразными жизненными услугами через интернет. Существующий дискурс активного старения пополнен петербургскими исследованиями основных предметных областей активного и отложенного старения в России и за рубежом (Видясова, Григорьева 2023). На основе анализа подходов к активному старению был определен комплексный и междисциплинарный характер изучаемого явления.

Концепция модернизации и перепрофилирования сайта «Университет третьего возраста»

Порталы, обращенные к пожилым людям и ориентированные на удовлетворение тех или иных потребностей лиц третьего возраста, уже достаточно хорошо представлены в российском интернет-пространстве, но вопросы цифровой компетентности, адаптации программ электронного участия людей третьего возраста в различных проектах гражданской и социальной активности требуют дальнейшего изучения и экспертных опросов. С этой целью существующий портал «Университет третьего возраста» (УТВ, ИТМО) модернизируется и на его основе формируется экспертное сообщество — площадка для профессионалов с признанным опытом и компетенцией в области проблем активного долголетия и авторитетными претензиями на релевантные знания в проблемной области третьего возраста, которая включает фонды, волонтерские организации, некоммерческие организации, комитеты социальной защиты и социальной политики, КЦСОНЫ, информатизаторов различного уровня, ученых и преподавателей с сохранением образовательной и культурно-информационной функций.

Одной из важных областей модернизации является расширение масштабов эффективного участия пожилых людей в более широких сферах гражданской, политической и общественной жизни, выход за рамки портрета четко сформулированного потребителя социальных и иных услуг. Концептуальная модель общественно-профессиональной экспертизы опирается на: концепцию стейкхолдеров Э. Р. Фримена, позволяющую справиться со многими проблемами в работе через налаживание эффективного взаимодействия с представителями заинтересованных сторон; критическую эвристику проектирования социальных систем В. Ульриха, которая позволяет учитывать

нормативные ценности и установки «заинтересованных лиц» при модернизации существующей или проектировании новой социальной системы, организовывать диалог между субъектами с двумя типами мышления: практическим (обыденным) и экспертным (системным); концепцию эпистемологических сообществ П. Хааса, организующую учет мнения сети экспертов при определении проблем, с которыми сталкиваются государственные органы, содействующую выработке решений и оценке результатов их реализации (Зотов 2022). Логика работы строится на обобщении разрозненной информации по проблеме экспертно-аналитической деятельности для разработки концептуальной модели умного конфигурирования экспертно-аналитической деятельности на цифровой платформе портала УТВ. Для этого на портале будут использованы интернет-форумы, блоги и телеконференции; web-страница (анкета в формате HTML); стандартный веб-опросник; самозагружающийся опросник; online-фокус-группы. Использование этих инструментов позволит проводить социологические исследования, направленные на изучение повышения гражданской, политической и общественной активности пожилых граждан: создавать e-mail-анкету, используя возможности встроенного текстового редактора; задавать тип вопроса и соответствующие поля для заполнения для различных типов вопросов (например, открытых, полузакрытых, дихотомических, оценочных и др.); проводить логический контроль, проверять полноту заполнения опросника; работать с базами электронных адресов и заложенными в них признаками, что очень удобно для формирования целевой выборочной совокупности, например по половозрастному признаку; использовать функцию рассылки подготовленного опросника заданной выборочной совокупности, используя сервер, на котором работает исследователь; использовать базу ответов, что позволяет следить за ходом формирования выборочной совокупности, иметь промежуточные результаты; использовать встроенный мастер визуализации полученных распределений в виде графиков и диаграмм, а также множество других возможностей.

Заключение

Рост количества и сложности общественно значимых проблем, связанных со «структурным отставанием» U3A (Riley and Riley 1994), привел к необходимости создания экспертного сообщества с целью

активизации гражданского и профессионального потенциала его участников (Бабинцев, Надуткина, Сапрыка 2015) и предприятия «рефлексивного организованного усилия» (Formosa 2014a: 56). Под структурным отставанием понимается дисбаланс между сильными сторонами и возможностями растущего числа пожилых и отсутствием ролевых возможностей в обществе использовать эти сильные стороны и возможности пожилых граждан (Formosa 2014a: 57). Другой серьезной проблемой в деятельности УЗА, как отмечает М. Формоса (Formosa 2021в) и другие исследователи, являются гендерные различия участия в образовательной геронтологии, герогогике и феминизация сферы образования взрослых как барьер на пути привлечения мужчин к обучению в УЗА. Опросы, проведенные в Ирландии, Великобритании и Австралии, показали, что мужчины составляют лишь 25% участников (Formosa 2021в: 1; Carragher, Golding 2015). Как показали результаты двухлетней программы «Мужчины учатся в сообществе» УЗА на Мальте, переориентация программ обучения на потребности и интересы пожилых мужчин, прежде всего на практическую пользу на данном этапе их жизни и сопряженность с их прежним профессиональным опытом, может увеличить процент участия мужчин в программах обучения в УЗА (Formosa 2021в: 11). Привлечение экспертов в различных областях взаимодействия с пожилыми людьми поможет трансформации УЗА в важное для пожилых пространство, позволяющее большему числу участников более полно ощущать жизнь, улучшая ее качество.

Примечательно, что основание УЗА представляло собой первую реальную возможность для пожилых людей не только участвовать в неформальном обучении, но и с помощью этого движения преодолеть широко распространенный стереотип о пожилых людях как о нуждающихся и зависимых в пользу восприятия этой группы как независимых, трудолюбивых и творческих граждан. Дальнейшее развитие движения УЗА возможно только в том случае, если будут расширены горизонты обучения, улучшено качество и принята более широкая программа участия, учитывающая физические и когнитивные проблемы пожилых людей (Formosa 2019б). Более того, потенциал возможностей УЗА как платформы, с помощью которой они могут высказать свое мнение по социально важным проблемам, также еще недооценен. В данном случае экспертно-аналитическая платформа выступает центром консолидации и самоорганизации стейкхолдеров для осуществления диалога и сотрудничества.

Источники

Бабинцев В. П., Надуткина И. Э., Сапрыка В. А. Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе // *Власть*. — 2015. — Т. 22, № 7. — С. 5–9.

Варламова Ю. А. Межпоколенческий цифровой разрыв в России // *Мир России*. — 2022. — Т. 31, № 2. — С. 51–74. — DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74.

Видясова Л. А., Григорьева И. А. Предметное поле исследований активного / отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер.: Социология*. — 2023. — Т. 16, вып. 1. — С. 4–26. — DOI: 10.21638/spbu12.2023.101.

Груздева М. А. Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. — 2022. — Т. 15, № 4. — С. 228–241. — DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.14.

Зотов В. В. Организация экспертной деятельности на цифровых сетевых платформах // *Управленческое консультирование*. — 2022. — № 11 (167). — DOI: 10.1017/S0144686X12000797.

Carragher L., Golding B. Older men as learners: Irish men's sheds as an intervention // *Adult Education Quarterly*. — 2015. — Vol. 65, iss. 1. — P. 152–168. — DOI: 10.1177/0741713615570894.

Formosa M. Four decades of Universities of the Third Age: past, present, future // *Ageing & Society*. — 2014. — Vol. 34, iss. 1. — P. 42–66. — DOI: 10.1017/S0144686X12000797.

Formosa M. Universities of The Third Age // *Encyclopedia of Gerontology and Population Aging* / Ed. by D. Gu, M. Dupre. — Cham: Springer, 2019. — P. 1–6. — DOI: 10.1007/978-3-319-69892-2_412-1.

Formosa M. From invisibility to inclusion: Opening the doors for older men at the University of the Third Age in Malta // *Gerontology & Geriatrics Education*. — 2022. — Vol. 43, iss. 4. — P. 443–445. — DOI: 10.1080/02701960.2021.1913413.

Locsin R. C., Soriano G. P., Juntasopeepun Ph., Kunaviktikul W., Evangelista L. S. Social transformation and social isolation of older adults: Digital technologies, nursing, healthcare // *Collegian*. — 2021. — Vol. 28, iss. 5. — P. 551–558. — DOI: 10.1016/j.colegn.2021.01.005.

Martinez-Pecino R., Lera M. J., Martinez-Pecino M. Active seniors and mobile phone interaction // *Social Behavior and Personality*. — 2012. — Vol. 40, no. 5. — P. 875–880. — DOI: 10.2224/sbp.2012.40.5.875.

Mason M., Sinclair D., Berry C. Nudge or Compel? Can behavioural economics tackle the digital exclusion of older people? // *International Longevity Centre UK* [сайт]. — 2012. — URL: <https://ilcuk.org.uk/nudge-or-compel-can-behavioural-economics-tackle-the-digital-exclusion-of-older-people/> (access date: 09.11.2023).

Morris A., Goodman J., Brading H. Internet use and non-use: views of older users // *Universal Access In the Information Society*. — 2007. — Vol. 6, no. 1. — P. 43–57. — DOI: 10.1007/s10209-006-0057-5.

Riley M. W., Riley J. Jr. Structural lag: past and future // Age and structural lag: Society's failure to provide meaningful opportunities in work, family, and leisure / Ed. by M. W. Riley, R. L. Kahn, A. Foner. — New York: John Wiley & Sons, 1994. — P. 15–36.

Selwyn N. The information aged: a qualitative study of older adults' use of information and communications technology // Journal of Aging Studies. — 2004. — Vol. 18, no. 4. — P. 369–384. — DOI: 10.1016/j.jaging.2004.06.008.

Slegers K., van Boxtel M. P. J., Jolles J. Effects of computer training and Internet usage on the well-being and quality of life of older adults: a randomized, controlled study // The Journals of Gerontology. Series: Psychological sciences and social sciences. — 2008. — Vol. 63, no. 3. — P. 176–184. — DOI: 10.1007/BF03324898.

Vaportzis E., Clausen M. G., Gow A. J. Older adults perceptions of technology and barriers to interacting with tablet computers: A focus group study // Frontiers in Psychology. — 2017. — Vol. 8. — DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01687.

References

Babintsev V. P., Nadutkina I. E., Sapryka V. A. Expert community as a subject of civil participation in the region. *Vlast'*, 2015, vol. 22, no. 7, pp. 5–9. (In Russ.)

Carragher L., Golding B. Older men as learners: Irish men's sheds as an intervention. *Adult Education Quarterly*, 2015, vol. 65, iss. 1, pp. 152–168. DOI: 10.1177/0741713615570894.

Formosa M. Four decades of Universities of the Third Age: past, present, future. *Ageing & Society*, 2014, vol. 34, iss. 1, pp. 42–66. DOI: 10.1017/S0144686X12000797.

Formosa M. Universities of the Third Age. In Gu D., Dupre M. (eds.). *Encyclopedia of Gerontology and Population Aging*. Cham, Springer, 2019, pp. 1–6. DOI: 10.1007/978-3-319-69892-2_412-1.

Formosa M. From invisibility to inclusion: Opening the doors for older men at the University of the Third Age in Malta. *Gerontology & Geriatrics Education*. 2022, 43 (4), pp. 443–445. DOI: 10.1080/02701960.2021.1913413.

Gruzdeva M. A. Age factor of the digital divide: edges of inequality. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2022, vol. 15, no. 4, pp. 228–241. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.14. (In Russ.)

Locsin R. C., Soriano G. P., Juntasopeepun Ph., Kunaviktikul W., Evangelista L. S. Social transformation and social isolation of older adults: Digital technologies, nursing, healthcare. *Collegian*, 2021, vol. 28, iss. 5, pp. 551–558. DOI: 10.1016/j.colegn.2021.01.005.

Martinez-Pecino R., Lera M. J., Martinez-Pecino M. Active seniors and mobile phone interaction. *Social Behavior and Personality*, 2012, vol. 40, no. 5, pp. 875–880. DOI: 10.2224/sbp.2012.40.5.875.

Mason M., Sinclair D., Berry C. Nudge or Compel? Can behavioural economics tackle the digital exclusion of older people? *International Longevity Centre UK* [website]. 2012. URL: <https://ilcuk.org.uk/nudge-or-compel-can-behavioural-economics-tackle-the-digital-exclusion-of-older-people/> (access date: 09.11.2023).

Morris A., Goodman J., Brading H. Internet use and non-use: views of older users. *Universal Access In the Information Society*, 2007, vol. 6, no. 1, pp. 43–57. DOI: 10.1007/s10209-006-0057-5.

Riley M. W., Riley J. Jr. Structural lag: past and future. In Riley M. W., Kahn R. L., Foner A. (eds.). *Age and structural lag: Society's failure to provide meaningful opportunities in work, family, and leisure*. New York, John Wiley & Sons, 1994, pp. 15–36.

Selwyn N. The information aged: a qualitative study of older adults' use of information and communications technology. *Journal of Aging Studies*, 2004, vol. 18, no. 4, pp. 369–384. DOI: 10.1016/j.jaging.2004.06.008.

Slegers K., van Boxtel M. P. J., Jolles J. Effects of computer training and Internet usage on the well-being and quality of life of older adults: a randomized, controlled study. *The journals of gerontology. Series Psychological sciences and social sciences*, 2008, vol. 63, no. 3, pp. 176–184. DOI: 10.1007/BF03324898.

Vaportzis E., Clausen M. G., Gow A. J. Older adults perceptions of technology and barriers to interacting with tablet computers: A focus group study. *Frontiers in Psychology*, 2017, vol. 8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01687.

Varlamova Yu. A. Intergenerational digital divide in Russia. *Mir Rossia*, 2022, vol. 31, no. 2, pp. 51–74. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74. (In Russ.)

Vidyasova L. A., Grigor'yeva I. A. Subject field of active/delayed aging research: results of scientometric analysis and mapping. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 4–26. DOI: 10.21638/spbu12.2023.101. (In Russ.)

Толстикова Ирина Ивановна, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО), Санкт-Петербург, Россия.
tolstikova_irina@mail.ru

Tolstikova, Irina I., Doctor of Philosophy, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; national Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (ITMO University), St. Petersburg, Russia.
tolstikova_irina@mail.ru

ДАННЫЕ, МЕТОДЫ, МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-22.q5x1-cy17

EDN: NECHVP

УДК 303.442.4

Г. В. Каныгин

НАРРАТИВ VS СЕТЕВОЙ ПОДХОД В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Нарратив рассматривается в статье как общепринятый способ описания социальных процессов и как аналитическая процедура. Современный нарратив дает исследователю неформальные и формальные возможности оперирования своим знанием. Неформальная сторона нарратива трактуется нами в терминах исследовательских смыслов, понимание которых определяет привилегию человека на выражение и использование своего латентного знания. Формальная сторона — привычный текст — заставляет аналитика оперировать смыслами своего повествования посредством текстового потока. Сетевой подход в социологии (СПС) представлен как одна из социологических идей, которые возникают в результате неудовлетворенности социологов современным нарративом в качестве основного инструмента описания социальных процессов. СПС трактуется как «методологический ориентир», который позволяет понять необходимость осуществления в социологии эпистемологического сдвига от традиционного нарратива к моделям дискретного знания в качестве инструментов описания общества. Статья обосновывает, что сетевое представление предмета социологического исследования следует реализовывать как аналитическую процедуру, замещающую плоский текст в качестве формальной компоненты нарратива. Преимуществом такой процедуры являются мощные структурные возможности выражения латентного знания исследователя. В качестве главных требований к заявленной процедуре рассмотрены ее возможности по: соотносению теоретических выводов с фактами на основе смысловой связности исследовательских утверждений; выражению сложности социальных явлений за счет инструментального отслеживания смысловых связей без ограничения на их объем; преодолению концептуальной разобщенности социальных ученых с помощью методов командной работы, разработанных в современной информатике. В разделе дискуссии на примере прикладного социологического исследования показано, каким образом предлагаемый структурный нарратив способен повлиять на концептуальные действия исследователей, занятых в прикладных проектах.

Ключевые слова: сетевой подход в социологии, нарратив, проблема построения дискретного знания в социологии.

GENNADY V. KANYGIN

NARRATIVE VS SOCIAL NETWORK THEORIES IN CONTEXT OF SCIENTIFIC METHODOLOGY

The article treats narrative as a generally accepted tool of describing social processes and as an analytical procedure. Modern narrative provides the researcher with informal and formal opportunities to operate with his knowledge. The informal side of the narrative is interpreted as researcher's meanings, the understanding of which determines human's privilege to express and use his latent knowledge. The formal side, called "plain text" in informatics, makes the analyst to operate with the meanings of his story telling by means of the textual stream. The network approach in sociology (NAS¹) is presented as one of the sociological ideas that arise because of sociologists' dissatisfaction with modern narrative as the main tool for describing social processes. NAS is interpreted as a "methodological guideline" that allows us to understand the need for an epistemological shift in sociology from traditional narrative to discrete knowledge models as tools for describing society. The article substantiates that NAS should be implemented as an analytical procedure that replaces textual stream as a formal component of the narrative. The advantage of this procedure is the powerful structural possibilities for expressing the researcher's latent knowledge. As the main requirements for the claimed procedure are formulated as: correlating theoretical conclusions with facts based on the semantic coherence of research statements; expressing the complexity of social phenomena through instrumental tracking of semantic connections without restrictions on their volume; overcoming the conceptual disunity of social scientists by means of teamwork methods developed in modern computer science. The discussion section uses the example of applied sociological research to show how the proposed structural narrative can influence the conceptual actions of researchers engaged in applied sociology.

Keywords: network approach in sociology, narrative, elaborating discrete knowledge for sociological applications.

Введение

Данная публикация является второй в серии работ автора, посвященных формулировке научных проблем социологического исследования применительно к сетевому подходу в социологии (СПС). Первая работа (Каныгин 2023) содержит анализ метафорической трактовки понятия «сеть» в рамках СПС и формулирование научной проблемы,

¹ Если бы эта статья была написана на английском языке, то вместо NAS мы предпочли бы другой социологический термин — Social Network Theories (Gamper 2022). Однако, соглашаясь с Д. Мальцевой в том, что сетевой подход — это «собирательное название для разных теорий и подходов, оперирующих понятием сети в разных смыслах» (Мальцева 2018: 3), в данном случае мы выбираем NAS, чтобы сохранить «смысловую композицию» термина, используемого на русском и английском языках.

возникающей как следствие такой трактовки. Сетевое представление предмета социологического изучения рассматривается как выражение идеи дискретного знания, проблематика которого активно разрабатывается в различных областях информатики и лингвистики.

Данная, вторая, работа серии исследует общенаучные требования, которым должно удовлетворять дискретное знание, возникающее как следствие развития идеологии СПС. В числе этих требований артикулированы: ориентация на фактологическое обоснование социологической теории, основанной на сетевых идеях; возможность явно отражать смысловую структурированность и огромную сложность социологического знания; применение современных методов организации командной работы социальных ученых, способствующих преодолению их концептуальной разобщенности.

Планируемая третья работа разъясняет ключевые этапы практического построения дискретного, словесно выраженного знания, удовлетворяющего методологическим требованиям и принципам, проанализированным в первых двух статьях серии. Такое знание мы называем структурным, или онтологическим, нарративом. В завершающей цикл третьей работе анализируются различные практические аспекты создания и применения онтологического нарратива на основе принципов и методов аналитического кодирования (Kanygin, Koretckaia 2021).

Проблема

Основной проблемой разработки методов сетевого представления предмета социологического исследования для всех трех работ заявленной серии оказывается создание моделей представления знания, способных объединить в одной аналитической процедуре два концептуально разных подхода к артикулированию научных взглядов на современное общество. С одной стороны, сугубо гуманитарное словесное повествование, осуществляемое посредством нарратива², с другой — дискретное представление знания, реализуемое на идеях информационных технологий (Noy, McGuinness 2000). Принципиальная разница между этими направлениями состоит в том, что в первом случае описание социальных процессов отчетливо использует категорию смысла, возникающую вследствие использования нарратива, представляющего собой сложившийся в гуманитарных науках общепринятый способ описания социальных явлений. Во втором случае — формальные методы построения знания, разработка которых осуществляется без обращения к категории смысла (*ibid.*).

² Storytelling Sociology: Narrative as Social Inquiry, 2004.

Своеобразие СПС как специфической методологической предметной области социологии в рамках этой дилеммы состоит в том, что представление о сети, на первый взгляд сугубо инструментальное, реализуется в основных работах, относящихся к этой области, в т. н. метафорическом смысле, т. е. в виде нарратива. В этих работах в качестве репрезентации сети предлагается не структурная модель, например семантическая сеть или когнитивная карта, а вновь создаваемый исследовательский нарратив, включающий в себя сетевые понятия, например узел, ребро, путь и т. п. (Каныгин 2023).

Разработанность сетевого подхода как научного метода в социологии. Метафорическая vs инструментальная трактовка понятия сети

В предыдущей работе (*ibid.*) актуальность СПС объяснена тем, что с помощью этого подхода сугубо гуманитарный научный дискурс, каким является социологическое исследование, получает эпистемологический ориентир в развитии своего научного инструментария — от нарратива, т. е. осмысленного текстового потока, к дискретным моделям социологического знания.

В работе (*ibid.*) высказано методологическое кредо, призывающее осуществлять разработку сетевого подхода в социологии путем *координации двух основных современных исторически сложившихся общенаучных практик* (как синоним: традиций) *описания общества* — социологической, использующей нарратив в качестве безусловного инструментального средства, и информационной, опирающейся на формальные методы управления знаниями. Основываясь на метафорической репрезентации идеи сети, принятой в СПС, это кредо выражено посредством исследовательского нарратива, т. е. не подкреплено какими бы то ни было инструментальными спецификациями сетевой идеи, например, в виде графа какого-либо определенного вида. Однако мы убеждены, что, следуя словесной декларации, присутствующей в названии подхода, идея сетевой репрезентации предмета социологического исследования должна быть доведена до инструментального представления, способного сыграть роль дискретного знания, воплощающего сетевой подход в ожидаемо структурной форме.

В данной работе мы разьясняем идею *координации социологической и информационной традиций описания общества*, вводя представление об *аналитической процедуре*, которая совмещает в себе две функциональности исследовательских действий, различающих эти сложившиеся

общенаучные практики в ходе коллективного взаимодействия исследователей. Ключевая специфика функциональности социологической традиции инструментально выражается посредством нарратива, представляющего человеку возможность оперировать словесно выраженными смыслами с помощью формально определенного текста (Каныгин 2022). Специфическая функциональность информационных практик выражена онтологическими методами концептуальной работы с формально выраженными знаниями (UML 2015). Эти методы основаны на инструментально представленных и детально разработанных отношениях: дискретности аналитических обозначений, их полиморфизма, наследования свойств и других структурных моделях, первоначально предназначенных для научного описания процессов и явлений вне дискурса социологии. Структурные взаимосвязи моделей, создаваемых посредством онтологических методов, многократно превосходят возможности текстового потока, используемого как инструмент современного социологического нарратива (Каныгин 2022). Таким образом, применение онтологического моделирования позволяет предоставить последователю СПС новые инструментальные возможности сетевой репрезентации предмета социологического исследования, расширяя существующее метафорическое понимание идеи сети.

Развивая идею аналитической процедуры, мы используем как прообраз конкретное инструментальное решение, опробованное нами в области анализа качественных данных под названием «аналитическое кодирование» (Kanygin, Koretskaia 2021). Разработанное в рамках традиции качественной социологии с целью смысловой реконструкции исследователем словесных свидетельств информанта, аналитическое кодирование представляет собой инструмент концептуализации, реализованный в виде компьютерной программы (Каныгин, Полтинникова, Корецкая 2017). Спецификой функциональности этого инструмента является переплетение техник смыслового и онтологического оперирования словесно выраженным знанием.

Аналитическое кодирование и методики его практического применения (ibid.) показывают, каким образом можно представить себе сетевой подход не метафорически, а как систему дискретного знания, дающую в распоряжение социолога инструментальный аппарат информатики. Применительно к СПС такая система автоматически включает в себя сетевую репрезентацию предмета социологического исследования. В то же время инструментальная сетевая репрезентация (как синоним: социологическое знание) строится исследователем на основе словесно выраженных смыслов, т. е. в рамках сугубо гуманитарной эпистемологической традиции.

Мы стремимся заимствовать, усовершенствовать и внедрить в более общий социологический дискурс, развиваемый сегодня с помощью традиционного текстового нарратива, инструментальный аппарат реконструирования смыслов, появившийся и нашедший широкое применение в методах качественного социологического исследования. Этот замысел строится на понимании полюсов «метафорическое» vs «сетевое», характерных для СПС, как выражение более общей современной методологической коллизии в социологии — «неформальное» vs «формальное». Эта коллизия укоренилась в социологическом сознании, а в практике социологического исследования она часто выглядит как разделение концептуальных ролей его участников. В рамках единого научного проекта социолог описывает ту или иную сферу социума неформально, т. е. посредством нарратива, а инженер по знаниям («математик», моделер) предлагает те или иные модели, которые он строит, используя социологический нарратив в качестве инструмента концептуального общения с социологом для выяснения предмета моделирования (Gavrilova, Alsufyev, Yanson 2014).

Опираясь на исследования в областях управления знаниями (Kanygin, Kononova 2021) и качественных методов социологического исследования (Kanygin, Koretckaia 2021), мы вынуждены отметить недостаток такой схемы разрешения указанной коллизии, основанной на компетентностях разных специалистов. При ее принятии социолог воспроизводит трудную для себя ситуацию реконструирования смыслов, характерную для его «фактологического» общения исследователем — информантом в рамках качественного исследования. Трудность ситуации обусловлена тем, что один человек (в случае качественного исследования им оказывается исследователь) стремится воспроизвести с помощью собственного нарратива «фактологическое» словесное повествование другого человека (информанта), рассказывающего об общем для них социологическом предмете. Главное «концептуальное замешательство», возникающее при попытках осмысленного объяснения одного нарратива посредством вновь создаваемого словесного повествования, состоит в неизбежном, плохо контролируемом расхождении смыслов, которые видят за одними и теми же словами приверженцы разных нарративов (Bazeley 2012).

Это различие смыслов, возникающее в «головах разных людей» (Wagner 2006), может быть объяснено естественными социальными причинами — люди имеют разный жизненный опыт, занимают разные позиции на социальной лестнице, относятся к разным психологическим типам и т. д. Формулируя проблему СПС, мы исходим из того, что существует также причина, относящаяся к области управления знаниями и подлежащая учету в ходе дальнейшей разработки инструментального

аппарата социологии, в частности СПС. Причина состоит в том, что социологическая и информационная традиции описания общества имеют разные принципы своей организации и функционирования. Именно эту причину коллизии «формальное» vs «неформальное» в социологии призвана устранить в ходе своего создания и совершенствования предлагаемая нами аналитическая процедура.

Текст — это преходящий инструмент оперирования смыслами

В работе (Каныгин 2023) показано, что само появление в гуманитарном дискурсе понятия сети при описании предмета социологического исследования означает переход в рамках этого исследования от нарратива, в качестве безусловного метода анализа социума, к дискретным моделям представления социологического знания. Ключевая трудность восприятия современными сторонниками СПС проблем такого перехода состоит в укоренившемся исследовательском восприятии современного нарратива как «природой данного» и потому необсуждаемо релевантного неформального метода описания социальных явлений. Согласимся с тем, что современный нарратив представляет собой неформальный способ описания чего бы то ни было, в частности, общественных процессов.

Однако позволим себе обратить внимание на методологический факт, который можно наблюдать в практике любого нарративного общения людей — от бытовой беседы до актов государственного документооборота. Взаимодействуя с помощью нарратива, с одной стороны, люди понимают друг друга благодаря своему неформальному умению оперировать смыслами. С другой стороны, смыслы становятся доступными участникам нарративного общения не сами по себе, а только с помощью текста. Текст, в отличие от смыслов, которые за ним кроются, представляет собой в полной мере формальную конструкцию, называемую в информатике плоским текстом (plain text).

С помощью текста автор нарратива словесно реконструирует свое латентное знание в явном виде слов. Аналогичное концептуальное действие по реконструированию своего латентного знания совершает социолог, когда с целью получения данных для аналитической работы воспроизводит по смыслу нарративы информантов, в которых те излагают «факты», способствующие раскрытию темы исследования. Ключевой момент в этом концептуальном действии социолога по выявлению и соединению сообщаемых ему «фактов» — создание собственного исследовательского нарратива, т. е., во-первых, формирование своего

профессионального знания на основе анализируемых нарративов. Во-вторых, выражение своего профессионального знания в виде собственного словесного повествования.

В современной качественной социологии обобщение свидетельств информантов на основе их смыслов выполняется исследователем с помощью компьютерных программ, главным инструментом которых служат функции кодирования и реконструирования качественных данных (Каныгин 2007). В работе (Kanygin, Koretskaia 2021) мы высказали мнение, что основной трудностью социолога при смысловой реконструкции «фактологических» показаний информантов оказывается неспособность исследователя воспроизвести в необходимой мере с помощью функций кодирования и в конечном счете посредством собственного исследовательского нарратива многообразие смысловых отношений, понимаемых социологом в свидетельствах информантов.

В качестве решения этой проблемы в (ibid.) предложена инструментальная процедура под названием «аналитическое кодирование», чья функциональность значительно расширяет возможности исследователя по структурному моделированию смыслов, реконструирование которых составляет альфа и омега анализа качественных данных и всей «понимающей социологии». Расширение инструментальных возможностей новой версии нарратива мы связываем с использованием в его составе в качестве формального аппарата отношений модульной организации словесно выраженного знания. В число этих отношений, воспроизводимых аппаратом аналитического кодирования, также входят: наследование смыслов уже введенных обозначений; инкапсуляция смыслов в отдельных контекстах; компиляция всего объема знания на основе отдельных осмысленных словесных обозначений и другие аналитические техники, доказавшие свою эффективность при использовании информационных методов в решении практических задач по инновационному развитию общества.

Учитывая, что смысловое воссоздание в словесном виде собственного латентного знания является трудной задачей для автора любого повествования, мы считаем оправданным заместить формальную составляющую нарратива на человеко-машинную процедуру, функционально аналогичную аналитическому кодированию. Плоский текст, используемый сегодня в составе нарратива, просто не способен служить инструментом релевантного структурного воспроизведения смыслов, различаемых человеком в неформальной смысловой первооснове словесного повествования. Обращаясь к основной идее СПС, наше предложение означает, что мы считаем необходимым рассматривать сетевую репрезентацию предмета социологического исследования не

как самостоятельный метод, дополняющий социологический нарратив, а как часть самого нарратива.

Текст в составе нарратива мы понимаем как преходящий способ выражения и управления его смысловой компонентой, которая может и должна быть заменена в практике словесных повествований на более совершенную аналитическую процедуру выражения смыслов, составляющих неотъемлемую инструментальную специфику нарратива.

Совершенствование инструментальных возможностей текстового нарратива. Структурный аппарат выражения смыслов

Структурный нарратив, в котором формальная компонента представлена отношениями онтологической функциональности (см. выше), — это аналитическая процедура, выполняемая носителями знания об обществе и приводящая к структурированию такого знания в виде графа специального вида. В действиях, осуществляемых человеком посредством этой процедуры, укоренены две эпистемологические традиции, развивающие свои инструментальные возможности на разных эвристических принципах. Во-первых, нарративная, обосновывающая аналитические действия исследователя на основе смыслов, и формально-информационная, предлагающая онтологический аппарат моделирования аналитических действий, не учитывающий смысловые особенности исследовательских словесных конструкций.

Смысловая традиция означает, что нарратив в качестве инструмента социальной коммуникации существенно использует естественно-языковые навыки акторов, общающихся посредством нарратива. С помощью таких навыков актерам удастся организовывать практику своего общения на основе взаимно понимаемых смыслов.

В своем подходе мы не даем определения того, что такое смысл. Мы основываемся на факте, известном из практики человеческого общения. Чтобы выражать и понимать смыслы с помощью текста, человеку не нужно давать определения того, как устроен механизм самого понимания. Он использует естественно-языковые навыки, которыми умеет пользоваться каждый, не зная, как они устроены. Каким образом такой подход реализуется в техниках анализа качественных данных, детально разобрано в работе (Kanygin, Koretskaia 2021). Мотив подхода состоит в том, чтобы не искать замену человеческому разуму, а побудить человека с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) полнее выражать свои практические знания о происходящем с ним в обществе.

Напротив, формально-информационная традиция не использует категорию смысла. Однако в противовес функционально слабой потоково-текстовой организации сегодняшнего нарратива подходы современной информатики позволяют создавать и практически применять мощный структурно-аналитический аппарат, потенциально способный разрешить трудности разработки социологической теории посредством исследовательского нарратива (Каныгин 2022).

Критерии оценки формальной компоненты нарратива

Согласно вышеизложенным рассуждениям, современный нарратив представляет собой две ипостаси, проявляющиеся в процессе практического применения, — смысловую и формальную. В нашем нынешнем исследовании проблем сетевой репрезентации словесного повествования мы предлагаем заменить формальную компоненту, существующую сегодня в виде потока символов, на специальный аппарат структурирования, который приводит к сетевому представлению изучаемого социологического предмета. Нарратив, получаемый исследователем с помощью предлагаемого аппарата, мы называем структурным. Структурный нарратив, так же как его традиционный текстовый прототип, является двойственной аналитической процедурой, т. е. позволяет автору нарратива при своем применении с целью описания чего-либо задействовать как смысловую, так и формальную компоненты. Причем в части своей смысловой компоненты предлагаемый нами аналитический инструмент ничем не отличается от своего традиционного предшественника — этой компонентой является знание человека, полученное им в процессе жизни и в зависимости от ситуации его использования именуемое экспертным, неформальным, латентным, профессиональным, неявным и т. п.

Выдвигая тезис о двойственности нарратива, мы уже сейчас предвидим, что нам будет необходимо доказывать преимущество собственного подхода. Такое доказательство мы задумываем провести путем сравнения функциональных достоинств плоского текста и онтологического аппарата структурирования, которые играют роль формальных компонент сравниваемых видов нарратива. В связи с таким замыслом нам необходимо уже сейчас обсудить критерии, которые могут быть положены в основу будущих сравнений традиционного и структурного видов словесного повествования.

Трудность таких сравнений в том, что общенаучные критерии, появившиеся как средства оценки методов в естественно-научных областях науки, не предполагают нарратив в качестве метода описания явлений

в этих областях. Тем самым формулировки критериев не опираются на смысловую компоненту, которая является принципиально важной составляющей любого нарратива. Ниже мы показываем, каким образом известные требования к обоснованности научных утверждений, могут быть видоизменены с учетом двойственности нарратива, используемого в качестве научного инструмента социологии.

Методы

Статья рассматривает и использует нарратив как базовый метод представления знания в социологии, основанный на смысловом связывании отдельных словесных утверждений, представленных носителем знания (человеком) в виде текстового потока. Конкурирующим методом представления знания служит его дискретное выражение, на котором строятся современные информационные технологии (Noy, McGuinness 2000). Одним из таких выражений оказывается понятие сети, лежащее в основе сетевого подхода в социологии. В качестве инструментального метода, совмещающего смысловое оперирование знаниями посредством нарратива и структурное представление, рассматривается аналитическая версия кодирования в анализе качественных данных (Kanygin, Koretskaia 2021).

Задачи

Подчеркнуть существование в социологии проблемы перехода от нарратива, выражающего знание исследователя в виде потока текста, к дискретному представлению знания, накапливаемого в социологических исследованиях.

Сформулировать дополнительные общеметодологические требования к аналитической процедуре, внедрение которой в социологический дискурс знаменует решение проблемы перехода от нарративного к дискретному выражению предмета социологического исследования.

Артикулировать взаимосвязанные проблемы социологического исследования, которые должны учитываться при использовании сетевого подхода в социологии. В числе основных: некритическое использование нарратива, приводящее к созданию «литературных теорий»; огромная сложность социальных процессов; как следствие, необходимость распараллеливания объектов и процессов, изучаемых в социологическом исследовании; трудности разработки методов коллективного создания социологического знания, синтезирующих традиционную смысловую основу человеческого общения и принципы оперирования знанием в информатике.

Основные результаты

Нарратив в качестве инструмента неформального описания социальных явлений представлен как двойственная аналитическая процедура, чья функциональность обеспечивается исследователем в процессе практического применения неформальной и формальной компонент. Неформальная компонента представляет собой латентное знание человека. Формальная компонента — это поток текста, с помощью которого исследователь выражает свое латентное знание, являющееся результатом накопленного им профессионального опыта.

Обоснована перспективность совершенствования нарратива как основного исследовательского инструмента в социологии путем замены текста в качестве необходимой формальной составляющей на более мощный структурный аппарат. Необходимость разработки и внедрения такого аппарата объяснена расширением исследовательских возможностей структурного воспроизведения словесных смыслов, используемых человеком в процессе концептуальной социологической работы. Получаемая путем такой замены аналитическая процедура названа структурным, или онтологическим, нарративом.

Проанализированы требования к функциональности нарратива как специфического инструмента социологического исследования, которые позволяют сравнивать традиционный и структурный виды нарратива в качестве методов научных исследований в области социологии с учетом смысловой основы любого нарратива.

Особенности научного знания в социологии

Нарратив — это научный инструмент, получивший признание исследователей в рамках гуманитарной традиции изучения общества. В качестве исследовательского инструмента нарратив должен удовлетворять общенаучным методологическим критериям. Наша трактовка нарратива как аналитического метода, специфика которого обусловлена смысловой подоплекой словесно формулируемых исследовательских утверждений, заставляет обратить внимание на соответствующие изменения в формулировках общенаучных критериев, традиционно ориентированных на естественно-научные предметные сферы.

В данной работе мы привлекаем три исследовательские позиции в области методологии науки, принятие которых приводит к ясным критериям оценивания исследовательских взглядов, претендующих на статус научного метода или научной теории. Во-первых, критика экономической теории, развитая М. Алле и предлагающая повышать

релевантность концептуальных усилий исследователей за счет соотнесения теоретических утверждений с фактами (Allais 1990). Во-вторых, призыв Дж. Урри к коллегам при исследовании социальных систем и процессов обращать самое пристальное внимание на то, что сложность последних представляет собой отдельную проблему (Urry 2005). В-третьих, тезис Й. Арнасона о необходимости преодоления концептуальной разобщенности социологов при их совместной работе в междисциплинарных проектах (Arnason 2001).

На примере этих известных научных позиций мы анализируем, каким образом критерии научной состоятельности исследовательских взглядов, развитые на основании «общенаучной логики» и вполне убедительные применительно к естественно-научным областям, оказываются тесно связанными с категорией смысла и тем самым применимы к оценке разных видов нарратива в качестве научных инструментов социологического исследования.

Фактологическая основа описания социальных процессов

Работая в области экономики, Алле называет экономическую теорию «литературной», если ее утверждения слабо подкреплены общепринятыми приемами обоснования научных выводов. Одним из основных приемов, способных повысить релевантность теоретических утверждений, он видит в ясном соотнесении этих утверждений с фактами. Алле придерживается общенаучного взгляда, согласно которому устранить или смягчить «литературность» исследовательской концепции следует за счет обращения к фактам, недвусмысленно указываемым при ее изложении. Автор этой статьи берет на себя смелость отнести тезис о необходимости опоры на факты также к социальной теории.

Несомненно, что «опора на факты» является основополагающим общенаучным методологическим принципом. Однако в социологии эта идея вряд ли может быть реализована в широко распространенном естественно-научном понимании. Причины наших сомнений можно видеть на примере качественного социологического исследования. Для социолога предъявить факты, учитываемые его теорией посредством качественных методов, означает воспроизвести смыслы естественно-языковых свидетельств, сообщенных ему информантом. Проблемой оказывается уже то, что смыслы, различаемые двумя разными людьми, информантом и социологом, в одном и том же нарративе на поверку оказываются разными (Bazeley 2012).

Конечно, в идеале, обращение к свидетельствам другого человека способно сделать теоретические утверждения социолога более обоснованными. На этой основополагающей идее построен анализ качественных данных в составе качественного исследования (Kanygin, Koretskaja 2021). Однако для того, чтобы эта идея оказалась реализована, необходимо соблюдение двух условий, выполнение которых возлагается на исследователя. Во-первых, нарратив, передающий факты от информанта к социологу, должен содержать в своих высказываниях смыслы, одинаково понимаемые каждым из общающихся с его помощью людей. Во-вторых, сам процесс воспроизведения исследователем свидетельств информанта должен давать возможность отслеживать многочисленные взаимно переплетенные смысловые связи, априорно являющиеся разными в огромном числе «предметно пересекающихся» социальных ситуаций.

Что касается первого условия, то общенаучным решением проблемы унификации смыслов разных акторов, работающих в общей для них предметной области, является осуществление ими совместной концептуальной практики. Сегодня такое решение остается во многом умозрительным, т. к. сама практика в бесчисленных социологических предметных областях организуется противоречивым образом — с одной стороны, на основе человеческого смыслового общения посредством нарратива, с другой — с помощью ИКТ, т. е. на формальных принципах управления знаниями (см. введение). Замена или дополнение нарратива сетевой конструкцией выглядит шагом в правильном направлении. Тем более что возрождается надежда на релевантность математических методов в социологии (Калинина 2018).

Относительно второго условия заметим, что социальные процессы и явления всегда представляют собой огромную систему взаимозависимых связей, которые характеризуются сложностью своих переплетений (Urry 2005). Выражение таких переплетений в виде сети нуждается в пояснении, каким образом сетевое представление будет способствовать адекватной репрезентации сложности, которую должен воспроизвести аппарат социологической теории.

Сложность социальных явлений

Спецификой сетевого подхода является обязательное использование понятия сети. Это же понятие выражает собой частный случай дискретных моделей знания, широко представленных в современной информатике. Обращение к понятию сети вне дискурса информатики обосновано необходимостью учета эпистемологических особенностей этого понятия, например метафоричности, которые не рассматриваются

в компьютерных науках. Однако несколько менее «обязательное» понимание сети в социологии по сравнению с информатикой не отменяет двух условий, которые характерны для прагматики научного использования представления о сети. Во-первых, применение исследователем сетевого подхода в социологии не должно приводить к потере смысловых связей, конструируемых с помощью нарратива и лежащих в основе представления о сети. Во-вторых, сетевой подход в социологии должен способствовать инструментальным решениям, которые выглядят не менее убедительными по сравнению с широко используемыми в информатике методами представления дискретных знаний. Например, Unified Modelling Language (UML 2015).

Сложность социальных явлений представляет собой известную проблему социальной методологии (Urry 2005). Общеизвестным методом решения этой проблемы в общем случае является декомпозиция наблюдаемого явления на отдельные составляющие с последующим синтезом результатов анализа по этим составляющим в единое концептуальное целое. Однако ключевым пунктом этого общенаучного подхода является предъявление системы понятий, которая способна осуществить требуемую декомпозицию осмысленным образом. В естественно-научных областях эта задача решается посредством системы координат. Количественная социология заимствует в свой арсенал этот общий метод, с некоторыми оговорками, под названием признакового пространства (property space (Barton 1962)).

В качественной социологии и в социологических теориях, где основным инструментом концептуальных построений оказывается нарратив, необходимость инструментальной декомпозиции изучаемых явлений отходит на второй план. Исследователи сосредотачиваются на том, чтобы все более полно словесно выразить предметные аспекты того, что они описывают. В результате затушевывается проблема смысловой взаимоувязанности этих аспектов, и предметная область социологии получает все большее число интересных, но трудноводимых друг к другу словесных интерпретаций.

Не вызывает сомнения, что смещение исследовательского внимания в сторону все более «полного», но все более труднообозримого словесного изложения их взглядов в рамках той или иной предметной области не означает решение или санкционирование отказа от решения обсуждаемой проблемы сложности. Просто в случае нарратива декомпозиция осуществляется за счет оперирования с его помощью смыслами в условиях, когда, во-первых, не вполне понятно, что такое смысл (Dragicevic et al. 2020). Во-вторых, всегда верно, что «человек знает больше, чем может высказать» (Polanyi 1966). Эта неустранимая

неполнота выражения собственного знания человеком порождает принципиальное сомнение в том, что авторы словесных рассказов в принципе способны в необходимой мере изложить свои обширные знания об обществе, используя для этой цели нарратив в качестве инструментального средства.

Без инструментального использования смыслов в нарративной гуманитарной традиции не обойтись, но это не означает, что таким образом автоматически решается проблема сложности социальных явлений, изучаемых в социологических проектах. Нужны специальные методы структурирования словесного знания, дискретно выражаемого на основе смыслов в виде отдельных высказываний.

Если же следовать основополагающей идее сетевого подхода — внедрению сетевых понятий в социологический дискурс, то придется объяснять, каким образом такой подход способствует декомпозиции невероятно сложных социальных явлений, для анализа которых он предназначен. Фактически, следуя своим методологическим установкам, сторонники сетевого подхода вступают в концептуальное соревнование с разработчиками современных ИКТ: чей инструментарий окажется более релевантным при решении проблемы сложности социальных явлений?

Концептуальная разобщенность исследователей в междисциплинарных проектах

Обратим внимание, что разрешение проблемы декомпозиции знания о социальных объектах и явлениях имеет разные мотивы в естественно-научных и гуманитарных дисциплинах. В первом случае исследователи с помощью декомпозиции создают теорию существующего объекта, которая является одной и той же для всех акторов, практически применяющих эту теорию. Скажем, теория полета летательного аппарата описывает происходящее с материальным телом при перемещении в трехмерном пространстве одинаковым образом для летчика и наблюдателя полета с земли.

В отличие от такого деперсонифицированного естественно-научного подхода, в социологии заранее известно, что, во-первых, любое явление любой человек описывает посредством нарратива на основе сугубо индивидуальных смыслов. Во-вторых, одно и то же явление разные носители знания, взаимодействующие посредством нарратива, всегда будут описывать различающимися текстами (Bazeley 2012). Поэтому декомпозиция в социологии нужна в первую очередь не для построения окончательной картины того, что происходит в обществе, а для

организации концептуального взаимодействия социальных акторов, осуществляемого посредством нарратива. Речь идет о конструировании социального знания, которое создается посредством нарратива в силу необходимости согласования коллективных действий, осуществляемых в процессе социальной коммуникации.

Арнасон называет эту процедуру коллективного применения нарратива для описания предмета социологического исследования координацией концептуальной исследовательской работы, выполняемой в междисциплинарных социологических проектах (Arnason 2001). Суть проблемы в инструментальном ответе на ряд ключевых вопросов. Среди которых: каким образом согласовать между собой разнообразные парадигмально разобщенные научные подходы современных исследователей? С помощью каких инструментальных средств и методов скоординировать коллективные концептуальные усилия представителей разных отраслей науки, занятых в междисциплинарном изучении социальных объектов и явлений?

Современный прагматический ответ социологов предельно прост — как всегда, с помощью нарратива. Нарратив позволяет соединить действия людей разных предметных интересов и методологических пристрастий в единой процедуре словесного общения по поводу какого-то предмета. Инструментально такое объединение оказывается возможным за счет того, что нарратив позволяет людям использовать привычные с детства навыки осмысленных действий с текстом. Однако этот путь приводит к созданию «литературных теорий» (см. выше), т. е. конструированию словесных построений, как правило, взаимно оспариваемых их адептами. Поэтому, не подвергая сомнению смысловую основу человеческих взаимодействий, необходимо усовершенствовать на современных научных принципах способы ее инструментального выражения. Одним из таких способов может оказаться сетевой подход. Однако в его рамках необходимо ясно продемонстрировать, каким образом он будет содействовать коллективной междисциплинарной концептуальной работе исследователей, практически воплощающей общенаучный принцип декомпозиции изучаемых социальных процессов.

Дискуссия

Наши рассуждения об аналитической процедуре в качестве формальной компоненты нарратива, замещающей функциональность сетевого подхода, мы подытожим рядом тезисов, объясняющих ход нашей мысли на примере прикладного социологического исследования. В качестве типичного образца такого исследования обратимся к работе М. Соколова

и Н. Соколовой (Соколов, Соколова 2020), в которой описываются результаты построения социальной структуры Санкт-Петербурга на основе анализа дружеских связей жителей города.

С позиций развиваемого нами подхода, это исследование изложено посредством типичного социологического нарратива, формальная компонента которого представлена структурами двух видов — плоским текстом и двумерными таблицами. Высоко оценивая стремление к фактологическому обоснованию научных выводов, мы считаем полезным пояснить, какие конкретные концептуальные действия, осуществляемые исследователями посредством нарратива, могли бы стать прозрачнее в случае усовершенствования функциональности его формальной компоненты.

Как нарратив используется исследователем при осуществлении своих концептуальных действий? Посредством нарратива исследовательские понятия выражаются и связываются между собой их авторами на основе смыслов отдельных словесных утверждений (Каныгин 2022). Видоизменение текста нарратива в ходе этого процесса мы называем концептуальными действиями исследователя. Опираясь на нарратив, его автор неизбежно в рамках одной и той же концептуальной процедуры одновременно, с одной стороны, основывает свое изложение на общепотребительных понятиях, смыслы которых выражены и согласованы в трудах предшественников. Например, *выборка*¹, *население*, *социальная структура*. С другой — придает этим же понятиям специфические смыслы, неизбежно возникающие из-за предметной специфики их собственного исследования.

Используя понятия, которые мы встречаем в статье, этот процесс может быть пояснен следующим образом. Например, *выборка* — с позиций преимущества научного поиска, это общеизвестное понятие, не раз использованное в работах предшественников. Такая общеизвестность передается путем смыслового связывания (как синоним: установления смысловых коннотаций) понятия *выборка* с такими концептами, как *население*, *опрос*, *анкета*, и другими, необходимыми для понимания того, что такое *выборка*. При этом такие коннотации характеризуют понятие *выборка* не только в трудах предшественников, но и в рассматриваемой работе. Именно связи такого рода составляют общенаучный смысл понятия *выборка*, который авторы просто заимствуют, т. е. справедливо подразумевают уже разработанным предшественниками.

¹ Здесь и далее курсивом обозначены исследовательские понятия, различаемые нами при чтении в составе нарратива.

Однако одновременно для каждого проводимого исследования понятие *выборка* характеризуется также второй группой смысловых коннотаций, которые специфицируют² уже существующие общеупотребительные связи с терминами *население*, *опрос*, *анкета* и другими. Скажем, *население* не «вообще», а применительно к *городу Санкт-Петербургу*, т. к. опрос проводится в конкретном городе; *дружеская связь*, т. к. *выборка* нужна для анализа *дружеских связей*, которые определяются относительно конкретного *населения*; *кластер*, т. к. проводится классификация выявленных *дружеских связей*, и т. п.

Процесс разграничения понятий на «свой», т. е. разрабатываемые в рамках своего исследования, и «чужие», т. е. развитые усилиями предшественников, неизбежен для любого социологического начинания. Такой процесс является каноном каждого научного проекта, включая их социологические образцы. Мы хотим, чтобы автор научных результатов для их лучшего понимания читателями представил свои аналитические размышления и выводы в виде отдельных концептов и явных связей между ними. Таким образом, он смог бы радикально явственнее выразить проводимые им концептуальные действия по сравнению с рутинным обращением к привычному потоку текста.

Такие концептуальные дискретные действия вовсе не являются каким-то новшеством для социолога по двум причинам. Во-первых, потому, что сама идея структурного представления социологического знания витает в социологическом сообществе. Об этом свидетельствуют: возникновение и развитие самого сетевого подхода; повсеместно наблюдаемое в социологических статьях дополнение нарратива разного рода структурными моделями, выражающими исследовательское знание в виде таблиц, диаграмм, рисунков, графиков и других наглядных конструкций; богатый опыт применения компьютерных пакетов анализа качественных данных как инструментов смысловой реконструкции нарратива информанта социологами-качественниками (Kanygin, Koretckaia 2021). Во-вторых, любой гуманитарий, оказываясь время от времени пользователем, например, Windows, приобретает опыт смысловой реструктуризации своего знания. Это случается, например, в процессе выстраивания с помощью приложения Проводник системы папок не в виде потока слов, а посредством наглядной структуры графа. При этом социолог, как любой другой пользователь, руководствуется именно смыслами обозначений, которыми он именует папки.

² Дополняют, урезают или переопределяют применительно к конкретному исследованию.

Зачем социологам нужен переход на дискретное представление социологического знания, аналогичное «папкам Windows»? Прежде всего, чтобы добиться прозрачности концептуальных шагов любого социологического исследования, осуществляемых его авторами в условиях смыслового обоснования их рассуждений и неограниченного объема информации, привлекаемой в качестве данных исследования. В частности, ограничиваются возможности участников проводимого изыскания по намеренной или неосознанной подмене понятий, возникающих в процессе аналитической работы. Это происходит вследствие того, что структурно представленные смысловые связи значительно более определенно фиксируют замысел человека по сравнению с традиционным нарративом, бесконечно изменяемого его авторами в *ad hoc* манере.

Кроме того, не вечно же социологам игнорировать принципы организации знания, наработанные в информатике за последние пятьдесят лет и доказавшие свою состоятельность при создании исконно социологического предмета исследований — информационного общества? Переходя на дискретные методы выражения знания о социуме, социологическое сообщество приближается к решению проблемы несоответствия принципов и методов, используемых в гуманитарной и информационной традициях описания общества. Как продемонстрировано в работе (Kanygin, Koretckaia, 2021), наш подход ведет к созданию оригинальных компьютерных методов организации концептуальной работы, осуществляемой с помощью нарратива на основе смыслов. Сегодня приверженность нарративу в качестве научного инструмента интеллектуальных взаимодействий лишает гуманитария возможности применять мощный аппарат командной работы, широко используемый в современных ИКТ. В частности, из-за огромной массы понятий, неизбежно присущей любому социологическому исследованию и синкретически передаваемой с помощью нарратива, крайне затруднено концептуальное распараллеливание аналитической работы, осуществляемой командой исследователей.

Мы хотели бы, чтобы все исследовательские понятия, обосновывающие авторские словесные утверждения, как те, что встречаются в плоском тексте, так и те, которые в дискретном виде сведены ими в таблицы, были представлены авторами как единая структура, выражающая отдельные концептуальные шаги, предпринятые самими коллегами при их интеллектуальном продвижении от названия статьи к конкретным исследовательским утверждениям, знаменующим ее выводы. В частности, чтобы в рамках единой смысловой структуры оказались явно выражены все концептуальные действия, которые

приводят к тому, что *название занятия в составе кластера* получает *числовую оценку*.

Почему авторы рассматриваемой публикации не поступают в соответствии с рекомендациями науки об управлении знаниями уже сегодня? Потому что требуемое смысловое структурирование понятий невозможно выполнить посредством нарратива, который они применяют. Они выражают свое знание в виде текстового потока, который откровенно структурно слаб по сравнению со смысловыми коннотациями понятий, подлежащими выражению в словесном виде. Именно из-за слабых структурных возможностей текстового нарратива современные исследователи обращаются к более мощным инструментальным средствам, которыми являются, например, разные версии сетевых представлений. В частности, сами авторы рассматриваемой работы обращаются к одному из таких средств — таблице, которая предоставляет новые возможности по сжатию концептуальных построений авторов, но не объясняет, на каких смысловых основаниях происходит такое сжатие.

Почему наше методическое пожелание оправдано? Мы не предлагаем выполнять никакой другой концептуальной работы, кроме той, которую неизбежно проводят не только авторы рассматриваемой статьи, но и огромного числа других научных начинаний. Более того, наше предложение реализуемо на тех же неформальных принципах, которыми фактически руководствуются социологи сегодня. Учитывая экспертный характер нарративного описания чего-либо, авторы должны опираться на собственный исследовательский опыт, а читатели должны довериться социологическому профессионализму авторов.

Все, что мы хотим, — это чтобы понятия, выражаемые авторами посредством нарратива, «складывались» ими не в поток символов, а в структуру, которая проявляет смысловые связи нарратива. По существу, нарратив остается нарративом, т. е. словесным описанием, основанным на смыслах. Только все разъяснения, необходимые для изложения своих взглядов, авторы проводят в одном и том же структурном нарративном формате. При этом исследователи по-прежнему неявно руководствуются «критерием собственного профессионализма». Однако выражают смысловые связи своего словесного повествования в наглядной структурной форме. Собственно, тем самым отвечая скрытым чаяниям адептов многочисленных социологических нарративов, в которых *de facto* представлены разные дополнительные способы связывания исследовательских утверждений в виде таблиц, рисунков от руки, графиков и многих других. В частности, СПС оказывается одним из таких способов.

Заключение

Социологический нарратив — это одновременно и предметное описание чего-либо в виде осмысленного текста, и структура смысловых связей, обосновывающих исследовательские понятия. Сетевой подход в социологическом исследовании представляет собой идею дополнения нарратива в качестве основного социологического инструмента сетевой версией дискретного знания. Трудность сетевого подхода состоит в том, что принципы и методы его разработки сильно разнятся от исследователя к исследователю. В то же время все социальные ученые взаимодействуют посредством нарратива. Поэтому, опираясь на это эпистемологическое согласие социологического сообщества, нужно стремиться к совершенствованию инструментального аппарата самого нарратива, позволяющего членам сообщества по-прежнему, в соответствии с гуманитарной традицией, основываться на смыслах своих социальных действий.

Наряду с нарративом информационные методы также вполне успешно применяются для описания и анализа социальных связей в обществе, а также для их конструирования. Именно благодаря этим методам удалось построить современное информационное общество. В социологическом сообществе сложилась устойчивая тенденция дополнять текстовое описание предмета социологического исследования различного рода информационными форматами представления знания — таблицами, диаграммами, графами, рисунками и т. п. Учитывая эту тенденцию, необходимо при развитии социологических методов, в частности сетевого подхода, усовершенствовать формальную компоненту социологического нарратива, предоставив в распоряжение социологов функциональность информационных технологий.

Стратегическое совершенствование сетевого подхода видится на пути создания компьютерной концептуальной среды, которая совмещала бы метафорическое понимание сети с развитыми методами ее коллективного построения командой исследователей, имеющих разные научные компетентности и принадлежащих к разным научным школам. Основным функционалом такой среды должно стать обеспечение концептуального взаимодействия социологического сообщества посредством структурного нарратива, соединяющего в одной аналитической процедуре смысловые и информационно-технологические средства выражения социологического знания и оперирования им.

Источники

Калинина Е. Лекция «Сущность сетевого анализа в гуманитарных науках» // Изучаем Digital Humanities [Электронный ресурс]. — 2018. — URL: <https://dhumanities.ru/?p=1880> (дата обращения: 27.10.2023).

Каныгин Г. В. Инструментальные средства и методологические принципы анализа качественных данных // Социология 4М. — 2007. — № 25. — С. 77–98.

Каныгин Г. В. Проблемы сетевого подхода в социологии // Петербургская социология сегодня. — 2023. — № 21. — С. 72–88.

Каныгин Г. В. Проблемы смысловой реконструкции социологического нарратива // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Социология. — 2022. — Т. 15, вып. 3. — С. 224–237. — DOI: 10.21638/spbu12.2022.303.

Каныгин Г. В., Полтинникова С. М., Корецкая В. С. Опыт построения социального знания на основе компьютерных онтологических методов // Социологический журнал. — 2017. — Т. 23, № 3. — С. 25–41.

Мальцева Д. В. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социологические исследования. — 2018. — № 4. — С. 3–14.

Соколов М. М., Соколова Н. А. Среды, а не классы: паттерны горизонтальной стратификации в современной городской России // Экономическая социология. — 2020. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredy-a-ne-klassy-patterny-gorizontalnogo-stratifikatsii-v-sovremennoy-gorodskoy-rossii> (дата обращения: 27.10.2023).

Allais M. La science économique d'aujourd'hui et les faits // Revue des Deux Mondes. — 1990. — Juin. — P. 54–74.

Arnason J. Civilizational Patterns and Civilizing Processes // International Sociology. — 2001. — Vol. 16, no. 3. — P. 387–405.

Barton A. H. The Concept of Property Space // The Language of Social Research. A reader in the Methodology of Social Research / Ed. by P. F. Lazarsfeld, M. Rosenberg. — New York: Free Press of Glencoe, XIII, 1962. — P. 40–53.

Bazeley P. Regulating qualitative coding using QDAS? // Sociological Methodology. — 2012. — Vol. 42, no. 1. — P. 77–78.

Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E., Gronau N. A Conceptual Model of Knowledge Dynamics in the Industry 4.0 Smart Grid Scenario // Knowledge Management Research & Practice. — 2020. — Vol. 18, no. 2. — P. 199–213.

Gamper M. Social Network Theories: An Overview // Social Networks and Health Inequalities / Ed. by A. Klärner, M. Gamper, S. Keim-Klärner, I. Moor, H. von der Lippe, N. Vonneilich. — Cham: Springer, 2022. — DOI: 10.1007/978-3-030-97722-1_3.

Gavrilova T., Alsufyev A., Yanson A.-S. Modern Notation of Business Models: Visual Trend // Foresight-Russia. — 2014. — Vol. 8, no. 2. — P. 56–70. URL: <http://foresight-journal.hse.ru/data/2014/07/10/1311938700/5-Gavrilova.pdf> (access date: 15.10.2023).

Kanygin G., Kononova O. Conceptual Approach to Express Tacit Knowledge by Human–Machine Interactions // Digital Transformation and New Challenges.

Lecture Notes in Information Systems and Organisation / Ed. by E. Zaramenskikh, A. Fedorova. — 2021. — Vol. 45. — DOI: 10.1007/978-3-030-71397-3_5.

Kanygin G., Koretckaia V. Analytical Coding: Performing Qualitative Data Analysis Based on Programming Principles // *The Qualitative Report*. — 2021. — Vol. 26, no. 2. — P. 316–333.

Noy N. F., McGuinness D. L. *Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology*. — 2000. — URL: http://protege.stanford.edu/publications/ontology_development/ontology101.html (access date: 15.10.2023).

Polanyi M. *The tacit dimension*. — New York: Doubleday and Company, 1966. *Storytelling Sociology: Narrative as Social Inquiry* / Ed. by R. J. Berger, R. Quinney. — Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2004. — 305 p.

UML: Unified Modeling Language 2.5. — 2015. — URL: <https://clck.ru/SMAJH> (access date: 15.10.2023).

Urry J. *The Complexities of the Global* // *Theory, Culture & Society*. — 2005. — Vol. 22, no. 5. — P. 235–254.

Wagner Ch. *Breaking the Knowledge Acquisition Bottleneck Through Conversational Knowledge Management* // *Information Resources Management Journal*. — 2006. — Vol. 19, no. 1 (Jan.–March.). — P. 70–83.

References

Allais M. La science économique d'aujourd'hui et les faits. *Revue des Deux Mondes*, 1990, juin, pp. 54–74.

Arnason J. Civilizational Patterns and Civilizing Processes. *International Sociology*, 2001, vol. 16, no. 3, pp. 387–405.

Barton A. H. The Concept of Property Space. In Lazarsfeld P. F., Rosenberg M. (eds.). *The Language of Social Research. A reader in the Methodology of Social Research*. Eds.. New York, Free Press of Glencoe, XIII, 1962, pp. 40–53.

Bazeley P. Regulating qualitative coding using QDAS? *Sociological Methodology*, 2012, vol. 42, no. 1, pp. 77–78.

Berger R. J., Quinney R. (eds.). *Storytelling Sociology: Narrative as Social Inquiry*. Boulder, CO, Lynne Rienner Publishers, 2004, 305 p.

Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E., Gronau N. A Conceptual Model of Knowledge Dynamics in the Industry 4.0 Smart Grid Scenario. *Knowledge Management Research & Practice*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 199–213.

Gamper M. Social Network Theories: An Overview. In Klärner A., Gamper M., Keim-Klärner S., Moor I., von der Lippe H., Vonneilich N. (eds.). *Social Networks and Health Inequalities*, Cham, Springer, 2022. DOI: 10.1007/978-3-030-97722-1_3.

Gavrilova T., Alsufyev A., Yanson A.-S. Modern Notation of Business Models: Visual Trend. *Foresight-Russia*, 2014, vol. 8, no. 2, pp. 56–70. URL: <http://foresight-journal.hse.ru/data/2014/07/10/1311938700/5-Gavrilova.pdf> (access date: 15.10.2023). (In Russ.)

Kalinina E. Lecture “The essence of network analysis in the humanities”. *Izuchayem Digital Humanities*, 2018. URL: <https://dhumanities.ru/?p=1880> (access date: 27.10.2023). (In Russ.)

Kanygin G., Kononova O. Conceptual Approach to Express Tacit Knowledge by Human–Machine Interactions. In Zaramenskikh E., Fedorova A. (eds.). *Digital Transformation and*

New Challenges. *Lecture Notes in Information Systems and Organisation*, 2021, vol. 45. DOI: 10.1007/978-3-030-71397-3_5. (In Russ.)

Kanygin G., Koretckaia V. Analytical Coding: Performing Qualitative Data Analysis Based on Programming Principles. *The Qualitative Report*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 316–333. (In Russ.)

Kanygin G. V. Problems of semantic reconstruction of the sociological narrative. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, 2022, vol. 15, iss. 3, pp. 224–237. DOI: 10.21638/spbu12.2022.303. (In Russ.)

Kanygin G. V. Problems of the network approach in sociology. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*, 2023, no. 21, pp. 72–88. (In Russ.)

Kanygin G. V. Tools and Methodological Principles of Qualitative Data Analysis. *Sotsiologiya 4M*, 2007, no. 25, pp. 77–98. (In Russ.)

Kanygin G. V., Poltinnikova S. M., Koretskaya V. S. Experience in constructing social knowledge based on computer ontological methods. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2017, vol. 23, no. 3, pp. 25–41. (In Russ.)

Maltseva D. V. Network approach as a phenomenon of sociological theory. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2018, no. 4, pp. 3–14. (In Russ.)

Noy N. F., McGuinness D. L. *Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology*, 2000. URL: http://protege.stanford.edu/publications/ontology_development/ontology101.html (access date: 15.10.2023).

Polanyi M. *The tacit dimension*. New York, Doubleday and Company, 1966.

Sokolov M. M., Sokolova N. A. Environments, not classes: patterns of horizontal stratification in modern urban Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2020, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredy-a-ne-klassy-patterny-gorizontalnyy-stratifikatsii-v-sovremennoy-gorodskoy-rossii> (access date: 27.10.2023). (In Russ.)

UML: Unified Modeling Language 2.5, 2015. URL: <https://clck.ru/SMAJH> (access date: 15.10.2023).

Urry J. The Complexities of the Global. *Theory, Culture & Society*, 2005, vol. 22, no. 5, pp. 235–254.

Wagner Ch. Breaking the Knowledge Acquisition Bottleneck Through Conversational Knowledge Management. *Information Resources Management Journal*, 2006, vol. 19, no. 1 (Jan.–March), pp. 70–83.

Каныгин Геннадий Викторович, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
g.kanygin@gmail.com

Kanygin, Gennady V., Doctor of Sociology, Leading Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.
g.kanygin@gmail.com

ИНДИВИД, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-22.17y3-7j95
EDN: ZTONER
УДК 316.346.36

А. Г. Щёлкин

ФЕНОМЕН «ОТЦЫ И ДЕТИ»: УТОЧНЯЯ ТЕКУЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Принято считать, что феномен «смена поколений» характеризует именно «современный» тип социума. Для «традиционного» общества «смены поколений» не существует. Онтологический подход позволяет, однако, понять, что «современность» в «современных обществах» совсем не достигается формальной «сменой поколений». Поколения могут меняться, но общество от этого может оставаться далеко не «современным». Почему? Онтологический подход содержит ответ на этот вопрос.

Ключевые слова: смена поколений, онтология, «значимое поколение».

ALEXANDER G. SCHELKIN

THE “FATHERS AND SONS” PHENOMENON: CLARIFYING CURRENT IDEAS

It is generally accepted that the phenomenon of “generational change” characterizes precisely the “modern” type of society. For a “traditional” society, “generational change” does not exist. The ontological approach allows us, however, to understand that “Modernity” in “modern societies” is not at all achieved by a formal “change of generations”. Generations may change, but society may still remain far from “modern.” Why? The ontological approach contains the answer to this question.

Keywords: generational change, ontology, “significant generation”.

Отцы — содержание без силы,
дети — сила без содержания.

И. С. Тургенев

Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало менее требовательным и еще менее счастливым — и абсолютно не готово к взрослой жизни и что это значит для всех остальных?

Дж. Твенге.

Поколение обладателей айфонов

Феномен «поколение»: когда мнения социологов расходятся

Понять характер развития социума и его исторический прогресс через феномен «смены поколений» — вполне оправданная попытка, которую мы наблюдаем с определенных пор у ряда социологов. У нас большие надежды на эту тему возлагал Т. Шанин (Отцы и дети 2005). Для него феномен «отцов» и «детей» оставался индикативен как, собственно, в семейном, так и социетальном масштабах. С этой точки зрения разница «состояний» смежных поколений как будто бы является живым свидетельством социума в его цивилизационном и, опять же, прогрессивном измерении. Т. Шанин был вполне убежден, что всякое (другое) поколение наглядно демонстрирует наблюдателю «как собственно через категорию „поколение“ важнейшие элементы „цивилизации“, механизмы репродукции культуры [...] манифестируют себя не сами по себе, не абстрактными „институтами-учреждениями-структурами“, а именно „на уровне индивидуумов“» (Отцы и дети 2005: 27), на уровне индивидуальных биографий, на уровне «человеческого материала».

Не отождествляя человеческую субстанцию «поколение» с упомянутыми институтами-учреждениями-структурами, многие авторы склонны трактовать феномен «поколения» в духе «активистской школы» Э. Гидденса и П. Бурдьё. Иначе говоря, попытка увидеть в «поколении» то человеческое «агентство», через которое «работает» История и Современность, — с точки зрения профессора Т. Шанина, не лишена своего эвристического основания.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что многие авторы подходят к феномену «поколение» как такому «социальному образованию», которое по своей организационной и материальной «прочности»

не уступает таким «устойчивостям», как «социальный институт», «организация», «класс» и т. д. Достаточно сослаться на мнение двух известных авторов «теории поколений» В. Штрауса и Н. Хоува о том, что влияние поколенческого фактора «столь же могущественно (а мы считаем, и более могущественно), как экономические и социальные классы, расы, пол, религии и политические партии» (Strauss, Howe 1991). Другой американский социолог, Л. Фойер, еще раньше прибег даже к дерзкой параллели: «История всех до сих пор существовавших обществ есть история борьбы между поколениями» (Фойер 1969).

И, конечно, обзор адептов и сторонников взгляда на «новое / молодое поколение» как одного из главнейших факторов «модернизации» социума будет неполным, если не сослаться на икону американской «культурной антропологии» М. Мид. В своей классификации внутр поколенческих отношений (по такому критерию, как «кто у кого учится своему будущему») она выделяет не только случай «традиционного общества», когда передача знаний идет почти исключительно от взрослых к детям (в мидовской классификации это «постфигуративное общество»), но и тот вариант, который отвечает природе «современного общества», где убедительно присутствует передача знаний от детей к взрослым (в редакции, предложенной М. Мид, это кейс «префигуративного общества»).

Вместе с тем другие социологи — среди них и отечественные, такие как Ю. Левада и Вл. Ядов (Отцы и дети 2005), оценивали более осторожно и даже критически возможности «молодого поколения» быть маркером и источником «позитивных» изменений в жизнеустройстве человеческого общества. Действительно, идейная и экзистенциальная устойчивость «молодого поколения» в противостоянии консервативным порядкам часто не выдерживает социальных и политических испытаний: протест нередко заканчивается конформизмом и уходом в гражданское небытие. Например, о мгновенном исчезновении поколения декабристов писал А. Герцен: «Когда Чаадаев возвратился [после восстания декабристов], он застал другое общество и другой тон [...]. Аристократическая независимость, гвардейская удаль александровских времен — всё исчезло с 1826 годом» (Герцен 1975: 224).

О том, что «поколению» часто не хватает онтологической, «сущностной» упроченности в жизни общества (а если даже такая обоснованность и налицо, то превосходящие силы властного истеблишмента и «молчаливого большинства» легко сводят на нет значимое присутствие такого «обоснованного» поколения), — этому достаточно свидетельств и в более свежие времена. Причем наблюдается устойчивая

закономерность: авторитарные и недемократические режимы используют откровенный аппарат насилия в противостоянии тому «поколению», которое несет в себе «программу будущего» — конкретно, программу либеральных и демократических ценностей. История восхождения и поражения поколения «детей XX съезда» и последующего диссидентства — тому хрестоматийный пример. В то же время в странах западной демократии можно наблюдать другой, скорее ненасильственный, способ «выяснения отношений» с «протестующим», «антисистемным», «анархическим», «либеральным» и т. д. поколением. Здесь чаще всего имеет место «мелиорация» социума без «революций» и слома базовых институтов. «Революция студентов» в конце 1960-х в США и Западной Европе, с одной стороны, способствовала прогрессу в области гражданских прав населения, а с другой стороны, не сопровождалась государственным террором и насилием над протестующей молодежью. Более того, мы наблюдаем «социализирующий» эффект «системы» в отношении «бунтующего поколения». Яркой иллюстрацией могла бы служить история смены образа мыслей и жизни с послевоенных времен в американской молодежной среде — «хиппи», «иппи», «яппи».

«Хиппи» — это генерация молодых американцев, которая, не выражая четких политических требований, удалась от буржуазного образа жизни в мир рок-культуры, свободных сексуальных отношений, бродячего или «общинного» времяпрепровождения. Это как бы потерянное для «системы» поколение 1950–1960-х гг. «Иппи» (1960–1970-е гг.) заявили себя более категорично и с заметной претензией на политический активизм (борьба против войны во Вьетнаме, участие в выборах центральных и местных властей и проч.). Выступления носили откровенно театрализованный и аффективный характер. Властный истеблишмент, однако, не сильно затрудняясь, одерживает победу. Бунтари и протестанты превращаются в «яппи» (с 1980-х гг.) — успешных бизнесменов и предпринимателей. Американец Джерри Рубин (1938–1994) — пример такой трансформации. В 1960-е он кумир бунтующей молодежи. Пишет книгу «DO IT!» с характерным подзаголовком «Сценарии для революции». Собирает многотысячные митинги, а уже в начале 1980-х становится биржевым маклером и заявляет: «Зарабатывать деньги — это нормально!»

И еще раз для сравнения двух способов «умиротворения» «поколенческого» сопротивления. Русский декабрист писал из ссылки в Сибири: «Теперь в официальных бумагах называют меня: государственный преступник <...> В Англии сказали бы: Лунин, член оппозиции» (Парсамов 2016).

Что следует понимать под субъектностью «поколения»?

Как бы там ни было в связи с упомянутым желанием части социологов видеть в «новом» поколении «индикатор» социальной динамики развития социума, встает вопрос о том, насколько существенно, онтологически «укоренено» всякое «новое поколение» в структуре социального бытия. Прочность всякой генерации в этом случае складывается из двух условий. Во-первых, насколько «новые люди» способны выражать «вызовы времени», «момент истины», «дух времени», образ «потребного будущего» и проч. И, во-вторых, насколько остальная часть социума («властные структуры» и, так сказать, «народные массы») готовы «легитимизировать» (признать и даже призвать) миссию «нового поколения». Здесь как раз кроется загадка и разгадка *субъектности* всякого поколения. В случае «декабристов 1825 года», похоже, указанные условия их субъектности не совпали в том смысле, что декабристы были ближе к «моменту истины» и «духу современности», чем «остальное общество».

В целом же, когда мы ищем признаки субъектности поколения, мы, собственно, решаем вопрос: «субъекты» представляют только самих себя и не несут в себе никакой «императивности самой действительности», или же данные «субъекты» суть в лучшем случае «персонажи повседневности», то есть пребывающие вне значимой социальной и исторической размерности, суть «неукорененные» натуры, в худшем варианте — чистые анархисты? Таким образом, в полном соответствии с классической методологией, всякую субстанцию (вещь, феномен) надо, действительно, брать под знаком ее (возможной) субъектности, опять же активности, которая вместе с тем не произвольна, а является выражением «объективного», «субстанционального», как говорил еще Гегель.

Другими словами, «поколение», как человеческое, субъектное сообщество, только в том случае может быть показателем (цивилизационного) «обновления общества», если оно представляет собой не только самое себя, но и нечто большее. Это «нечто большее» обозначают по-разному: «Zeitgeist» (Гёте), поколение, «олицетворяющее зрелость своей эпохи» (Ортега-и-Гассет), поколение, «задающее тон», генерация «ключевых», «универсальных» интенций. На социологическом наречии этот сущностный подход закрепился сегодня в виде такого выражения, как «значимое поколение». Сообщества людей, не отвечающие этому онтологическому критерию, хотя и существующие совместно и одновременно (синхронно) с таким «значимым поколением», можно сказать, не подпадают под категорию «поколение». Их можно классифицировать как просто «присутствующие», о которых легендарный Гераклит

говорил с характерной аттической щепоткой соли: «присутствуя, они отсутствуют», а Виктор Шкловский в сугубо научной манере называл «синхронистами» (Отцы и дети 2005).

Субъектность поколения предполагает и такой закономерный вопрос со стороны социолога: а что, собственно, делает «поколение» целостной и неделимой «социальной вещью / предметностью», что позволяет феномену «поколение» отличаться от других социальных феноменов, например таких, как класс, семья, сетевое сообщество и т. д. При этом очевидно, что упроченность и цельность обеспечивается, например: класса — собственностью (на средства производства), разделением труда и проч.; семьи — характером биологического родства, культурным кодом, сопровождающим воспроизводство и функционирование семьи и проч.; сетевого сообщества — средствами коммуникации и проч. Иначе говоря, обеспечивается вполне предметно ощутимыми средствами. «Поколение» же, как его понимают в общественных науках (в отличие от демографического понятия «когорта»), «держится», воспроизводится, конструируется идейными средствами, паттернами сознания и поведения и даже «модой на поколение». И в этом смысле поколение — это дух поколения. И поэтому поколение как социальный феномен уязвимо настолько, насколько *неадекватен* «злобе дня» и тем более «выбираемому будущему» этот самый багаж поколения (дух, идеи, сознание, психология). И, наоборот, «упроченность», «значимость», «судьбоносность» поколения обеспечивается *адекватностью* представлений и образов сознания «потребному будущему» у этого поколения.

Отсюда, между прочим, и склонность некоторых социологов, сравнивая «удельные веса» социальных институтов и социальных поколений, отдавать предпочтение «институтам-учреждениям-структурам» с их «реифицированной» (овеществленной) инфраструктурой в противоположность паттернам сознания и поведения в случае феномена поколения. По-видимому, отсюда и разница позиций исследовательского пафоса у Т. Шанина, с одной стороны, и у Ю. Левады и В. Ядова — с другой. Т. Шанин — больше с надеждой на прозренческую, мобилизующую силу сознания «нового поколения». Ю. Левада и В. Ядов — возможно, с более трезвой оценкой силы и возможностей «систем» и «структур», особенно «властных» систем и структур, и тем более в случаях «властных» систем и структур, не подпадающих под категорию «демократических». Не случайно проф. Левада в какой-то момент заговорил о «фантомных категориях», к разряду которых он стал относить и категорию «поколение». Точнее, так: «само перенесение на общественные процессы понятийного аппарата, характерного для рассмотрения „фамильной“ преемственности, приводит к ряду мнимых конструкций. Таковыми, например, являются

„смена“, „конфликт“, „разрыв“ поколений» (Отцы и дети 2005: 235). Это, конечно, не означает умаления Ю. Левадой «поколенческой тематики», а, напротив, ей находится не «альтернативное», а «дополняющее» место и функция в дискурсе, касающемся «обстоятельств социально-исторического развития [социума]» (Отцы и дети 7: 236).

В противоположность «человеческим поколениям», чья субъектность состоит, как уже говорилось, в практической активности и рефлексирующем сознании, «структуры» «не орут» и «не выходят на площади». «Структуры» («социальные отношения» — по старой марксистской лексике) осознаются, оцениваются «субъектами» текущего «поколения». Так что «поколения» не просто как простодушные жертвы проживают (часто для себя даже счастливо) свою жизнь как все те же «синхронисты», но, повторим, суть живые и коллективные субъекты истории.

«Нынче к упадку идут времена» (Лукреций)

Вместе с тем деление поколений на «онтологистов» (онтологически значимых представителей) и «синхронистов» (просто «присутствующих», «сопровождающих») не единственное деление и классификация человеческих поколений. Речь идет, собственно, о двух сценариях «смены поколений». Оба варианта легко прослеживаются как в масштабной истории социума в целом, так и в миниатюре фамильной (семейной) эволюции поколений.

Обе модели в социологии получили название, соответственно, «феномен Т. Джефферсона» и «динамика Будденброков». Первый случай соответствует очевидному сценарию — именно «смена поколений» разрушает консервативную устойчивость «традиционного общества» и дает шансы для развития лучших качеств и фазисов человеческого сообщества в лице «общества модерна» в самом широком смысле этого слова. Данный сценарий носит «идеальный» (он же «нормальный»), он же «классический» / «сущностный») характер, полный еще первоначального пафоса Просвещения, и передается словами, приписываемыми третьему американскому президенту Т. Джефферсону (1743–1883): *отец становится воином, чтобы его сын мог стать фермером, а сын его сына — поэтом*. Иначе говоря, в «прогрессивистской» формуле Т. Джефферсона изображена «смена поколений», как она могла бы совершаться, действительно, в «норме», или «идеально». Но реальность почти всегда не совпадает с «нормой», «идеалом», которые выступают тем не менее «регулирующим» и «ориентирующим» началом. В реальности поколения поджидает чаще всего иной сценарий — «динамика Будденброков».

После выхода романа Т. Манна «Будденброки. История гибели одного семейства» (1901) появилось устойчивое выражение «динамика Будденброков», которое как раз и описывает поколенческую деградацию когда-то могущественного семейства. Отец-основатель Иоганн Будденброк сделал карьеру на поставках зерна прусской армии. Ганно Будденброк — последний представитель рода, хрупкий молодой человек, болезненно погруженный в характерную манерность музыки эпохи декадентства и в этом пресыщении утративший трудолюбие, столь необходимое для подлинной музыкальной культуры.

Своеобразным философским эхом, отражающим этот феномен, представляется обобщение Л. Шестова: «Праздность [...], и именно праздность [...] вольная, сознательная, презиращая всякий труд праздность, есть характернейшая черта нашего времени, — разумеется, я говорю о высших, обеспеченных классах общества, об аристократии духа» (Шестов 1971: 35). В том же духе опять же Л. Толстой в своей характеристике культурной деградации декадентствующего поколения писал: «Чем занимаются?! Чем занимаются?! И это литература? Вокруг виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — упругость пробки [имеются в виду стихи И. Северянина «Вонзите штопор в упругость пробки. // И взоры женщин не будут робки!»]. — А. Щ.».

Конечно, социум, в конце концов, как-то справляется с опасностью, заложенной в «динамике Будденброков», и, в частности, самосохранение «фамильного капитализма» остается существенной чертой и современного бизнеса. «В Западной Европе, согласно одному исследованию, 44% из более 5 тыс. фирм в 13 странах находятся под семейным контролем. В списке Fortune-5000 19% находятся под семейным контролем» (Климов 2015). Однако как только общество оказывается затронутым структурным и институциональным кризисом, то явление, очень похожее на «динамику Будденброков», становится небезопасным спутником такого социума. В новейшей экономической истории России социологи отмечают тот факт, когда поколение «детей» уже часто не склонно продолжать удачный бизнес своих родителей. «Уровень потребностей и амбиций у детей в состоятельных семьях в большинстве случаев как минимум на порядок ниже, чем у отцов. В личных беседах только единицы называют в качестве желаемого уровня финансового благополучия уровень, сравнимый с родителями, — и для его обеспечения нет необходимости брать на себя ответственность и обязательства, связанные с управлением крупным сложным бизнесом [...] [«Самореализация»] представителей второго поколения капиталов [имеет] мало общего с российским бизнесом их родителей» (Шпак, Анищенко, Мисютина 2019).

Разрыв поколений и угроза цивилизационной непрерывности

Если в смене поколений заложена опасность разрыва цивилизационной непрерывности («отцы виноград ели, а у нас оскомина»), то естественный интерес социолога состоит в понимании того, какими возможностями располагает социум, чтобы противостоять подобной опасности. Эта постановка вопроса возвращает нас к теме «онтологической сущности / природы» человеческого поколения.

При такой постановке вопроса легко допустить, что эта сущность и природа всякого поколения сводится к тому, что любое поколенческое сообщество видит свое собственно человеческое существование не во всякой среде обитания (*milieu*), а в такой, по поводу которой такие мыслители, как, например, Гегель, всегда употребляют значимое выражение — «чувствовать себя как дома». При этом требование объективности никуда не девается и имеет не менее значимую силу, что буквально должно означать, насколько всякое «новое» поколение отвечает потребностям и задачам социума на его данном историческом этапе? В последнем случае для всякого «поколения» вариантов, собственно, два. Либо в результате «культурного декаданса» поколение «детей» вырождается до непереносимой неадекватности «текущему моменту», и тогда ситуацию «спасают» другие силы, как правило, с характерной установкой на варварскую неприхотливость. Либо поколение «детей», наоборот, поднимается до понимания социальной и исторической «повестки дня» («я ль буду ... подражать тебе, изнеженное племя переродившихся славян»), и тогда такое «поколение» сохраняет верность цивилизационному призванию, а сам феномен «смены поколений» получает свой позитивный, онтологический смысл.

В порядке иллюстрации первой «опции» Т. Шанин приводит рассуждения, идущие еще от Ибн Халдуна (XIV в.), о том, как работает «поколенческая причинность» на Востоке. Конкретно речь идет о династиях бедуинов, их переходе с воинственного на оседлый образ жизни в завоеванных городах, далее к материальному обогащению и неизбежной утрате воинского духа с последующим завоеванием их новыми пустынными племенами (Шанин 2005: 20). В самом общем виде этот сценарий «поколенческой смены» относится к лукрециевской картине мира: «нынче к упадку идут времена».

Неудивительно, что в этом случае встает неслабый и парадоксальный вопрос: не является ли упадок цивилизации (децивилизация) обязательным условием последующего возвращения к цивилизации, и не слишком ли такой маршрут оказывается рискованным и варварским — ведь

децивилизация может оказаться необратимо затянувшимся, а значит, более устойчивым состоянием, чем цивилизация? И не рождается ли перед лицом такой опасной «перспективы» сверхзадача и супермиссия всякого поколения по предотвращению такой, с позволения сказать, «перспективы». Иначе говоря, если признать, что значительный исторический период общество существует именно в таком негарантированном и незастрахованном состоянии (в терминах У. Бека, это случай «общества риска»), то спрашивается, не должна ли в дальнейшем «непрерывность цивилизации» обеспечиваться не ожиданием «пользы» от децивилизации и неоварварства, а скорее опорой на «текущее» поколение, точнее, на его внутренние и неизрасходованные ресурсы и возможности, на его политическую волю и способность держаться за «онтологический минимум» цивилизованности.

В чем состоит преемственность поколений?

«Легендарная» М. Мид была протагонистом «проспективной» (устремленной в будущее) модели поколения, когда старшие поколения учатся у младших. (Известно, что знаменитый культурный антрополог стала жертвой собственного увлечения, что чуть ли не умышленно приписала традиционному укладу племен Самоа (1920-е гг.) либерально-современные черты сексуального поведения.) Под углом прорыва в будущее поколенческий конфликт часто так и рассматривается. Американский социолог Л. Фойер считает, что данный конфликт «является универсальной темой человеческой истории. Он основывается на самых изначальных чертах человеческой природы и является, может быть, даже более важной движущей силой, чем человеческая борьба» (Фойер).

Однако выпячивание лидирующей роли молодежи в «проспективной» модели едва ли релятивно даже для «современного» общества. Достаточно вспомнить дискуссию Ю. Левады и В. Ядова с Т. Шаниным на эту тему, где позиция первых выглядела заметно более предпочтительной. В этом же смысле можно напомнить вышеприведенные аргументы в пользу того, что активная, то есть субъектная, позиция молодежи — вещь очень проблематичная, особенно в недемократических странах, когда дело касается молодежного самоутверждения в сфере власти и гражданских свобод. Здесь наблюдается доминирование старшего поколения, с одной стороны, и конформизм — с другой.

Кроме этих эмпирических свидетельств есть и фундаментально-онтологические причины говорить не только об экзистенциальных последствиях «разрыва поколений», но и о необходимости преодоления этого разрыва и ценности «преемственности» смежных поколений. Если

у К. Мангейма теория поколений, которая строится на базе концепта и заботы о «единстве поколений» (для чего автор много рассуждает о «социализации» подрастающего поколения), кажется мотивированной «идеологически», то в дальнейшем о «преемственности поколений» говорят и в более трезвых и не лишенных гуманности терминах. В частности, обращает на себя внимание концепция «межпоколенческой справедливости». Речь идет о том, что социально-экономические и экологические возможности для будущих поколений должны быть как минимум такими, как и у теперешнего поколения (Шавеко 2022).

В эпоху, когда человеческая цивилизация подвергается испытанию на прочность в противостоянии сайентизации (цифровизации) и просто варваризации и антикультуре, именно забота о сохранении и преемственности цивилизационных и человеческих достоинств в культурном арсенале всякого следующего поколения, — именно это старание и составляет один из главных мотивов «диалога поколений» (И. Б. Романенко). Надо сказать, что сегодняшние тревоги такого рода небеспрецедентны. И. Тургенев, задавший формат «Отцы и дети», представлял «разрыв» поколений достаточно пронизательно, а именно тоже под этим углом. Главное состояло не в преимуществе от обладания «новым», естественно-научным знанием у «современного» ему поколения и дефицита этого «знания» у «отцов». Речь шла, конечно, о другом. Речь шла о присутствии «сентиментализма», «романтизма», «культурности», в конце концов, у старших и отсутствии такового у младших. Для русского писателя именно культура была «содержанием». В этом был свой глубокий смысл, и Тургенев переживал утрату этого «содержания» в лагере «нового» поколения. Он выразил дихотомию «отцов» и «детей» следующим эпитафией: «Отцы — содержание без силы [если считать, что только «знание — сила». — *А. Ш.*], дети — сила без содержания». Правда, в текст романа этот эпитафий не вошел. Как бы то ни было, но, похоже, определение «нового поколения» как «сила без содержания» имеет свой провидческий смысл.

Поколения, вступающие в цифровую среду обитания

Удручающий момент во многих современных «поколенческих концепциях» состоит в том, что в них по-настоящему не отрефлексирован в «человеческих» терминах характер того вызова, который формирует *modus vivendi* и *modus operandi* поколения, рожденного в атмосфере этого вызова. Ведь одно дело, когда молодежь вступает в жизнь в обстановке кризиса или катастрофы, необходимость и формы борьбы с которыми очевидны или почти очевидны. Такова, например, жизнь в условиях жестокой диктатуры или экологической трагедии. И совсем другой случай,

когда мы имеем дело с вызовом, который скорее и не воспринимается как нечто «ужасное» и несовместимое с «природой» человека. Понятно, что речь идет о той «мягкой» (soft) силе, которая сегодня представлена «цифровой технологией». Биотехнологии и соцсети — вот два входа в мир «постчеловеческой» реальности, где «искусственное» вытесняет «естественное». Вступать в этот мир есть род искушения, стоящего перед чередой новых поколений. Здесь нужен свой *vade mecum*, свой проводник-спутник, который прокладывает маршрут под знаком различия между «достаточным» и «необязательным», под знаком вольтеровского императива: «Пользуйтесь, но не злоупотребляйте!» В историю входят те поколения, которые ориентируют социум как бы «из подлинного будущего», а не «из плохо читаемого настоящего».

Но дело даже не в том, что «профиль» поколения детерминируется задачами и характером будущего, которое бросает вызов социуму на любом данном его этапе. Если поколение называется «потерянным» или «молчаливым», то это значит, что эта генерация является не столько субъектом и творцом, сколько объектом и жертвой обстоятельств. И собственно поколение «начинается» в этом случае только с момента появления в нем представителей, олицетворяющих «фермент» сопротивления и борьбы с этими «обстоятельствами».

Два известных американских социолога, В. Штраус и Н. Хоув, авторы «теории человеческих генераций» (Strauss, Howe 1991), начинали с того, что исходили из предметных обозначений исследуемых поколений. В частности, для периода конца XIX и первой половины XX столетий это были: «Потерянное поколение» (1883–1900), «Великое поколение» (1901–1927), «Молчаливое поколение» (1928–1945), «Бэби-бумеры» (1946–1964). В этих названиях мы видим так или иначе ориентацию на субъектность поколений — их активную или пассивную роль в понимании и жизнеустройстве в своем времени соответствующих периодов истории. А дальше этот принцип классификации поколений забуксовал. Социологи отказались от предметной, экзистенциальной, а тем более онтологической классификации поколений. Дальше пошла «нумерация» сначала с помощью латинского алфавита: поколение X, поколение Y, поколение Z, а еще дальше господ социологи пожелали перейти на греческий букварь: самое свежее — поколение Альфа и вырастающие на горизонте: поколение Бета, Гамма et cetera.

Это бегство от бескомпромиссного «содержательного», «субъектного» принципа классификации в тихую гавань «алфавитной нумерологии» выглядит сегодня очередным грехом постмодернистской методологии в теперешней социологии. Злой критик современного ему «модернизма / позитивизма» в науке называл этот грех «обезмуженным

косоглазием». Но от жизненной повестки дня, как говорится, не уйдешь и не спрячешься под маской любой наукообразности. Не нужно софистически усложненной социологии, чтобы зафиксировать кричащую очевидность «социабельной», «экзистенциальной» и вообще «онтологической» утраты в этой «нумерологии» поколений.

В наблюдаемой картине обретений и утрат в «календаре» поколений: на каждый шаг вперед — два шага назад. *С одной стороны*, новые поколения одно за другим демонстрируют те потребности, качества и т. д., которые могут быть отнесены к онтологически значимым, которые скорее соответствуют подлинности человеческой природы и человеческого бытия. Их отличает не только финансовый интерес к современным профессиям, но и сам смысл и творческое содержание работы. Наблюдается вполне адекватный уровень иронии не только к окружающим, но и к самим себе. Наблюдаемый у них «гедонизм» носит, как правило, не столько материальный, сколько «постматериальный» (Р. Ингельхарт) характер (путешествия, досуг, общение и проч.). Вместе с тем, *с другой стороны*, на фоне ярко выраженной, так сказать, «компьютерной фамильярности» новые поколения собрали целый букет ослабленных «социабельных», «характерологических» и просто «психологических» качеств, отвечающих за жизнеустойчивость личности. Здесь и «склонность оттягивать переход во взрослую жизнь на более длительный срок»; и «болезненная забота о своей частной жизни: фокус решения проблем смещен в личное пространство даже тогда, когда осознается их глобальная природа»; и «не умеют думать на большую перспективу»; и тот факт, что они «легко мнутяся» под первой тяжестью социального давления или тяжелой жизненной ситуации; равно как сокращение реальных контактов (некомпенсируемое контактами виртуальными) влечет за собой эмоциональную бедность и сокращение почвы для жизненного опыта (Щелкин 2022: 17–18).

Когда перечитываешь этот список далеко не позитивных человеческих последствий для социума, вступающего в зону «цифрового триумфа», поневоле возникает законный вопрос: неужели это тот случай, который описывается старой и фатальной формулой — «За всё надо платить»? Увы, нет облегченного и счастливого ответа на этот вопрос. «Страницы истории — это совсем не страницы счастья», — сказал философ, неоднократно здесь упоминаемый. Действительно: за многое, если не все, надо платить. Так оплачивались в том числе и успехи цивилизации. Причем хорошо конвертируемой валютой самой этой цивилизации. У социологов это называется «децивилизацией», у историков — более привычно: «варваризацией» жизни. Уступив завоевание в одном месте, цивилизация берет реванш в другом. В нашем случае: пожертвовав

списком «человеческих качеств» у субъектов поколений X, Y, Z, Alfa, Beta, Gamma, общество «триумфально» прорывается в «цифровое будущее», где оно должно определиться со своей гуманитарно-онтологической составляющей. По словам, приписываемым К. Леви-Строссу, «XXI век будет гуманитарным или его вовсе не будет».

Сегодня действительно многие западные и отечественные социологи сводят проблему «отцов» и «детей» к рационально-«цифровой» компетентности вторых и некомпетентности первых. Очевидно, что подобный техноцентристский дуализм «отцов» и «детей» исчезнет (исчезает) сам собой, но человеческий, онтологический и, опять же, цивилизационный смысл сосуществования «отцов» и «детей», безусловно, намного шире и имеет касательство прежде всего к условиям сохранения именно гуманитарной репутации социума. В этом плане внимание социологов поневоле должен привлекать вопрос, какую цену приходится платить «потребительскому» поколению за обретение ИТ-компетенции в «цифровом обществе». Между тем мы можем наблюдать в социологии род своеобразной беспечности, когда всякое «новое» и «продвинутое» поколение принимается за некую самостоятельную субъектность, которая может так или иначе претендовать на портрет целого исторического этапа современного общества.

Конечно, не подвергая сомнению роль «искусственных средств» в жизни людей (будь то хрестоматийные «орудия труда» или компьютерные «нейросети»), можно постулировать как аксиому: человеческое Я нередуцируемо до статуса «искусственного» образования, оно по мере той же биороботизации просто в качестве *ultima veritas*, высшей истины, отодвигается на более достойное место. Не отождествление, а отличие «искусственного» от «естественного» так же безусловно, как, скажем, «разделение властей» в сфере политики. Что же касается модного постмодернистского воззвания к «переопределению» фундаментальных понятий, как мы это недавно наблюдали в истории с «гендерным переопределением», то алогичность последнего очевидна, кажется, и самим инициаторам, радикальным феминисткам. Сегодняшний «трансгуманизм» делает ошибку онтологического порядка.

У. Голдингом в мрачной утопии «Повелитель мух» описан мир «без взрослых». В «цифровой» повседневности этот «мир» девиантен по своему: из мести выкладывают доверительную видеoinформацию, распространяют «компромат» на выбранную жертву и преследуют ее, часто доводя подростка до суицида, и т. д. Если такое «поколение обладателей айфонов» становится отцами детей, погружающихся в «искусственный» и «герметичный» мир «цифры», то на извечный вопрос «*Quo vadis?*»

можно с известной ностальгией сказать, что движущего конфликта по имени «отцы и дети» больше не существует: по принципу — «что отцы, что дети».

И это не тот случай социальной стабильности общества, который мы связываем с исчерпанием подлинных конфликтов. Дж. Твенге в своей недавней работе «Поколение обладателей айфонов» на неизбежный вопрос «что делать?» дает ответ, на который напрашивается законный вопрос: «а как это сделать, чтобы не испортить и без того критическую ситуацию?». Рецепт немного: «всего два» — самоограничение и понимание происходящего (Твенге 2021). В общем-то приходится солидаризироваться и с этим выводом, если только «самоограничение» не ассоциируется с некоей практикой «неолуддизма», а, напротив, имеет в виду, что «самоограничение» есть отличительный признак самой цивилизации.

Источники

Герцен А. Былое и думы // Собр. соч.: В 8 т. — Т. 5. — М.: Правда, 1975. — 383 с.

Климов И. «Пап, дай миллиард»: почему бизнесмены не спешат отдавать своё дело детям // Телеканал РБК [Электронный ресурс]. — 2015. — URL: <https://www.rbc.ru/opinions/business/13/05/2015/55422279a79474261efcf05> (дата обращения: 28.07.2023).

Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 328 с.

Парсамов В. Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. — М.: Алисторус, 2016. — 464 с.

Твенге Дж. Поколение I. — М.: Рипол-Классик, 2021. — 408 с.

Фойер Л. Конфликт поколений. Характер и значений студенческих движений. — URL: http://www.jeducation.ru/3_2005/100.html (дата обращения: 28.07.2023).

Шавеко Н. А. Межпоколенческая справедливость [Электронный ресурс]. — 2022. — URL: http://samlib.ru/s/shaweko_n_a/lekcija6mezhpokolencheskajasprawedliwostx.shtml (дата обращения: 28.07.2023).

Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. — Paris: YMCA-PRESS, 1971. — 302 с.

Шпак А., Анищенко А, Мисюткина В. Разрыв между поколениями. — 2019. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.skolkovo.ru/news/razryv-mezhdupokoleniyami-2/> (дата обращения: 28.07.2023).

Щелкин А. Г. «Отцы и дети» — социологический портрет в онтологическом интерьере // Петербургская социология сегодня. — 2022. — № 18. — С. 5–34.

Strauss W., Howe N. The History of America's Future, 1584 to 2069. — New York: Morrow, 1991. — 538 p.

References

- Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia*. Comp. Y. Levada, T. Shanin. Moscow, NLO, 2005, 328 p. (In Russ.)
- Feuer L. *The conflict of generations. The character and significance of student movement*. URL: http://www.jeducation.ru/3_2005/100.html (access date: 28.07.2016). (In Russ.)
- Gertsen A. Past and thoughts. *Collected works: in 8 volumes*, vol. 5. Moscow, Pravda, 1975, 383 p. (In Russ.)
- Klimov I. Dad, give me a billion. Why they are not in a hurry to give their business to children. *RBC Channel*, 2015. URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/pap-daj-milliard-pochemu-biznesmeny-ne-speshat-otdavt-svoe-delo-detyam/> (access date: 28.07.2023). (In Russ.)
- Parsamov V. *Decembrists and Russian society 1814–1825*. Moscow, Alistorus, 2016, 464 p.
- Shaveko A. N. *Intergenerational justice*. URL: http://samlib.ru/s/shaweko_n_a/lekcija6mezhpokolencheskajasprawedliwostx.shtml (access date: 28.07.2023). (In Russ.)
- Shcelkin A. G. “Fathers and children” — a sociological portrait of generations in an ontological interior. *St. Petersburg Sociology Today*, 2022, no. 18, pp. 5–34. (In Russ.)
- Shestov L. *Apotheosis of groundlessness*. Paris, YMCA-PRESS, 1971, 302 p. (In Russ.)
- Shpak A., Anishchenko A., Misyutina V. *Generation gap*. URL: <https://www.skolkovo.ru/news/razryv-mezhdu-pokoleniyami-2/> (access date: 28.07.2023). (In Russ.)
- Strauss W., Howe N. *The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, Morrow, 1991, 535 p.
- Tvenge J. *Generation I*. Moscow, Ripol-Klassik, 2021, 408 p. (In Russ.)

Щёлкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия.
evropa.ru@gmail.ru

Shcelkin, Alexander G., Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.
evropa.ru@gmail.ru

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2023
Выпуск 22

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>
Адрес редакции и издателя: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, комн. 526.
Тел.: +7(812)316-24-96
E-mail: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *А. А. Нотик*
Оригинал-макет *С. В. Красильнюк*

Подписано в печать 27.12.2023. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 8,86. Тираж 300 экз. Печать цифровая.
Заказ №299РС. Свободная цена.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru